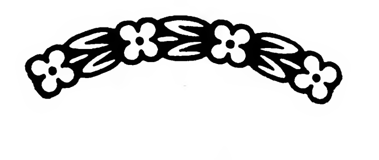
МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

карусель

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

карусель

Рассказы

АЛМА-АТА «ЖАЛЫН» 1989

ББК 84Р7—44
З 88

Для старшего школьного возраста

Михаил Михайлович Зощенко

КАРУСЕЛЬ

Рассказы

Составление и комментарий *Р. Соколовского*
Редактор *Б. Стадничук*
Художественный редактор *С. Макаренко*
Художник *Е. Селиванова*
Технический редактор *Н. Кушнарева*
Корректоры *О. Петрова, Л. Даулетбаева*

ИБ № 4183

Сдано в набор 12.08.88. Подписано в печать 17.01.89. Формат 84×108[1]/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсет. Усл. кр-от. 13,28. Усл. п. л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,26. Тираж 500 000 экз. Заказ 3076. Цена в переплете — 70 к. (100 000 экз.), в обложке — 55 к. (400 000 экз.)

Издательство «Жалын» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата. пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

Зощенко Михаил Михайлович.

З 88 Карусель: Рассказы/Составление и комментарий Р. Соколовского.— Алма-Ата: Жалын, 1989.—240 с.

В сборник вошли малоизвестные произведения выдающегося советского сатирика М. М. Зощенко (1895—1958).

З $\frac{4803010201—049}{408(05)89}$ 173—89 ББК84Р7—44

ISBN 5—610—00416—0

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Перед вами не совсем обычный сборник произведений замечательного советского писателя Михаила Зощенко — в нем представлены забытые или давно не переиздававшиеся и потому малоизвестные рассказы и фельетоны. В книге вы найдете и первые опыты сатирика, и рассказы последних лет, между которыми пролегла напряженная творческая жизнь писателя и драматические события 1946 года, когда он подвергся необоснованной критике и шельмованию как якобы антисоветчик, злопыхатель, пошляк и т. д. Почти десять лет его книги не издавались, а сам он вынужден был пробавляться переводами и редкими публикациями в периодической печати.

Имя Зощенко было возвращено читателям лишь после смерти Сталина. На роль, которую он сыграл в судьбе писателя, проливают свет воспоминания К. Симонова, опубликованные в журнале «Знамя» (№ 3, 1988 г.) и статья А. Ежелева «Душное лето 46-го» («Известия», № 142, 21 мая 1988 года). Вслед за известным постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград» (которое отменено как ошибочное лишь в 1988 г.) и докладом Жданова были изъяты два однотомника, выпущенные в Ленинграде в 1946 году, и небольшой сборник библиотечки «Огонька», так как там публиковались «антисоветские» «Приключения обезьяны». Теперь вы можете познакомиться с этим опальным рассказом и сопоставить обвинения критики с тем, что есть на самом деле. Надо полагать, именно потому, что надуманность этих обвинений очевидна, ради поддержания авторитета Жданова «Приключения обезьяны» более сорока лет находились под запретом, пока не появились в 1987 году в «Книжном обозрении».

Табу, наложенное на книги Зощенко, лишило послевоенных читателей возможности познакомиться с его произведениями, написанными в канун войны, а также с рассказами и фельетонами военных лет — большая их часть так и не вошла в последующие сборники.

В книгу включены несколько произведений Зощенко последних лет, отличных от всего, что он писал раньше: поблек язык, исчезли неповторимые зощенковские интонации, появилась излишняя назидательность, некий дух святочных рассказов. Нет, не угасла сила таланта писателя, о чем свидетельствуют его превосходные переводы с финского Лассила, но всеобщее осуждение его творчества, думается, не могло не повлиять на Зощенко. Он, конечно же, пытался понять, в чем неправ, и пробовал

выразить себя в новом качестве. Другое дело, что эти поиски оказались неудачными.

Не в одних личных событиях заключалась беда Зощенко. Неблагоприятной для сатиры была обстановка в литературе и искусстве, созданная в период культа личности Сталина. Лакировочные тенденции в изображении действительности, рожденные в предвоенные годы, превратились в основополагающую идеологическую линию. Атмосфера славословия исключала существование серьезных объектов для сатиры, отрицательные явления объявлялись нетипичными, нехарактерными для нашей жизни и попадали в «сатирические» произведения после строгой дозировки, причем «хорошее» всегда побеждало «плохое». Но и это уже не устраивало аллилуйщиков: они утверждали, что в нашей жизни правомочен лишь конфликт «хорошего» с «лучшим». Этот дух не мог не повлиять на творчество Зощенко, как не минул и других писателей, работавших в жанре сатиры.

Нелегок и непрост был путь произведений Зощенко к читателям — они тщательно отбирались, «редактировались». Характерно, в частности, изъятие из знаменитой «Бани» упоминания о хорошем обслуживании в американских банях.

В 50-е — 60-е годы увидели свет несколько однотомников избранных произведений писателя. Понятно, что они не были в состоянии охватить все написанное Зощенко, к тому же при их составлении сказывались остаточные явления недоброжелательной критики, ярлыки, приклеенные в докладе Жданова. Лишь двухтомники, выпущенные издательством «Художественная литература» в 1968 и 1978 гг., приобщили читателей к «Голубой книге», высоко ценимой Горьким, к повестям «Возвращенная молодость», «Сентиментальным повестям», «Мишелю Синягину». Однако наиболее полный свод сатирических рассказов дал читателям сборник «Рассказы», подготовленный тем же издательством в 1974 г.

Изданный вместо собрания сочинений, трехтомник Зощенко тем не менее стал значительным событием в литературной жизни, в деле возвращения его наследия читателям. Наконец в полном объеме появилась повесть «Перед восходом солнца», публикация которой в 1943 г. была прервана в журнале «Октябрь» после уничтожающей критики в журнале «Большевик». В трехтомник вошло около 60 рассказов и фельетонов, найденных составителем Ю. Томашевским в различных журналах 20-х годов, в то же время туда не сумел пробиться опальный рассказ «Приключения обезьяны», из-за нехватки места не вошли «Письма к писателю», удивительный документ любви и доверия читателей к Зощенко. Этот пробел частично восполняет сборник «Карусель».

Время гласности и демократизации нашего общества позволило подготовить этот сборник, который открывает новые страницы творчества большого и умного писателя-сатирика, чья тонкая и ироничная улыбка и сейчас страшит бюрократа и мещанина.

СЛУЧАЙ В БОЛЬНИЦЕ

В феврале я, братцы мои, заболел.

Лег в городскую больницу. И вот лежу, знаете ли, в городской больнице, лечусь и душой отдыхаю. А кругом тишь и гладь и божья благодать. Кругом чистота и порядок, даже лежать неловко. А захочешь плюнуть — плевательница. Сесть захочешь — стул имеется, захочешь сморкнуться — сморкайся на здоровье в руку, а чтоб в простыню — ни боже мой, в простыню нипочем не позволяют. Порядка, говорят, такого нет.

Ну и смиряешься.

И нельзя не смириться. Такая вокруг забота, такая ласка, что лучше не придумать. Лежит, представьте себе какой-нибудь паршивый человек, а ему и обед волокут, и кровать убирают, и градусник под мышку ставят, и клистиры собственноручно пихают и даже интересуются здоровьем.

И кто интересуется? Важные передовые люди — врачи, доктора, сестрички милосердия и опять же фельдшер Иван Иванович.

И такую я благодарность почувствовал ко всему этому персоналу, что решил принести материальную благодарность.

Всем, думаю, не дашь — потрохов не хватит. Дам, думаю, одному. А кому — стал присматриваться.

И вижу: некому больше дать, иначе как фельдшеру Ивану Ивановичу. Мужчина, вижу, крупный и представительный и больше всех старается и даже из кожи вон лезет.

Ладно, думаю, дам ему. И стал обдумывать, как ему всунуть, чтобы и достоинство его не оскорбить и чтобы не получить за это в рожу.

Случай вскоре представился.

Подходит фельдшер к моей кровати. Здоровается.

— Здравствуйте,— говорит.— Как здоровье? Был ли стул?

Эге, думаю, клюнуло.

— Как же,— говорю,— был стул, да кто-то из больных унес. А ежели вам присесть охота, присаживайтесь в ноги на кровать. Потолкуем.

Присел фельдшер на кровать и сидит.

— Ну,— говорю,— как вообще, что пишут, велики ли заработки?

— Заработки,— говорит,— невелики, но которые интеллигентные больные и хотя бы при смерти норовят непременно в руку сунуть.

— Извольте,— говорю,— хотя я и не при смерти, но дать не отказываюсь. И даже давно про это мечтаю.

Вынимаю деньги и даю. А он этак любезно принял и сделал реверанс ручкой.

А на другой день все и началось.

Лежал я очень даже спокойно и хорошо, и никто меня не тревожил до этих пор, а теперь фельдшер Иван Иванович словно ошалел от моей материальной благодарности. За день раз десять или пятнадцать припрется он к моей кровати. То, знаете ли, подушечку поправит, то в ванну поволокет, то клизму предложит поставить. Одними градусниками замучил он меня, сукин кот. Раньше за сутки градусник раз или два поставят — только и всего. А теперь раз пятнадцать. Раньше ванна была прохладная и мне нравилось, а теперь набуровят горячей воды — хоть караул кричи.

Я уж и так, и эдак — никак. Я ему, подлецу, деньги еще сую — отстань только, сделай милость, он еще пуще в раж входит и старается.

Неделя прошла, вижу — не могу больше.

Запарился я, фунтов пятнадцать потерял, похудел и аппетита лишился.

А фельдшер все старается.

А раз он, бродяга, чуть даже меня в кипятке не сварил. Ей-богу. Такую ванну, подлец, сделал — у меня аж мозоль на ноге лопнул и кожа сошла.

Я ему говорю:

— Ты что же, говорю, мерзавец, людей в кипятке варишь? Не будет тебе больше материальной благодарности.

А он говорит:

— Не будет, не надо. Подыхайте,— говорит,— без помощи научных сотрудников.

И вышел.

А теперича снова все идет по-прежнему: градусник

ставят один раз, клизму — по мере надобности. И ванна снова прохладная, и никто меня больше не тревожит.

Не зря борьба с чаевыми происходит. Ох, братцы, не зря!

КАРУСЕЛЬ

Вот, братцы мои, придется нам некоторое время обождать с бесплатностью. Нельзя сейчас.

Скажем, бесплатно все. А мы никакой меры не знаем. Думаем, ежели бесплатно, так и при, ребята, всем скопом.

Как однажды на первомайских праздниках поставили карусель на площади. Ну, народ повалил, конечно. А тут парень какой-то случился. Из деревни, видимо.

— Чего,— спрашивает парень,— бесплатно крутит?

— Бесплатно!

Сел этот парень на карусель, на деревянную лошадь, и до тех пор крутился, покуда не помертвел весь.

Сняли его с карусели, положили на землю — ничего, отдышался, пришел в себя.

— Чего,— говорит,— крутит еще?

— Крутит.

— Ну — говорит,— я еще разочек... Бесплатно все-таки.

Через пять минут снова его сняли с лошади.

Снова положили на землю.

Рвало его, как из ведра.

Так вот, братишки, обождать требуется.

РАЗГОВОРЫ

ЛЕТЧИК

...Я, конечно, братишки, испужался ужасно. Остолбенел прямо-таки. А тут еще аппарат накренился набок и, гляжу, падает. Ну, думаю, погиб я... Ухватился рукой за раму и как сигану вниз...

Гляжу: лечу, мать честная. Эх, думаю, хорошо это с парашютом падать... А так-то без парашюта боязно, думаю... Лечу я это вниз и чуть не плачу — и себя-то жалко,

и аппарата до черта жалко — потому, думаю, вдребезги разобьется... Вдруг хрясть о землю — упал. Ну, думаю, богородице дево, радуйся, без ноги, думаю...

— Ну, а аэроплан что? Вдребезги?

— Какой аэроплан?

— Ну, аппарат, что ли... С аппарата же падал?

— Зачем с аппарата. С этажа падал. Аппарат в кухне с полки свалился... Как, значит, милиция в квартиру вперлась, мы очень даже испугались. Начали самогонный аппарат на полку прятать... А он шмяк с полки. Шум, конечно, треск. А мы с перепугу к окну... И ринулись вниз... Полноги недочет...

ДВУГРИВЕННЫЙ

...Гляжу, стоит нищий, слепенький... Сунул я ему в руку двугривенный и пошел. А нищий, гадюка, хвать меня за руку.

— Ты что,— говорит,— сукин кот... Какие деньги суешь-то? Думаешь, если я слепой, так и ничего не вижу?

И ляп мне тот самый двугривенный между глаз.

«Ну, думаю, заметил, черт слепой».

— Да уж, знаете ли... Нынче от царской монеты нищий и тот нос воротит...

— Как царский? Не царский... Советский двугривенный. Своей работы. Мы пробу производили. На ощупь заметно ли...

ПОП

...Я посмотрел. Вижу поп стоит.

«Стой,— думаю,— стой бродяга! Стой поповское отродье. Счас я тебя припаяю».

Размахнулся я — да р-раз по попу...

Ну, ребята тут закричали:

«Молодец, Ванька! Правильно бьет!»

— Ну, а поп что? За что же вы его так?

— Ну, а поп, конечно, упал за черту. И за городом лежит... Партию мы выиграли... Я в рюхи важно играю...

НИЩИЙ

Повадился ко мне один нищий ходить. Парень это был здоровенный: Ногу согнет — портки лопаются, и к тому же нахальный до невозможности. Он стучал в мою дверь кулаками и говорил не как принято: «подайте, гражданин», а:

— Нельзя ли, гражданин, получить безработному.

Подал я ему раз, другой, третий. Наконец говорю:

— Вот, братишка, получай полтинник и отстань, сделай милость. Работать мешаешь... Раньше как через неделю на глаза не показывайся. Через неделю ровно нищий снова заявился. Он поздоровался со мной, как со старым знакомым, за руку. Спросил — что пишу.

Я дал ему полтинник. Нищий кивнул мне головой и ушел.

И всякую неделю по пятницам приходил он ко мне, получал свой полтинник, жал мне руку и уходил.

А раз как-то, получив деньги, он помялся у двери и сказал:

— Прибавить, гражданин, нужно. Невозможно как все дорожает.

Я посмеялся над его нахальством, но прибавил.

Наконец, на днях это было, он приходит ко мне. Денег у меня не было.

— Нету,— говорю,— братишка, сейчас. В другой раз...

— Как,— говорит,— в другой раз? Уговор дороже денег... плати сейчас.

— Да как же,— говорю,— ты можешь требовать?

— Да нет, плати сейчас. Я,— говорит,— не согласен ждать.

Посмотрел я на него — нет, не шутит. Говорит серьезно, обидчиво, кричать даже начал на меня.

— Послушай,— говорю,— дурья голова, сам посуди, можешь ли ты с меня требовать?

— Да нет,— говорит,— ничего не знаю.

Занял я у соседа полтинник — дал ему. Он взял деньги и не прощаясь ушел.

Больше он ко мне не приходил — наверное, обиделся.

СПИЧКА

Выступил у нас с докладом один докладчик. Или он от союза деревообделочников, или он от спичечного треста. Неизвестно это. На лице у него не написано.

Длинную такую хорошую речь произнес. Много чего сказал теплого и хорошего. И производительность, говорит, улучшается. И производство, говорит, сильно вперед прет. И качество, говорит, товара становится замечательным. Сам бы, говорит, покупал, да деньги нужны.

Бодрые вещи говорил. Раз двадцать его народ перебивал и хлопал ему. Потому всем же приятно, когда производительность повышается. Сами понимаете.

А после докладчик стал цифры приводить. Для наглядности сказанного.

Привел две цифры и чтой-то осип в голосе.

Взял стакан воды, глотнул. А после говорит:

— Устал,— говорит,— я чтой-то, братцы. Сейчас,— говорит,— закурю и буду опять продолжать цифры.

И стал он закуривать. Чиркнул спичку. А спичечная головка, будь она проклята, как зашипит, как жиганет в глаз докладчику.

А докладчик схватился рукой за глаз, завыл в голос и упал на пол. И спичками колотит по полу. От боли, что ли?

После ему глаз промыли и платком завязали.

И снова на кафедру вывели.

Вышел он на кафедру и говорит:

— Чего,— говорит,— цифры зря приводить и себя подвергать опасности. И так все ясно и понятно. Считаю собрание закрытым..

Ну народ, конечно, похлопал докладчику и по домам пошел, рассуждая между собой — к чему, мол, этими цифрами мозги засорять, когда и так все ясно.

ЗАСЫПАЛИСЬ

Станция Тимохино. Минуты две стоит поезд на этой станции Ерундовая вообще станция. Вроде полустанка. А глядите, какие там дела творятся. На ткацкой фабрике.

Стала пропадать там пряжа.

Месяц пропадает. И два пропадает. И год пропадает.

И пять лет пропадает... Наконец на шестой год рабочие взбеленились.

— Что ж это,— говорят,— пряжа пропадает, а мы глазами мигаем и собрание не собираем. Надо бы собрание собрать: выяснить — как, чего и почему.

Собрались.

Начали.

Все кроют последними словами воров. И этак их, и так, и перетак.

По очереди каждый гражданин выходит к помосту и кроет.

Старший мастер Кадушкин едва не прослезился.

— Братцы!— говорит.— Пора по зубам стукнуть мошенников. До каких пор будем терпеть и страдать?!

После старшего мастера вышел ткач Егоров, Василий Иванович.

— Братцы,— говорит,— не время выносить резолюции. Иначе как экстренными мерами и высшим наказанием не проймешь разбойников. Пора сплотиться и соединиться. Потому — такая чудная пряжа пропадает — жалко же. Была бы дрянь пряжа — разве плакали бы?! А то такая пряжа, что носки я три года не снимая ношу — и ни дырочки.

Тут с места встает старший мастер Кадушкин.

— Ха!— говорит.— Носки. Носок, говорит, вроде как сапогом защищен. Чего ему делается! Я вот, говорит, свитер с этой пряжи два года ношу, и все он как новенький. А ты, чудак, с носком лезешь.

Тут еще один ткач встает с места.

— Свитер,— говорит,— это тоже не разговор, товарищи. Свитер, говорит, это вроде как костюм. Чего ему делается. Я говорит, перчатки шесть лет ношу, и хоть бы хны. И еще десять лет носить буду, если их не сопрут. А сопрут, так вор, бродяга, наносится... И дети, говорит, все у меня перчатки носят с этой пряжи. И родственники. И не нахвалятся.

Тут начали с места подтверждать, дескать, пряжа, действительно выдающаяся, к чему спорить. И не лучше ли заместо спора перейти к делу и выискать способ переловить мошенников.

Были приняты энергичные меры: дежурства, засады и обыски. Однако воров не нашли.

И только на днях автор прочел в газете, что семь человек с этой фабрики все-таки засыпались. Среди засыпав-

шихся были все знакомые имена: старший мастер Кадушкин, Василий Иванович, Егоров и другие.

А приговорили их... Тьфу, черт! Мне-то что — к чему их приговорили? Недоставало адрес ихний еще сообщить. Тьфу, черт, а ведь сообщил — станция Тимохино.

Ах, читатель, до чего заедает общественное настроение.

ПАРОХОД

В этом году мне многие советовали проехаться по Волге. Отдых, дескать, очень отличный. Природа и вообще берега... Вода, еда и каюта.

Я так и сделал. Поехал в этом году по Волге.

Конечно, особенно я не раскаиваюсь через это путешествие, но и восторгу, как бы сказать, у меня нету к этой речке. Главное, там с пароходами много лишнего беспокойства.

Слов нет — пароходы там очень великолепные. И мне самому попался, можно сказать, первоклассннейший пароход. Вот только, к сожалению, не помню его заглавия. Кажется, «Тов. Пенкин». А может быть, и нет. Позабыл. Память через дальнейшие потрясения у меня слегка отшибло.

Но дело тут не в названии, а в факте. А факт, можно сказать, такой.

Приехали мы в Самару.

Вылезли небольшой труппой на берег — шесть человек и одна беспартийная барышня.

Пошли, конечно, осматривать город.

Осмотрели город. Возвращаемся назад. Доходим, конечно, до пристани. Видим — нету нашего парохода.

Я говорю:

— Братцы мои, да никак наш пароход ушел?

И видим — действительно нету нашего парохода «Тов. Пенкин». А стоит какой-то вовсе другой пароход. Может быть, встречный, «Гроза» или «Глаза», я не помню. У меня память через это путешествие испортилась.

Так стоит эта «Гроза» или «Глаза». А «Пенкина» нету. Тут я прямо закачался.

Багаж, думаю, в каюте. Документов с собой мало. И пароход уплыл.

Тут вся наша труппа закачалась.

«Чего,— думаем,— делать?»

Спрашиваем публику плачевным голосом:

— Давно ли «Пенкин» ушел? На чем прикажете догонять?

Публика говорит:

— Догонять не приходится. Эвон «Пенкин» стоит Только теперича это «Гроза» бывший «Пенкин». Переменили заглавие.

До чего мы обрадовались — сказать нельзя. Бросились всей труппой на пароход и до самого Саратова не вылезали.

А в Саратове я вылез всего, ей-богу, на полчаса. Только до ларька смотался, пачку папирос купил. И поскорей назад.

Возвращаюся назад — опять, гляжу, нет моего парохода. Другой пароход стоит.

Конечно, испуг у меня был не такой сильный, как в первый раз. Думаю, шансы есть. Может быть, думаю, они опять заглавие перекрасили.

Но все-таки испугался. Не совру.

Подхожу ближе.

Вижу, «Грозы» действительно нету. А стоит «Короленко». Спрашиваю берегового боцмана:

— А где «Гроза»?

Боцман говорит:

— А эвон «Гроза». Только теперича это «Короленко», начиная с Саратова.

— Чего ж,— говорю,— краски-то не жалеете?

— Так что,— говорит,— прежнее заглавие, как бы сказать, не актуальное было. Не так созвучно, как это.

— Действительно,— говорю,— это будет слегка посозвучней для такого парохода.

Хотел я спросить, кто этот Короленко, или, может, это низовой работник, но не спросил. Потому по морде вижу, что береговой боцман и сам не в курсе. Только потом выяснилось, что это писатель.

Вскоре поехали дальше.

Однако заглавие больше не трогали. Так, знаете ли, до самой Астрахани и доплыли с этим заглавием.

А назад я поехал по суше. Так что дальнейшая судьба «Короленки» мне неизвестна.

ИНЖЕНЕР

В этом году Володька Гусев окончил школу второй ступени.

Мамаша Володькина, вдова полотера, дамочка вовсе простая и в науке неискушенная, была очень этим обрадована.

Цельную осень она по гостям шаталась и все про своего Володьку разговаривала.

— Наконец-то,— говорит,— и мой сын инженером будет. Тольки,— говорит,— вот не знаю, как насчет квартирной площади? Не назначил бы мошенник-управдом высокую плату как инженеру... Тольки это и есть беспокойство, а так все остальное очень отлично.

Вообще очень мамаша была обрадована.

А насчет самого Володьки — так и говорить нечего. У парня нос аж завострился от переутомления и радости.

Все знакомые в доме поздравили Володьку. Спрашивали, в какой, мол, высший вуз он намерен поступить и вообще, какой Володька себе путь жизни избрал и не хочет ли он по красной кооперации удариться.

На это Володька говорил просто:

— Уважаемые товарищи, конечно, я в инженер-строители пойду. Об чем речь? Надо все-таки республике малость помочь. Сами видите, какое положение: домов нет, крематория нет,— все строить заново надо... Кроме этого — призвание у меня к этому с детства.

Мамаша Володькина, дамочка, можно сказать, ни уха ни рыла не понимающая в науке, и та подтверждала насчет призвания.

— И все-то,— говорит,— он в детстве строил и лазил, и даже раз со второго этажа вниз сверзился.

Тогда же вот весной, по окончании школы, я и встретил раз Володьку.

Поздравил его. И, черт меня тогда попутал, вынул я кошелек и дал Володьке от чистого сердца трешку, чтоб фуражку себе купил.

Думаю, от трешки я не разорюсь, а парню все-таки радость. Может, со временем инженером будет — дом мне построит.

Тогда же при мне Володька и купил фуражку. Этакая, знаете, с бархатным бортиком, и канты красные. И в середке загугуленка — значок.

Только дом мне Володька не построил.

Осенью встретил я его. Идет хмурый. И нос у него завострился от переутомления и горести.

— А,— говорю,— инженер-строитель! Мое почтение

А Володька махнул рукой и говорит:

— Какой там,— говорит,— инженер! Я,— говорит, между прочим, в Ветеринарный институт поступил. Ва канций, знаете, не было в гражданский.

Постояли мы минутку друг против друга и разошлись. А вдогонку Володька кричит мне:

— Фуражку-то,— говорит,— я занесу вам назад. Не пригодилась.

— Пущай,— кричу,— лежит у тебя! Может, говорю,— внук у тебя будет. Может, внуку пригодится если ваканции в то время будут.

А он ручкой махнул и пошел.

А фуражка так за ним и осталась. Наверное на что-нибудь пригодилась. Пущай. Ладно.

СИЛА КРАСНОРЕЧИЯ

Дело было, нельзя сказать, что запутанное. Все было довольно-таки ясно и скучно.

Преступник сознался в своей вине.

Да, действительно, он влез в чужую квартиру, придушил чуть не насмерть какую-то квартирную старушонку и унес два костюма, медную кастрюлю и еще какое-то барахло.

Дело было плевое. Неинтересное.

Я хотел было уйти из зала суда, но пробраться было трудно. Много народу. К тому же сосед мой, староватый гражданин с седыми усами, очень неприветливо буркнул когда я заворочался на своем месте.

Я остался, поглядел на преступника. Тот сидел неподвижно. Глядел безучастно куда-то в сторону.

— Интересно, сколько ему дадут?— сказал я.

— Ничего интересного,— сказал старик, мой сосед, четыре года со строгой изоляцией.

— Почему вы так думаете?

— Не я думаю,— строго сказал старик.— Кодекс думает.

Но вот вышел обвинитель..

Он начал говорить с сильным душевным подъемом

Много неподдельного гнева и презрения было в его словах. Он буквально растоптал преступника. Он сравнил его с самым последним дрянным мусором, который надо выкинуть без сожаления.

Я давно не слышал такой превосходной речи.

Публика сидела притихшая. Судьи внимательно слушали гневные слова прокурора.

Я поглядел на преступника. Низкий лоб. Тупая челюсть. Звериный взгляд. Да, действительно, форменный бандит. С каким страхом он глядел на говорившего.

— Здорово кроет,— сказал я.— Как бы парня налево не послали, а? Как вы думаете? Высшую меру не могут дать?

— Ерунда,— сказал старик,— четыре года со строгой изоляцией.

Но вот прокурор кончил. После небольшого перерыва начал говорить защитник.

Это был довольно молодой человек. Но сколько настоящего таланта было в нем! Какая сила красноречия! Какой неподдельной простотой и искренностью звучала вся его речь.

Красноречие — это большой дар. Это — большое счастье обладать такой способностью покорять людей своими словами и диктовать им свои желания.

Почти полтора часа говорил защитник.

Публика дергалась на своих местах. Дамы глубоко вздыхали и пудрили вспотевшие от волнения носы. Некоторые слабонервные всхлипывали и сморкались. Сам председатель нервно барабанил пальцами по бумаге.

Преступник в совершенном обалдении, полураскрыв рот, глядел на своего благодетеля.

Да, конечно, защитник и не пытался отрицать его вину. Нет! Это все так. Но не угодно ли заглянуть поглубже? Не угодно ли приподнять завесу, скрывающую тайники жизни? Да, преступник виновен, но нужно хоть раз с добрым сердцем взглянуть на этого человека, на его простое наивное лицо.

Я снова посмотрел на преступника. В самом деле, а ведь лицо довольно простоватое. И лоб — как лоб. Не особенно низкий. И челюсть не так уж выдается. Подходящая челюсть. Прямо трудно поверить, что с такой челюстью можно душить старушку.

— А ведь парня-то, пожалуй, оправдают,— сказал я,— или дадут условно. Очень уж способно говорил защитник.

— Ерунда,— сказал старик,— четыре года со строгой изоляцией.

Но вот суд удалился на совещание.

Публика ходила по коридору, обсуждая прекрасную речь защитника. Многие предполагали, что более одного года условно не могут дать.

Мой старик сосал небольшую трубку и сердито говорил в толпе:

— Ерунда! Четыре года со строгой изоляцией.

После долгого ожидания суд вернулся в зал.

Был оглашен приговор — четыре года со строгой изоляцией.

Конвойные тотчас окружили преступника и увели...

Публика медленно расходилась.

В толпе я увидел своего старика. Он прищурил глаз и что-то пробормотал. Наверное, он сказал:

— Вот видите, я же говорил.

Этот человек явно скептически относился к красноречию.

Я с ним не согласен. Мне нравится, когда о человеке много и подробно говорят. Все-таки меньше шансов ошибиться.

АВАНТЮРНЫЙ РАССКАЗ

1. ТАИНСТВЕННАЯ ЗАПАДНЯ

На площадке четвертого этажа человек остановился.

Он пошарил в карманах, вынул спички и чиркнул.

Желтое короткое пламя осветило медную дверную дощечку. На дощечке было сказано буквально следующее:

«Зубной врач Яков Петрович Шишман».

— Здеся,— прошептал незнакомец. И, не найдя звонка, постучал ногой в дверь.

Вскоре щелкнул французский замок, и дверь бесшумно раскрылась.

— Звиняюсь, зубной врач принимают?— спросил незнакомец, с осторожностью входя в полутемную прихожую.

— Вам придется немного обождать,— сухо ответил врач.— У меня сейчас пациент.

— Ну что ж, можно обождать,— добродушно согласился незнакомец.

Врач острым сверлящим взглядом посмотрел на не-

знакомца и, недобро усмехнувшись, добавил:

— Прошу вас пройти в столовую. Следуйте за мной.

И едва незнакомец сел, как врач, быстро обернувшись назад, выскочил из комнаты и захлопнул за собой тяжелую массивную дверь.

Раздалось зловещее щелканье замка.

Незнакомец смертельно побледнел и пытливым взглядом окинул помещение. Комната была почти пуста. Кроме стола, покрытого скатертью, и пары деревянных стульев, ничего в ней не было.

2. ВРАЧ ПРИНИМАЕТ НЕЗНАКОМЦА

Через двадцать минут зубной врач Яков Шишман принял незнакомца.

— Я очень извиняюсь,— сказал врач,— что мне пришлось закрыть вас в столовой. Прислуги у меня, видите ли, нету. А знаете, какое нынче времечко? Давеча у меня пациенты два пальто с вешалки унесли. Перед тем — шубу... А сегодня, знаете, один дьявол последнюю медную плевательницу из прихожей вынес. Прямо хоть бросай работу! Пока тут, знаете, возишься с пациентом, ожидающие выносят. Приходится принимать такие меры... Я очень извиняюсь... Откройте рот...

— Хм...— неопределенно сказал незнакомец и открыл рот.

3. ЧИСТАЯ РАБОТА

Незнакомец вышел на улицу, остановился у фонаря и саркастически усмехнулся.

— Тэк,— сказал незнакомец,— посмотрим теперича, что за дерьмо.

Он вынул из-под пальто столовую скатерть и развернул ее.

— А скатертишка-то дрянь. Латаная скатертишка,— прошептал сквозь зубы незнакомец и с остервенением сплюнул.

Затем потоптался на месте и пробормотал:

— Ну пес с ей, какая есть! Окромя ее ни черта же не было. Не стулья же, граждане, выносить.

Незнакомец махнул рукой и побрел дальше.

КАТОРГА

То есть каторжный труд — велосипеды теперь иметь. Действительно верно, громадное через них удовольствие, физическое развлечение и все такое. На собак опять же можно наехать. Или куренка попугать.

Но только, несмотря на это, от велосипеда я отказываюсь. Я тяжко захворал через свою машину, через свой этот аппарат.

Я надорвался. И теперь лечусь амбулаторно. Грыжа у меня открылась. Я теперь, может быть, инвалид. Собственная машина меня уела.

Действительно, положение такое — на две минуты машину невозможно без себя оставить — упрут. Ну, и приходилось в силу этого машину на себе носить в свободное от катанья время. На плечах.

Бывало, в магазин с машиной заходишь — публику за прилавок колесьями загоняешь. Или к знакомым в разные этажи поднимаешься. По делам. Или к родственникам.

Да и у родственников тоже сидишь — за руль держишься. Мало ли какое настроение у родственников. Я не знаю. В чужую личность не влезешь. Отвертят заднее колесо или внутреннюю шину вынут. А после скажут: так и было.

В общем тяжело приходилось.

Неизвестно даже, кто на ком больше ездил. Я на велосипеде или он на мне.

Конечно, некоторые довоенные велосипедисты пробовали оставлять на улице велосипеды. Замыкали на все запоры. Однако не достигало — угоняли.

Ну, и приходилось считаться с мировоззрением остальных граждан. Приходилось носить машину на себе.

Конечно, человеку со здоровой психикой не составляет труда понести на себе машину. Но тут обстоятельства для меня сложились неаккуратно.

А понадобился мне в срочном порядке целковый. На пропой души.

«Надо,— думаю,— где-нибудь забодать».

Благо машина есть — сел и поехал. Заехал к одному приятелю — дома нету. Заехал к другому — денег нету, а приятель дома.

А один приятель хотя проживает в третьем этаже, зато другой — в седьмом. Туда и назад с машиной смотался — и язык высунул.

После того поехал к родственнице. На Симбирскую улицу. К родной тетке.

А она, зануда, на шестом этаже живет.

Поднялся со своим аппаратом на шестой этаж. Смотрю, на дверях записка. Дескать, приду через полчаса.

«Шляется,— думаю,— старая кочерыжка!»

Ужасно я расстроился и сгоряча вниз сошел. Мне бы с машиной наверху обождать, а я сошел от расстройства чувств. Стал внизу тетку ждать.

Вскоре она приходит и обижается на меня, зачем я с ней наверх идти не хочу.

— У меня,— говорит,— с собой около гривенника. Остальные деньги на квартире.

Взял я машину на плечо, пошел за теткой. И чувствую, икота поднимается и язык наружу вылезает. Однако дошел. Получил деньги сполна. Пошамал для подкрепления организма. Накачал шину и вниз сошел.

Только дошел донизу — гляжу, парадная дверь закрыта. У них в семь часов закрывается.

Ничего я тогда не сказал, только ужасно заскрипел зубами, надел на себя велосипед и стал опять подниматься.

Сколько времени я поднимался — не помню. Шел прямо как сквозь сон.

Начала меня тетка выпущать с черного хода. Сама, зануда, смеется.

— Ты бы,— говорит,— машину наверху оставлял, если внизу боишься.

После перестала смеяться — видит, ужасная бледность разлилась по моему лицу. А я, действительно, держусь за руль и качаюсь.

Однако вышел на улицу. Но ехать от слабости не мог.

А теперь обнаружились последствия — хвораю через эту каторгу.

Утешаюсь только тем, что мотоциклистам еще хуже. Вот небось переживают!

И хорошо еще, что у нас небоскребов не удосужились построить. Сколько бы народу полегло!

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ

Дело это такое, граждане, что надо бы его самым крупным шрифтом набрать. Да только жалко нам такие жирные шрифты на такие дела растрачивать.

Да и контора, поди, ругаться будет.

— Что вы,— скажет,— объелись,— какие шрифты изводите? Это,— скажет,— вам не реклама.

И действительно — не реклама. А напротив того. Для Пищетреста.

Ну, ладно. Пущай будет мелко. В крайнем случае близорукие граждане могут пенсне на нос надеть.

А дело все случилось в Пищетресте. Давненько. Месяца полтора назад.

Полтора, значит, месяца никто не ругал Пищетреста. И вообще многие граждане небось думали, что все уже заглохло. Но нет. Только что начинается. Держитесь, братцы!

Так вот, кажется 26 мая, был устроен грандиозный концерт. Концерт в пользу бывших политкаторжан и ссыльных в Малом оперном театре.

Конечно, все учреждения с охотой брали билеты и раздавали своим служащим и рабочим.

И Пищетрест тоже взял. Рублей, говорят, на триста.

Ну, взял. Посмотрел, чего другие учреждения с этими билетами делают. Видит — раздают. Ну, и тоже раздал. А может, и не успел всем раздать. Мы только про одного гражданина знаем.

А перед самым концертом все и случилось.

Близорукие граждане, надевайте очки!

Два начальника по фамилии,— не любим сплетничать,— Куклин и Еремичев, испугались. И, испугавшись, подумали:

«Эге,— подумали,— билеты-то мы купили, денежки заплатили, а где же оправдательные документы?»

Испугались, задрожали и велят поскорее отобрать эти выданные билеты и пришить их к делу.

Так и сделали. Отобрали и пришили.

Ну, и, конечно, на концерте из Пищеторга никого не было. Да и быть не могло. Потому, сами посудите, раз билеты пришиты к отчетности, то не тащить же на концерт бухгалтерские книги и столы?

Вот и все.

А теперь, ежели спросить какого-нибудь сотрудника

из Пищетреста, был ли он, например, на концерте, сотрудник сконфузится и скажет:

— Да нет, знаете ли, не пришлось.

— А что так?

— Да так, знаете ли, как-то.

И махнет рукой.

И как же ему, читатель, не махать рукой, раз этакий скверный анекдот произошел в Пищетресте?

А так все остальное в Пищетресте хорошо и отлично. Дела идут, контора пишет.

А касаемо этого фактика — он проверен и подтвержден. В чем и расписуемся.

БЕССОННИЦА

Очень в Одессе любопытное, показательное дело произошло. А главное — оно очень принципиальное. Тем более, голоса разделились. Одни говорят: это издевательство. Другие говорят: что вы, что вы!

А мы тоже ничего издевательского не видим. Можно сказать — все в полном порядке.

А речь идет, я говорю, про Одессу. Про одесскую милицию. Там сам начальник гормилиции немного подзашился. Ему перед самой чисткой обвинение кинули — мол, сползает с классовой линии.

— Что так? Почему такое? Парень выдающийся, боевой. Зачем ему сползать с линии.

— А как же,— говорят,— он издевается над младшим составом. Он их на карточку снимает, а после издевается.

— Что вы говорите! Не может того быть! Неужели на карточку снимает?

— Да,— говорят,— определенно.

А дело такое.

Может, знаете такой порядок — некоторые начальники имеют обыкновение ловить с поличными. Ну, заснет часовой или постовой, а его и накроют. Винтовку отберут или шапку снимут. А после к ответу тянут.

Дело, безусловно, обыкновенное. Надо дисциплину соблюдать и не дрыхнуть без задних ног на ответственных постах.

Хотя надо сказать — такая ловля спящих малодействительна.

Другие такие нахальные попадаются — отопрутся,— и все.

— Я,— говорит,— и не спал. Я,— говорит,— только прищурил глазки, а этот ренегат, может, нажрался жирной пищи и налетает — шапку сразу сымает с головы... У них стрелочники завсегда виноваты.

Так что такая ловля, я говорю, не так уж достигает цели. А очень выдающийся способ изобрел начальник одесской гормилиции. Он ходит с аппаратом и чуть что — на карточку сымает. Такой у него фотоаппаратик девять на двенадцать.

Вот он с ним и ходит. Заметит какой-либо беспорядок и сымает моментально или с небольшой выдержкой.

Сымет, например, на карточку спящую милицию, проявит, отпечатает и после в стенную газету вклеивает. Позор!

Главное — и отвертеться нельзя. Улики, можно сказать, налицо. Сам сидишь, сам спишь, и морда твоя виднеется со всеми подробностями: там, скажем, глазки закрыты, изо рта пузыри вылетают. Одним словом, наглядная панорама.

А очень это фотографическое дело обернулось в неожиданную сторону.

Перед самой чисткой начальника гормилиции со своим аппаратом пришили к делу.

— Так что, говорят, помилуйте, это форменное издевательство. Немного задремлешь, а тебя уж на карточку чикают. Прямо всякий сон пропадает, и аппетит теряется. И бессонница наступает.

Ну, поднялась целая история и тарарам.

Гройка встряла в это дело.

— Да,— говорят,— издевательство налицо. Поставить на сегодняшний день под сомнение его классовую личность и наложить взыскание.

Но тут, спасибо, чистка подошла.

Ну, и, конечно, никакого издевательства не нашли. Ясно.

Так что можно, в крайнем случае, снова заняться фотографией. Вот только жаль — аппаратов в продаже нету. Не делают. А пора бы небольшой заводик открыть. Чтобы было чем снимать дремлющую публику.

1926.

КРОЛИКИ

Вчера в столовой я кушал кролика. И нет, ничего, знаете ли.

Сначала я, правда, с непривычки подумал, что мне какую-нибудь дрянь подсунули. А потом ничего, разъелся. Кушать можно.

Это мясо нежное и маленько курицей преподает. Или, скорее, цветной капустой. Очень приятно на вкус, только почему-то после этого выпить хочется. Но я это объясняю скорее психологическими причинами, чем воздействием этого мяса на организм.

А кролика я кушал в чужой столовой. В нашем учреждении с кроликами произошел казус.

У нас сорок служащих. Вот мы и решили завести кроликов.

Ну, конечно, собрание, разные гордые слова, пятое-десятое.

Служащие говорят:

— Может, нам лучше свинок завести. Все-таки у нас столовая, объедки, пятое-десятое.

Но начальство решает кроликов завести.

Ну, сложились по шестнадцати рублей на рыло. Купили кроликов. Клетки. Уборщицу. Пятое-десятое.

Вот имеем двадцать три кролика и ожидаем от них, согласно утверждению ученых, чудовищный приплод.

Только вдруг мы замечаем, что кролики наши очень такие, что ли, привередливые насекомые. Они и то не жрут, и это не кушают. Их интересуют, видите ли, свеженькие овощи, листочки,, сухарики. Еще чего! Очень в них барство наблюдается и капризы, чего даже не бывает у служащих.

В столовой у нас бывает много объедков — так они морды воротят. Они сырые объедки не едят. Они хотят свеженький хлеб, пятое-десятое. Пирожные, может быть.

Вот видим, начали у нас кролики сохнуть.

Начальники говорят:

— Пущай каждый служащий берет каждого кролика под свое шефство и пущай ежедневно своим подшефным чего-нибудь носит. Это и их не разорит, и всячески план будет выполнен.

Ну, стали служащие носить — которые корку принесут, которые печенье «Мария». А им все мало. У них только и делов — пожрать побольше. Это жуткое насекомое в

смысле еды. У них никаких других идейных запросов не бывает. Им бы только пожрать.

Начальник и говорит:

— Пес их знает — действительно, много жрут.

Служащие говорят:

— Надо было свинок завести. Все-таки у нас объедки бывают.

Вскоре у нас кролики стали хворать.

Главное, один кролик захворает, и от него все начинают хворать. Очень нежная тварь. И чем лечить — неизвестно. Ихний врач говорит:

— Их надо едой лечить, это же низшие животные. Они питание себе требуют.

Вскоре осталось у нас девять кроликов. Остальные дуба дали.

Ну, служащие облегченно вздохнули. Девять кроликов прокормить еще можно.

Вскоре наступила сырая погода. И хотя эти последние, как говорится, ходят в мехах, но тем не менее простужаются и, главное, боятся сквозняка. Еще чего!

Стали эти девять подлецов кашлять и чихать.

И вскоре осталось у нас всего две персоны.

Хотели мы их употребить в столовую, но завхоз не позволил.

— Может,— говорит,— они одумаются и начнут нести потомство. Хотя это маловероятно, поскольку это два самца. Но все-таки подождем. А нет — так тогда в столовую.

Наш бухгалтер устроил калькуляцию и подсчитал стоимость одного обеда из этих будущих кроликов.

Он говорит:

— Один обед обойдется рублей в семьдесят.

Так что кто из служащих получает сто рублей в месяц, такой обед будет решительно не по карману.

Но это, конечно, только у нас. Как в других учреждениях — я не знаю. Может, там кроликов по две копейки продают.

А у нас, извините, такой казус, такое головотяпство — непременно кроликов разводить, хотя есть возможность воспитывать свиней при наличии отбросов. Надо, значит, разбираться, где что можно и где чего нельзя.

И служащие у нас теперь прямо вздрагивают при слове «кролик». А при слове «свинья» улыбаются.

А так все остальное хорошо.

БОЛЬШОЙ СЮРПРИЗ

Вот какой подлинный случай произошел этим летом в нашем дачном местечке.

Подъезжает к вокзалу шикарный автомобиль. И там сидит какой-то интурист. Это толстый мужчина лет пятидесяти. Причем одет он ослепительно. Широкое пальто. Очки. И какая-то особая мохнатая кепочка. И вдобавок он держит во рту сигарету.

То есть, по виду это прямо типичный представитель буржуазных стран.

Вот машина остановилась. И шофер, обернувшись, говорит иностранцу по-русски:

— Тогда я буду в аккурат вас тут поджидать.

Интурист кивнул ему головой, дескать, ладно. И сам вышел из машины.

И, выйдя на мостовую, оглянулся по сторонам. Потом сделал несколько шагов. Остановился. Потом опять пошел. И снова встал. И кепочку снял.

И тут все зрители увидели, что этот человек нервничает. Он, как бы сказать, сильно волнуется. Он во все всматривается. И все хочет увидеть. И каждая дачная картинка его трогает.

Тогда одна из местных жительниц, зимогорка Н., не могущая дальше выносить неизвестности, подходит до него и говорит:

— Если вы дачу приехали снимать, то уже июль и все сдано. Или что с вами?

Интурист махнул рукой, дескать, отвяжитесь. И без слов пошел дальше.

Тут несколько человек с зимогоркой вместе обращаются к шоферу. Тот говорит:

— Видите ли, это один иностранец. У него номер в гостинице «Астория». Сам он, представьте себе, швейцарский подданный, но в смысле своего прошлого он говорит, что он чисто русский. И это его родные места. Он тут жил в свое время, до революции. И тут у него была собственная дача. И он теперь на правах интуриста посетил это дачное местечко. Он захотел взглянуть, где он тут жил в дни своей молодости. И через это его волнение ударяет, и он даже попорол пешком, чтобы насладиться картинами прежних переживаний.

Тогда все, кому это сказал шофер, посмотрели на идущего интуриста.

А он, сняв кепочку, шел теперь по Сосновой улице к самому озеру.

И, дойдя до озера, он остановился, потом взял вправо и вдоль по берегу пошел дальше.

Наверное, он живо держал в своей памяти всю эту местность, если спустя двадцать лет шел и не сомневался.

И вот идет он по-над озером. И вдруг остановился. Растерянно оглянулся. Пошел назад. Потом опять вернулся. И развел руками, как бы говоря: ничего не понимаю.

Тогда зимогорка Н., уже ранее с ним говорившая, снова подходит к нему.

Он ей говорит:

— Вот так номер. Не могу, знаете ли, тетушка, отыскать собственную дачу. Двадцать лет,— говорит,— я ее во сне видел и каждый день желал на нее взглянуть. А сейчас, когда это совершилось и когда я сюда прибыл в качестве иностранного туриста, я не могу ее отыскать. А ведь кажется, я тут до революции прожил целых тринадцать лет. Дважды,— говорит,— я тут был влюблен в местных дачниц. Каждое деревцо я тут знаю. И весь фасад этой дачи я всегда держал в своем воображении. И тем не менее, не могу теперь отыскать ее среди всех этих дач.

Зимогорка говорит:

— А скажите: под каким номером шла ваша дача?

Интурист ей говорит:

— Вы,— говорит,— тетушка, дура не дура, но вроде того. Если б я номер знал, то и сам бы посмотрел. Но я номера не помню. А что касается фамилии, то до революции это была дача владельца Петра Свинцова.

Тут среди собравшихся людей выступил местный житель зимогор Попов. Он так сказал:

— Теперь, когда вы назвали фамилию, я в вас узнаю бывшего дачевладельца Свинцова. Ваша,— говорит,— дача стояла аккурат на этом месте. И вы вполне правильно тут остановились. Но только ваша дача еще в 1925 году сгорела от пожара. И на ее месте построен вот этот домик.

Тут все собравшиеся взглянули в лицо интуриста. Все захотели увидеть, как он перенесет это неприятное известие. Все-таки он так мечтал увидеть свою дачу, с которой было связано столько чудных воспоминаний. И вдруг, здравствуйте,— ее больше нету.

Услышав это известие, интурист покачнулся, ахнул, всплеснул руками и, просиявши, сказал:

— Сгорела? Слава богу!

Зимогор Попов сказал:

— Почему вы так восклицаете?

— Я так восклицаю,— сказал интурист,— потому, что я узнал, что мое добро никому не досталось.

Тогда все растерялись и не знали, что ответить. И только зимогор Попов сказал:

— Напрасно восклицаете. Ваша дача сгорела в 1925 году, но до этого времени она шесть лет была под детскими яслями.

— Что она была под детскими яслями,— ответил интурист,— меня это не волнует, но вот если бы сейчас я на этой даче кого-нибудь увидел в качестве владельца — вот это было бы мне в высшей степени неприятно и тяжело. И я даже не знаю, как бы я перенес этот удар. Но теперь я благодарю судьбу, что мое добро никому не досталось. И это мне такой большой сюрприз, какой я даже и не ожидал получить в вашей стране.

Тогда зимогор Попов, довольно революционно настроенный, так нарочно сказал интуристу:

— Дача ваша сгорела, но вот, кажется, ваше имущество спасли и перебросили в дом отдыха.

Так он ему сказал и смотрит: не хватит ли того кондрашка.

Интурист помахал на себя кепочкой, как веером, и сказал вздохнувши:

— Зато дача сгорела. И я снова, счастливый и помолодевший, уезжаю в свою Швейцарию.

Потом испугавшись, не наговорил ли он лишнего, интурист повернулся на каблуках и быстро, не глядя по сторонам, пошел к вокзалу.

Он дошел до своей машины и, сказав шоферу что-то по-французски, велел ехать.

А зимогорке Н., он, порывшись в карманах, хотел дать какую-то мелочь,но та не взяла и даже хотела позвать милиционера, чтобы обуздать интуриста, прибывшего к нам из другого мира со своими навыками.

Но пока она прикидывала в своем уме, как и что, машина уехала. И на этом дело кончилось.

1936 г.

ФИЗИКА

Вот какая история произошла в одной школе. В седьмом классе на уроке физики неожиданно погасло электричество.

А надо сказать, что класс был в первом этаже. Окна выходили во двор. Так что без электричества по утрам всегда было полутемно и нельзя было заниматься.

Так вот, погас в классе свет. И погас очень, так сказать, странным образом. Сначала погасла одна лампочка, потом погасла другая, потом третья и наконец, помигав, погасла четвертая.

Учитель, как человек опытный в делах подобного рода (поскольку он — физик), захотел посмотреть, где именно произошла порча. Стал он смотреть лампочки, провода, выключатели — все в порядке. Посмотрел в коридоре пробки — тоже в полной сохранности. А свет не горит.

Вот тогда он удивился и велел позвать монтера.

Побежали за монтером.

Вот приходит монтер, влезает на парту и начинает осматривать лампочки.

А урок, конечно, сорван. Полутемно. Работать нельзя. Физик сидит надутый у окна. Ребята шалят и так далее.

Вот монтер, осмотревши три лампочки, говорит:

— Я,— говорит,— двадцать лет работаю по электричеству и никогда ничего подобного не видел, чтобы электричество не горело при полной исправности. Лампочки в порядке. Провода тем более. Все должно гореть, а оно не горит, и я через это так удивляюсь, что принужден сейчас побежать за стремянкой, поскольку я не могу подолгу стоять на парте, задравши кверху голову. У меня через это возникает головокружение.

Вот он побежал за стремянкой. А тем временем кончился урок и наступила перемена.

Тогда один из учеников, некто Петя Лебедев, встав на парту, начал что-то производить с лампочками. И вдруг они загорелись.

Вот приходит монтер со стремянкой. И, поглядев на лампочки, в высшей степени удивляется — зачем они опять горят.

И, пожав плечами, уходит.

Начинается немецкий урок. Только он начался — снова погасли лампочки. И точно таким же образом — в порядке живой очереди.

Тогда учительница немецкого языка велела позвать монтера.

А монтер, оказывается, никуда не уходил. А он стоял в коридоре со своей стремянкой и что-то там делал.

Вот монтер моментально вбегает в класс. Подставляет к лампочке стремянку. И вскоре от удивления чуть не падает с этой своей стремянкой.

Он говорит:

— Только теперь я начинаю понимать, что тут случилось. Кто-то из вас к каждой лампочке подложил маленький клочок мокрой промокашки. А согласно нашему учению об электричестве, мокрая бумага есть хороший проводник. И благодаря этому свет горел. А поскольку эта мокрая бумажка высохла, то свет, как это ни удивительно, погас. И мы все были свидетелями полной темноты в классе. Вот так здорово. Я пойду сейчас директору скажу.

Вот приходит директор и с ним физик.

— Кто из вас,— говорит директор,— это сделал?

Ученик Петя Лебедев встает и говорит:

— Мы проходили сейчас электричество. Вот я и захотел произвести опыт.

Тут в классе раздается хохот.

Физик говорит:

— Опыт ему удался, но поведение для этого у него оказалось в высшей степени недопустимым.

Немка говорит:

— Поскольку у нас сейчас идет урок немецкого языка, то я бы всех просила для практики говорить по-немецки.

Физик говорит:

— В таком случае я лучше с директором сию минуту уйду. Поскольку я по-немецки не все кумекаю. Я только читаю, и то не все понимаю.

Директор говорит по-русски:

— В общем,— говорит,— поставьте Лебедеву «плохо» по поведению. А если еще раз что-нибудь подобное повторится, то я уволю Лебедева из моей школы... Продолжайте заниматься немецким языком.

Монтер говорит:

— А мы теперь будем подкованы на этот счет. И если в каком-нибудь классе погаснет свет, то нам причины будут вполне известны. До свидания, молодые друзья.

Немка говорит монтеру:

— Ауфвидерзейн.

И тот уходит со своей стремянкой.

1935

СКАЗКА

Одному молодому принцу сильно понадобились деньги.

Денег у него, вообще говоря, было много — куры не клевали. Но тут ему понадобилась громадная сумма. Он хотел себе приобрести золотые штаны.

Серебряные штаны у него уже были, и он в них пользовался большим и заслуженным успехом у женщин, но он мечтал во что бы то ни стало приобрести себе еще золотые брюки.

Ну, конечно, пошел он к своим родственникам, чтобы попросить нужную сумму. Но злодеи-родственники ему в этом отказали. А один из родственников, известный принц-регент, обещал даже его побить, если он еще раз обратится к нему с подобной глупостью.

Вот, конечно, идет обратно наш принц в полном расстройстве чувств и вдруг встречает одну колдунью. Та говорит:

— Об чем, царевич, убиваетесь?

Вот тот, значит, и пожаловался на то, что с ним. Колдунья говорит:

— Да уж, конечно, деньги достать не так легко. Но из легких способов есть у меня одно домашнее средство.

Принц говорит:

— Ах, мамаша, осчастливьте! Ответьте же, какое же это средство? Я, говорит, теряюсь в догадках.

Колдунья говорит:

— Вот чего, молодой человек! Войди ты в любое большое учреждение, где четыре этажа и лифты взад и вперед ходят. И где разные начальники в кабинетах сидят. И где курьеры чаи разносят. И войди ты в такое учреждение. И там сразу увидишь, как и чего тебе делать. И там тебе непременно деньги дадут. И ты на них купи себе золотые штаны. Только не входи в маленькие учреждения. В маленьком ты можешь засыпаться. А входи в большие...

Вот принц так и сделал. Пришел он в одно учреждение, взял клочок бумажки и написал на нем несколько слов: дескать, такой-то принц командируется за покупкой золотых штанов.

С этой черновой бумажкой вошел принц в машинное отделение, где происходят стук и треск и где сидят семь заколдованных красавиц, превращенных в обыкновенных машинисток.

И вот принц подает одной такой заколдованной красавице свой листик и говорит суровым тоном:

— Срочно перестукайте в трех экземплярах.

Та ничего на это не сказала, вскинула на принца свои буркалы и говорит:

— Слушаю и повинуюсь.

И, схватив эту бумажку, срочно ее в две секунды переписывает.

И с переписанной бумажкой идет, конечно, принц к директору в третий этаж. И хочет к нему в кабинет войти.

Но ему дверь заслоняет своим корпусом одна молодая фея неслыханной красоты. Она говорит:

— Туда нельзя. Там сидит заколдованный Иван Максимович. И у него все время заседание идет. Это его так ужасно заколдовали. Но если у вас до него дело, то скажите мне.

Принц говорит:

— Так что надо эту бумаженцию подписать.

Фея говорит:

— Слушаю и повинуюсь.

И с этими словами она изящно входит в кабинет и через пару секунд возвращается с подписанной бумажкой.

Принц, удивившись, говорит:

— Вот мерси. До свиданья.

И тотчас он идет в бухгалтерию. И видит там ужасные сценки страшного колдовства. Один стол стоит на другом. А другой — на третьем. И за каждым столом сидит по шесть заколдованных фигур. И все они исполняют руками бесконечные задания. Принц говорит:

— Куда мне тут с подписанной бумагой идти?

Один заколдованный гном с большой бородой говорит:

— Вот примите ордер и ступайте в кассу и свободно берите оттуда золота и драгоценных камней.

Вот принц так и сделал. Взял из кассы восемьсот рублей и вышел из учреждения.

А после видит: это ему мало для покупки золотых штанов. И тогда он заскочил еще в Наркомзем и в Главзолото. И, согласно описанию газет, произвел там точно такие же операции.

И на эти деньги он купил себе золотые штаны. И вскоре в них женился.

И на свадьбу пригласил заколдованных начальников всего государства.

И все эти добродушные и доверчивые лица там были.

И держали речи. И до упаду смеялись, когда им принц рассказал, как он их одурачил.

И они попросили принца, чтобы он их расколдовал, но принц сказал:

— Э-э, нет, господа, вы мне еще пригодитесь!

И все снова до упаду смеялись.

1937 г.

КОРОЛЬ ЗОЛОТА

Вот какую удивительную историю я намерен вам рассказать.

С героем этой истории я познакомился на одном крупном строительстве. Мне сказали, что это «король золота», бывший крупный спекулянт и валютчик.

Я с любопытством посмотрел на него.

Это был средних лет мужчина в барашковой шапке. Не очень такой что ли толстый, но с брюшком. Усатый. И выражение лица у него было в высшей степени скучное и, я бы сказал, исключительно обиженное.

Он работал на строительстве по бетону. И, говорят, отличался примерным поведением, усердием и сугубой молчаливостью.

Несколько лет назад он жил в городе Ч. и там он спекулировал.

Он был сын купца. И сам в начале нэпа занимался разными коммерческими операциями. Он продавал и покупал. Делал разные шахер-махер. И на вырученные деньги он приобретал золото.

Он не видел смысла покупать что-либо иное. Он говорил: лошадь околеет, дом сгорит, валюта превратится в прах. И только золото, он говорил, всегда будет сиять своей первоначальной красотой во веки веков, аминь.

И вот он, где только можно, скупал у населения золото.

И до того он ловко делал, что ни разу за все десять лет не попадался.

Он дошел в этом деле до полного искусства. Он высматривал, у кого можно что-нибудь приобрести. Выжидал, когда тому приспичит, и буквально за пустяки приобретал то, что ему нужно.

Он, главным образом, покупал золотые монеты царской чеканки. Он к этому имел особую страсть. У него руки

дрожали, и взор пылал когда он, как скупой рыцарь, перебирал и пересчитывал свои монеты.

Нет, людям нашего времени незнакомы эти эмоции. Но говорят, что у представителя старого мира буквально начиналось мандраже, когда он прикасался к таким деньгам.

Итак, наш сын купца в течение десяти лет скупал золото. Но это золото он у себя не держал, страшась неожиданностей.

Он прятал это золото на кладбище. Он где-то там его зарывал. Он под видом страдающего сына приходил на могилу своего отца и там подолгу сидел, умиротворенный тишиной и природой. И там он, оставшись наедине, под крик ворон и шум сосен, производил свои сберегательные операции.

В 1930 году на него был «стук». О нем куда следует сообщили, что это спекулянт и мошенник, торгующий валютой и чем придется.

Однако у него ничего не нашли. И он ни в чем не признался. Он даже имел смелость сказать, что это клевета на безработного человека, который едва-едва сводит концы с концами.

И он, действительно, жил в высшей степени небогато, одевался худо и ел грубую пищу.

Его отпустили. И он снова полегоньку приступил к своим операциям.

Но он стал еще более осторожен. Он даже стал реже ходить на могилу своего отца.

Вновь купленные монеты он теперь держал в небольшой железной копилке. И эту копилку, привязанную на веревке, он опускал через вьюшку в дымоход.

Раз в месяц он опорожнял эту копилку и тогда, полюбовавшись своим золотом, нес его на кладбище.

Наконец, в 1932 году к дежурному по уголовному розыску пришел частный житель города Ч., некто Андронников. Он пришел с каким-то незнакомцем. И он так сказал:

— Что вы смотрите? Под вашим носом столько лет орудует крупный спекулянт, а вы его не берете. Он заражает воздух нашего города. И хотя он мой знакомый, но я отдаю себе отчет, что он из себя представляет. Уже сам факт, что он скупает золото, показывает, что он строит свою темную жизнь в расчете на контрреволюционный переворот и на ликвидацию социализма в нашей стране. Он тонко ведет дела свои, но я предпринял кое-какие шаги для того, чтобы его ликвидировать.

Дежурный говорит:

— А что вы сделали?

Тот говорит:

— Я хотел узнать, имеется ли у него золото или это есть пустые разговоры. Я в этом теперь полностью убедился. Я нарочно при свидетеле продал ему золотую монету, на которой сделал зарубку. Потом эту монету я потребовал назад. Я сказал, что я раздумал продавать. И он мне отдал монету. Но он отдал не мою монету, а другую, без зарубки. Из чего я вполне убедился, что он смешал мою монету с другими. И из груды монет дал мне первую попавшуюся. И вот со мной пришел свидетель, который может это подтвердить.

Тогда выступил незнакомец и так говорит:

— Да, это так, как он сказал. Мы три раза говорили, что эта монета не наша, что наша монета 1907 года. И он три раза приносил нам монеты, и все они оказывались без зарубки. Из чего видно, что у него не семь и не десять монет, а, наверное, бесчисленное множество.

Дежурный говорит:

— Это становится интересным. Спасибо за участие. Сейчас же мы предпримем меры.

И вот был взят этот спекулянт. Припертый к стене свидетелями, он в высшей степени смутился и признался, что золото в небольшом количестве у него имеется.

— Тогда скажите нам, где вы держите это золото,— спросил дежурный.

— Я держу его в дымоходной трубе,— ответил спекулянт.— Вот, возьмите этот ключик от копилки. И предъявите его моей жене. Она поймет, в чем дело, и укажет вам, где находится мое золото.

И вот послали к жене спекулянта одного весьма опытного следователя. Тот показал ей ключик и сказал:

— Твой супруг — тряпка. Он решительно во всем сознался. И велел тебе отдать копилку и указать, где имеется все остальное золото.

Увидев ключик, дама чересчур смутилась, и у нее затемнилось сознание от страха и огорчения. У нее ум за разум зашел, и она, сама того не понимая, сказала:

— Копилка в дымоходной трубе. Откройте вьюшку, потяните веревку, и вы найдете то, что вы ищете. А что касается другого золота, то оно зарыто на кладбище, а где именно оно зарыто — я не знаю, так как мой супруг мне этого не говорил.

Когда спекулянту сказали о кладбище, то он задрожал всем телом и пришел в полное расстройство чувств. Но потом он овладел собой и даже с готовностью сказал:

— Ну, хорошо. Раз попался так попался. Возьмите людей и пойдемте на кладбище. Я вам укажу место, известное только мне одному.

И вот несколько человек, среди которых был распутавший дело Андронников, пошли на кладбище.

И наш спекулянт, вздыхая и утирая слезы, указал на могилу своего отца. Он указал, что надо рыть под самым крестом.

И тогда рабочий ударил лопатой по земле и вскоре вынул из-под свалившегося креста глиняную масленку, наполненную золотыми монетами.

И такая это была тяжеленькая масленка, что следователь угрозыска, которому подали эту масленку, не удержал ее в своей руке. И масленка упала на землю и разбилась. И из нее веером высыпались золотые монеты.

И, увидев это, спекулянт брыкнулся на землю, потеряв сознание.

А когда он пришел в себя, следователь ему сказал:

— Вот видишь, в каких цепких объятиях тебя держат корни капитализма. Ты падаешь с копыт и теряешь свое сознание при виде рассыпанных денег. И тебе, я так думаю, надо получить не менее пяти лет для того, чтобы ты немного перековался и переменил свое опасное мировоззрение.

На эти слова ничего не ответил спекулянт. Он только спросил, все ли его монеты собраны.

И Андронников, который больше всех тут хлопотал, сказал:

— А что тебе с того — все ли монеты собраны? Ведь теперь они уже не твои.

Следователь угрозыска сказал:

— Успокойся, абсолютно все монеты собрали и даже подсчитали и запротоколировали, когда ты лежал без чувств. Тут оказалось сто восемьдесят семь золотых монет достоинством по десять рублей каждая.

— В таком случае,— ответил спекулянт,— тринадцать монет не хватает, поскольку в этой моей масленке было ровно двести штук. А еще будет лучше и прямее к цели, если вы вывернете карманы у моего знакомого злодея Андронникова, предавшего меня. Я хотя лежал без чувств, но сквозь пелену своего сознания видел, как он своими руками нахально ворошил мои монеты, помогая вам собирать их.

Тогда Андронникова взяли в оборот и вытряхнули у него карманы. И на землю из его карманов упало двенадцать монет.

И тринадцатую монету он выплюнул изо рта в тот момент, когда один из прохожих схватил его за горло, поскольку он видел, куда тот ее запихнул.

И когда Андронникова увели, спекулянт сказал:

— Теперь, братки, мне стало немного легче, поскольку вы взяли этого мошенника.

И вот, дали спекулянту пять лет и отправили его на строительство, чтоб он в честном труде забылся от излишних фантазий, навеянных ему капитализмом.

И он там два года работал в высшей степени хорошо и удовлетворительно. И даже его отметили в приказе, премировали грамотой и обещали сбавить ему срок, если он будет продолжать в том же духе.

И тогда наш премированный спекулянт явился к своему начальнику и так он ему сказал:

— Вот в чем дело. Я действительно был злостный спекулянт. Я скупал золото в расчете на перемену. Но я здесь у вас совершенно перековался и полюбил труд на свежем воздухе. Теперь вы можете на меня вполне положиться. И в доказательство моих слов я хочу отдать вам на строительство еще триста золотых, которые у меня были зарыты на кладбище в другом месте, на могиле моей усопшей матери. Возьмите их, мне теперь ничего этого не надо, тем более революция у вас затянулась, а мне уже за сорок лет, и что же я буду томиться, ждать и надеяться на то, что может и не быть. А тут я увидел мир в других красках. И мое сердце окончательно и бесповоротно изменило курс.

Услышав эти слова, начальник пришел в волнение. Он так и сказал:

— Как отрадно и как приятно слышать такие слова. Вот теперь я вижу, что за два года с небольшим ты окончательно тут у нас перековался. И за это я схлопочу тебе льготу по срокам и снятие судимости. И кроме того, я велю отпечатать брошюру с твоей биографией и характеристикой.

И вскоре нашего спекулянта освободили по чистой, и он вернулся домой. И там, на кладбище, он вырыл вторую масленку, в которой было триста золотых, и без слов сожаления он отдал эти золотые тому, с кем он сюда приехал.

И вот, стал наш бывший спекулянт снова жить в этом

своем городе. И даже он стал работать по распространению сельскохозяйственных изданий.

И многие подумали, что с ним произошла чудесная перемена, близкая к фантастике.

Но в сентябре прошлого года вот что с ним случилось.

Там на кладбище, на могиле своего только что умершего сына, сидела одна мать. И она там четыре часа сидела в полной неподвижности под тяжестью своего горя.

И уже наступили сумерки. И она все там сидела и тихо плакала.

И вдруг она увидела, что на кладбище пришел человек. Он отмерил три шага от одной могилы и маленькой лопаточкой стал рыть землю.

И вскоре она увидела, что этот человек вырыл из земли глиняный кувшин и со своей ладони он ссыпал туда пригоршню золотых монет.

Потом он снова зарыл сосуд и утрамбовал землю.

Тут женщина подняла тревогу. И сторож совместно с ней и с милицией схватили пытавшегося убежать.

И когда его привели в милицию — все увидели что это и был наш спекулянт, отпущенный до срока.

В глиняном кувшине оказалось около пятисот золотых и некоторое количество колец, браслетов и брошек.

И вот, снова наш сын купца был отправлен на строительство.

И там мне его показали. И я долго на него смотрел, когда мне рассказывали о нем эту историю.

И тогда я понял, почему у него такое обиженное лицо. И сказал об этом рассказчику.

Но мой рассказчик ответил:

— Нет, у него обиженное лицо не потому. Только что вчера у него отобрали четыре золотые монеты, которые он ухитрился где-то тут приобрести. Его же товарищи нам об этом сказали и просили его как-нибудь обуздать. Этот человек, как зверь, понюхавший крови, уже, видимо, никогда не оставит своих привычек.

И я снова взглянул на «короля золота». Он снял свою барашковую шапочку, вытер вспотевший лоб и посмотрел на меня до того грустным взглядом, что я отвернулся.

1938 г.

БЛАГИЕ ПОРЫВЫ

В другой раз берешь билеты в цирк или там в театр. Стоишь там у кассы. А касса — маленькое окошечко. И в этом окошечке ничего, собственно говоря, и не видать.

Там только руки торчат кассирши, книжечка с билетами лежит и ножницы. Вот вам и вся панорама.

А в другой раз при покупке билета тебе охота перекинуться двумя-тремя фразами. Охота спросить, каковы места, не дует ли со сцены. А если это дело в цирке, то не близко ли к арене места, не трюхнет ли какая-нибудь дрессированная лошадь копытом.

Но поскольку в окошечке даже головы кассирши не видать, то так безмолвно и отходишь со стесненным сердцем.

Лично меня не удовлетворяет такая бездушная продажа билетов.

Конечно, я понимаю, кассиршу нельзя отвлекать, а то она, мало ли, обсчитается, и подобный вопрос будет себе дороже стоить. Так что я с этим примиряюсь и к этому претензий не имею.

Но вот если я за справкой пришел, то меня подобное окошечко еще меньше удовлетворяет.

Не то чтобы мне охота видеть выражение лица того, который мне дает справку, но мне, может, охота его переспросить, посоветоваться. Но окошечко меня отгораживает и, как говорится, душу холодит. Тем более, чуть что — оно с треском захлопывается, и ты, понимая свое незначительное место в этом мире, снова уходишь со стесненным сердцем.

Давеча я брал справку в одном учреждении. И вдруг вижу — стоит старуха. И по всему видать, что она уже приготовилась закидать вопросами того, к кому она сейчас подойдет,— губы у нее шепчут, и видать, что ей охота с кем-нибудь поговорить, узнать, расспросить и выяснить.

Вот она подходит к окошечку. Окошечко раскрывается. И там показывается голова молодого вельможи.

Старуха начинает свои речи, но молодой кавалер отрывисто говорит:

— Абра са се кно...

И захлопывается окошечко.

Старуха было снова сунулась к окну, но снова, получив тот же ответ, отошла в некотором даже испуге.

Прикинув в своей голове эту фразу «Абра са се кно», я

решаюсь сделать перевод с языка поэзии бюрократизма на повседневный будничный язык прозы. И у меня получается: «Обратитесь в соседнее окно».

Переведенную фразу я сообщаю старухе, и она неуверенной походкой идет к соседнему окну.

Нет, ее там тоже долго не задерживали, и она вскоре ушла с приготовленными речами.

Конечно, мы понимаем — некогда, и народу много, и все лезут со своими какими-то мелкими и пошлыми делами и прямо работать не дают. Но все-таки как-то оно холодновато получается, какой-то чувствуется стиль малосимпатичный, не дающий успокоения, а, наоборот, показывающий, вот, дескать, мы, а вот, дескать, вы. А ведь, собственно говоря, вы-то и есть мы, а мы отчасти — вы.

Но одно дело — справка или там цирк, а другое дело — зайти по важным обстоятельствам в какое-нибудь высокое учреждение, например в Саратовский облисполком, и там наткнуться на окошечко!

Там, в Саратове, живут цыгане. Люди эти по большей части неграмотные. Они едва только перестраивают свою кочевую жизнь. Они только недавно организовали артель лудильщиков и жестянщиков. С ними надо побеседовать, подробней разъяснить им, что их интересует. Их окошечко ни в какой мере не удовлетворяет.

Там одна цыганка, Мария Михай, второй месяц ходит за справкой. У нее семь детей. А ей кто-то сказал, что на многосемейность можно получить пособие.

Цыганка Михай ежедневно приходит в облисполком. Она постучит в дверь. Ей говорят: «По закону не полагается».

Но фраза эта ничего не дает ей — ни уму, ни сердцу. И цыганка снова приходит, снова стучит в дверь или окошечко, ловит какого-нибудь «старшего» у входа, начинает ему говорить. Но «старшему» некогда, он спешит, он отмахивается от нее, как от назойливой мухи.

И снова цыганка часами сидит у входа, ждет у моря погоды.

А погоды нету. Потому что в учреждении не умеют говорить с посетителями, не понимают, что нельзя со всеми говорить одинаково. Одному достаточно сказать: «По закону не полагается», а другому надо сказать: «Вот, дескать, тетушка, какого рода картина: у тебя семь ребят, младшему из них пять лет, стало быть, по закону пособие не полагается. Вот будет восьмой, тогда и приходи».

И все станет понятно. Посетители меньше будут «трепаться» по «казенным учреждениям».

Однако не хотим только порицать. Там, в Саратовском облисполкоме, были отчасти озабочены наплывом посетителей, отчасти их жалобами. И даже хотели по этому поводу доклад сделать и потолковать, как наладить это дело. И даже висело объявление о докладе.

Но зампред облисполкома с докладом не выступил, а порекомендовал для этой цели одного из сотрудников облисполкома. Но сотрудник, уж мы не знаем почему, тоже не выступил.

В общем так доклад и не состоялся. А желание было, хорошие порывы были. Как сказал поэт, имея, вероятно, в виду саратовские дела:

Суждены нам благие порывы,
Но свершить ничего не дано.

Конечно, мы понимаем — некогда. Все чересчур заняты. Например, председатель облисполкома за перегрузкой стал принимать в ночное время — с двенадцати часов ночи до трех-четырех часов утра. После полуночи к нему съезжаются заведующие областными отделами и другие руководители области. Воображаем, с какими постными лицами они приезжают! В четыре часа утра председатель уезжает домой немного поспать. А в пять-шесть часов утра плетутся домой утомленные и зеленые стенографистки.

Заместитель председателя принимает днем и вечером и тоже иногда ночью, но он так занят, что один из посетителей (замзав облвнуторгом), чтобы разрешить один вопрос, потратил на ожидание своей очереди двенадцать дней (с 28 февраля по 11 марта). Причем просидел на диване в общей сложности около сорока часов.

Но там — замзав облвнуторга! В некотором роде крупная фигура в торговой сети. А здесь — маленькая цыганка. Вот она и ходит до сих пор.

Тут есть, мы бы сказали, какая-то несообразность.

Тем более, что в горсовете почти такая же картина.

Тут надо что-нибудь придумать.

1937 г.

ГАРУН АЛЬ-РАШИД

В дачной местности, куда я приехал погостить к своим знакомым, у вокзала стоит будка. И там торгуют пивом и вином.

Конечно, у будки постоянно крики, вопли, брань и так далее. Некоторые алкоголики тут же спят. Другие «стреляют» у прохожих, поскольку им не хватает на «маленькую».

Если не дашь, то что-нибудь крикнут вдогонку или погрозят бутылкой.

Давеча один лег на панель и стал прохожих хватать за ноги.

Тогда я сказал милиционеру, дескать, некрасивое зрелище, надо что-нибудь сделать, а то по панели нельзя ходить.

Милиционер говорит:

— Видите, это местные хулиганы. Их тронешь — потом жизни будешь не рад. Вы не идите по той панели, а идите по этой.

Я так и сделал. Пошел по другой панели. И зашел к начальнику милиции. Начальник милиции сказал:

— Не знаю, как в других дачных местностях, но у меня хулиганства нету. Может быть, есть, но настолько мало, что обсуждать не приходится. Взгляните в нашу дежурную книгу, там вы не найдете о хулиганстве ни одной записи. И ни один милиционер мне об этом ничего не сообщил!

Я говорю:

— Гарун аль-Рашид имел хорошую привычку не верить своим министрам. Он лично заходил в дома и наблюдал, как живут люди. Вот и вы — надели бы штатский костюм и кепку и прогулялись бы по вашим владениям. И тогда увидели бы, что все далеко не так, как вам сообщают дежурные милиционеры.

Начальник милиции, улыбнувшись, сказал:

— Гарун аль-Рашид — это сказка! В жизни этого не бывает. Но если хотите, я переоденусь и пройдусь по своему району. Мне понравилась ваша мысль. А то я все больше на моторе езжу и, может быть, не замечаю то, что надо замечать. Тем более, что вранье, конечно, бывает, поскольку каждый стремится покрасивей обрисовать положение, чтобы заслужить мою благодарность.

На этом мы с ним любезно распростились. И теперь я ожидаю некоторых перемен на фронте хулиганства.

Гарун аль-Рашид верил только своим глазам. О, это был мудрый человек.

1938 г.

ЗАТМЕНИЕ В ЭНСКЕ

О загсах у нас писали немало. Пожалуй, нет фельетониста, который бы не пробовал своих сил на загсовую тему. На эту тему и с моего грешного пера сошло в свое время не менее шести фельетонов.

Понятно. Естественно. Всем желательно, чтобы немаловажные акты гражданского состояния (и в особенности бракосочетание) проходили по-человечески, хорошо. И чтобы в помещении было чистенько. И чтобы к жениху отнеслись культурно. И чтобы невеста осталась довольна происходящим.

А поскольку иной раз этого не случалось, то вот и понятна та горечь, которая возникала, когда речь заходила о загсах.

Надо сказать, однако, что мы, фельетонисты, в особенности почему-то налегали на будничную обстановку в загсах, на унылый канцелярский стиль и на отсутствие торжественности при записи браков.

Конечно, некоторая торжественность тут желательна, но придумывать что-нибудь такое исключительное, по-моему, не приходится. По-моему, лишне, если при регистрации будет греметь духовой оркестр или если невесте будут преподносить коробку конфет. Кушать конфеты и слушать музыку можно, вообще говоря, и потом.

В общем, немало горьких слов было произнесено по адресу загсов. И слова эти, как теперь выясняется, находили живейший отклик в душе товарища И., инструктора райбюро загса Энского района.

Ему тоже казалось, что записи совершаются слишком уж буднично, заурядно и ничего не оставляют в сердцах жениха и невесты.

И вот ему пришла простая, в сущности, мысль,— устраивать торжественные митинги перед записью. Такая простая, как мычание, мысль взволновала инструктора. Ему вдруг показалось, что именно этого и не хватает при регистрации браков.

Сам он, конечно, не посмел на свой страх и риск вводить такое начинание. Он сходил в райисполком и там тщательно проконсультировался.

В райисполкоме уважительно отнеслись к идее инструктора. Зампредисполкома несколько даже развил идею, уточнив ее в некоторых деталях. Он сказал: «Такой торжественности не будет, если митинги устраивать в твоем

полутемном загсе. Нет, уж лучше жениха и невесту подвозить прямо к зданию райисполкома, и тогда в ненастную погоду я буду сам произносить речь из окна, а когда сухо, я буду влезать на грузовик с тем, чтобы, стоя, произнести то, что нужно».

Воодушевленный горячей поддержкой инструктор вернулся в свой загс и стал хлопотать, чтобы поскорее что-нибудь было.

Нет, мы, конечно, не знаем, какие мысли посещали инструктора в те дни, решающие судьбу загса. Но можно допустить, что ему уже мерещилась какая-нибудь медаль, отлитая в честь его изобретения, какая-нибудь хотя бы цинковая медаль со скромной, но выразительной надписью: «За усердие не по разуму». В общем скоро состоялась первая и, так сказать, показательная свадьба.

По центральной улице поселка с грохотом промчалось несколько подвод и автомобилей, разукрашенных ленточками и цветами.

У здания райисполкома свадебный поезд остановился.

На крыльцо вышел запредисполкома (заметьте — дождя не было). Он влез на грузовик и произнес краткую речь, в которой между прочим сказал:

— Торжественный митинг по случаю бракосочетания гражданина Н. и гражданки НН. считаю открытым.

Грянул духовой оркестр. И тут один за другим стали выступать ораторы, произнося соответствующие речи.

Нет, мы не знаем, как себя чувствовали жених и невеста. И не знаем, участвовал ли жених в словопрениях. Или он стыдливо сидел на грузовике, утешая свою невесту тем, что вся эта «музыка», вероятно, скоро кончится. Нет у нас сведений также и о мальчишках. Надо полагать, что они тоже поналезли в грузовик и своим поведением внесли в торжество свою долю шума и грохота.

Известно только, что сам председатель райисполкома на улицу не вышел. Стоя у открытого окна, он со снисходительной улыбкой взирал на происходящее, аплодируя по временам тому или иному оратору.

Наконец, утомленного жениха и не менее утомленную невесту повезли в загс.

Было бы крайне обидно инструктору, если бы торжественная часть произошла только у здания райисполкома. Поэтому, привезя жениха и невесту в загс, инструктор открыл тут второй торжественный митинг, что ему вполне

удалось, так как при записи присутствовали представители различных организаций.

Сам инструктор взял слово только лишь в самом конце. Он произнес прочувствованную речь, которую заключил словами:

— Именем закона объявляю брак вступившим в силу.

Засим все вышли на улицу. И тут состоялся уже, так сказать, летучий митинг, на который поспел и сам зампредисполкома. Причем, заключая торжества, он сказал:

— От своего имени, а также имени местной советской власти приветствую новобрачных. Пожелаем же им счастливой жизни.

Тут снова грянул духовой оркестр и новобрачных повезли куда-то, я не знаю еще.

Нет, все это, пожалуй, даже трогательно, и во всем этом есть сердечное желание сделать все получше, покрасивее. Но получилось все к сожалению, наоборот.

Мы не против того, чтобы браки совершались торжественно. Но такое торжество, какое предложил инструктор, это уж, знаете ли, слишком. Это уж ни к чему...

1945 г.

КОММЕРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Недавно мы с женой задумали приобрести дубовую вешалку в переднюю.

И для этой цели нам с женой срочно понадобились деньги. И мы пришли к решению — продать один мой лишний выходной костюм.

Не скажу, что этот костюм был новенький, или, как говорится, с иголочки. Некоторое количество дырок и пятен имелось, но уж не настолько, чтоб его нельзя было назвать костюмом.

Слов нет, брюки были нехороши. Не хватало пуговиц. И позади от пояса был отрезан кусок материи на починку нижнего отворота, случайно оторванного в автобусе. И вдобавок не хватало хлястика, тоже оторванного, как говорится, «с переляку», во время крымского землетрясения в 1927 году.

А пиджак был еще ничего себе. И даже, может быть, сам Форд не погнушался бы носить его во время затемнения.

А что брюки и пиджак давали между собой такую разницу, то это оттого, что пиджак я носил раз в году, а брюки трепал ежедневно и даже по нескольку раз в день.

Первоначально мы с женой имели намерение заложить наш костюм в ломбард. Но нам не хотелось длинной канители и потому мы упростили коммерческую операцию: отнесли товар на скупочный пункт.

Заведующий пунктом, осмотрев наш костюм, не проявил ни радости, ни горя. Осмотрев, он отбросил его от себя и при этом буркнул: «Семьдесят!»

А мы с женой мечтали получить сто и поэтому сказали заведующему:

— Оглядите лучше и дайте ту божескую цену, какую заслуживает наш товар.

Осмотрев еще раз, заведующий сказал:

— Нет, я не ошибся. Более семидесяти ваша вещь не потянет. Дырки. Пятна, Хлястика нет. И штаны как решето.

Эта сумма нас с женой не устраивала. И поэтому, взяв костюм, мы отправились домой. И двое суток приводили этот костюм в христианский вид.

Мы пришили хлястик и пуговицы. Заштопали дырки. Вывели пятна. И отутюжили костюм. И, полюбовавшись на него, снова отнесли в скупочный пункт.

Однако заведующий, осмотрев костюм, сказал: «Пятьдесят».

Откровенно вам сказать, мы были ошеломлены и растеряны. Мы сказали:

— Еще позавчера вы давали семьдесят, а ведь тогда были дырки, пятна и хлястика не имелось. А сейчас, когда костюм с иголочки, вы даете пятьдесят. Как же так, уважаемый?

— Не знаю,— сказал заведующий,— не помню, чтобы я давал семьдесят. Более пятидесяти ваша вещь не тянет. Говорю вам это как специалист, шесть лет проработавший в этом.

Мы с женой хотели было тут же оторвать от брюк пуговицы и хлястик для того, чтобы вызвать прежнюю цену. Но заведующий сказал:

— Боже сохрани вас это делать! В противном случае более десяти рублей ваша вещь не потянет.

И тогда мы с женой, рассердившись, пошли в другой скупочный пункт. Но там оценили нашу вещь еще того меньше, в тридцать рублей.

Мы вернулись в первый магазин для того, чтобы получить то, что давали. Однако заведующий, не узнав нас, сказал:

— Не скажу — сто, но рублей девяносто ваш костюм тянет. Но только — увы — на сегодня мы уже расторговались и в кассе больше нет ни сантима.

Мы с женой вернулись домой и решили вешалку не покупать.

Но вскоре к нам пришел один наш знакомый и, узнав, что продается костюм, купил его за двести рублей в рассрочку. Двадцать шесть рублей он нам дал, а остальные обещал после праздника и уж, во всяком случае, не позднее весны.

И мы решили ждать, поскольку вешалка нам уж не так нужна, не до зарезу.

1940 г.

САПОГИ

Один муж велел своей жене купить ему ботинки.

Сам он не мог ходить по магазинам за неимением свободного времени. Он был предельно загружен работой и вдобавок что-то изобретал к своему станку. Какую-то штуковину. И у него не было возможности драгоценные свои часы тратить на такое мизерное занятие, как покупка сапог, хождение по магазинам, стояние у кассы, вынимание бумажника и так далее.

Вот поэтому он и предложил своей супруге купить то, что ему было нужно.

И, уходя на работу, он сказал ей:

— Я не франт. Фасон мне безразлично какой. Только прошу учесть, что я ношу сорок первый размер. Уже сапоги или номером больше вызывают у меня на ногах пузыри. Это последнее обстоятельство, несомненно, неблагоприятно отразится на показателях моей работы. Так что просьба — исполнить то, что я прошу.

Жена этого человека взяла деньги и пошла покупать. Она обошла некоторое количество магазинов, но безрезультатно: нужного номера нигде не было. Кое-где были недомерки или уж что-нибудь исключительно большое, рассчитанное на распухшую ногу. Сорок первого же размера

ей не удалось найти, хотя она на этот предмет затратила не менее трех часов.

Наконец, в одном магазине она увидела огромные ботинки — сорок пятый номер.

Она не хотела их покупать, поскольку размер был намного больше, чем ей нужно. Но тут один из посетителей стал эти ботинки дергать у нее из рук. И она, находясь в коммерческом зуде, сказала, что берет эти сапоги, просьба не вырывать то, что взято. И, не отдавая себе отчета, уплатила в кассу деньги. И сама не своя вышла из магазина с этими ботинками.

И вот идет она по улице, смотрит на свою покупку и весьма сильно горюет. Думает: «Дернула меня нелегкая купить такую ненужную обувь, достанется мне теперь от мужа!»

И, остановившись против одного дома, она развернула эти чудовищные сапоги и с грустью стала на них глядеть.

Вдруг из ворот дома вышел один мужчина.

Он вышел из ворот, воззрился на эти сапоги и спрашивает, не продаются ли эти баркасы.

— Да, продаются,— ответила обрадованная женщина.

Нет, конечно, она не хотела наживать и, тем более, спекулировать. Но неожиданный вопрос застал ее врасплох. И она, сама не понимая, как это произошло, накинула десятку против магазинной цены. Может, она подсознательно подумала: «Столько хлопот, столько потраченного времени!» И, конечно, прикинула десять рублей.

Мужчина сказал, что цена его устраивает, он только жалеет, что сапоги для него велики. Но он просит разрешения показать сапоги родственнику, который живет тут же в этом доме и мечтает приобрести себе что-нибудь из обуви.

И, схватив эти сапоги, мужчина нырнул в ворота.

Подождав мужчину минут пять, женщина стала беспокоиться. Но когда прошло еще пять минут, женщина подняла тревогу, крича, что ее ограбили, обворовали, унесли сапоги, что она не знает, что теперь ей делать, как явиться домой и что сказать мужу.

Тут собралась толпа. Раздались сочувственные возгласы. Кто-то произнес речь, говоря, что в наши дни постыдно видеть что-нибудь подобное, что это есть исключение из общего правила нашей честной возвышенной жизни.

Другой стал оратору возражать, говоря, что человеческие свойства неизменны: как было воровство, так оно и

осталось. И вот, когда нашлось что-нибудь приличное украсть, вот и отлично украли, не посчитавшись со временем.

Тут кто-то под воротами позвонил в звонок. И на звонок вышел дворник.

Один из публики крикнул:

— Хорошенький у тебя дом, нечего сказать! Кто-то из твоих квартирантов сапоги свистнул! Слабо воспитываете жильцов вместе со своим управхозом!

Дворник говорит пострадавшей женщине:

— Приблизительно опишите мне приметы этого жильца. Тогда я могу что-нибудь сказать насчет его отыскания. Я их всех знаю, поскольку седьмой год воспитываю.

Испускавшая стоны женщина сказала дворнику, что особых примет она не заметила, только она помнит, что он черный и без кепки. И голос у него скрипучий, как после выпивки. Все остальное ускользнуло от ее внимания, поскольку ее голова не тем была занята.

Тогда дворник сказал, что случай затруднительный, так как в их доме два блондина, четыре седых и пять рыжих. Все остальные черные, и почти все склонны к выпивке. Так что из их числа находить вора он не берется.

Вдруг через толпу протискивается один неизвестный гражданин. Он весьма взволнован. И он так говорит женщине:

— Не надо слез, не надо огорчений. Успокойтесь. В ваше положение мы входим. Все вам сочувствуем. Клеймим позором недостойного человека, оказавшегося вором. Вот возьмите от меня некоторую сумму денег. Это я вам даю от чистого сердца, как товарищ, увидевший товарища в беде.

И с этими словами неизвестный человек протягивает женщине купюру в тридцать рублей.

Женщина не хочет брать, но толпа велит ей это сделать.

Под аплодисменты неизвестный товарищ скрывается в толпе.

Тотчас еще кто-то раскошеливается и сует деньги женщине в руку. И тут еще кто-то дает. И еще.

Растерявшаяся женщина стоит и не протестует, не понимая, какие мысли ей подвести под все это.

Тогда удовлетворенная толпа расходится. И дворник тоже уходит. И женщина медленно шествует по улице, с недоумением поглядывая на полученные деньги.

Вдруг ее догоняет человек с сапогами в руках. И жен-

щина видит, что это тот самый человек, который взял на примерку ее сапоги.

Этот человек запыхавшись, так ей говорит:

— Фу, как вы меня напугали, уважаемая! Выхожу из ворот, вдруг вижу: вас нету. Уж я хотел в милицию нести ваши сапоги, чтобы невольно не оказаться вором. Зачем же вы ушли? Конечно, я немножко долго не выходил, но на это была причина: все жильцы с нашей квартиры примеряли ваши баркасы, но никому они не подошли. Вот примите назад ваши сапожищи. Сочувствую, что вы приобрели такой нечеловеческий размер.

Женщина начала было лепетать, что она получила деньги от неизвестных и теперь ей неловко принимать сапоги. Но наш покупатель, не став слушать ее несвязных речей, отбыл в другом направлении.

Некоторое время постояв на улице и подумав, женщина направилась в магазин, где купила эти баркасы, и там просила вернуть ей деньги за сапоги, которые ей не годятся.

В магазине не стали с ней спорить. Выдали ей деньги. Взяли назад сапоги. И тотчас стали их кому-то продавать.

А женщина с двойной суммой вернулась домой и дома рассказала мужу, как все было.

Муж сначала на нее рассердился, но потом рассмеялся и пришел в хорошее настроение. Он сказал, что это случай удивительный. И что это следовало бы напечатать в газетах красным шрифтом. А поскольку у них столько денег скопилось на сапоги, то он, не будучи франтом, согласен, чтобы ему купили лучшую модельную обувь. И это будет ему воспоминанием об этом факте.

Жена обещала это сделать, говоря, что добросовестные работники вроде ее мужа вполне заслуживают ходить в изящной обуви.

1940 г.

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

Не знаем, насколько верно, но, говорят, что Гитлер поссорился с Муссолини.

Не то чтобы они окончательно поссорились, но говорят, что между ними пробежала черная кошка.

Причем ссора у них произошла на идеологической почве.

Приходит Геббельс к Гитлеру и в присутствии Риббентропа говорит ему: «Ну и ну!»

И с этими словами кладет на стол старую газету.

Гитлер говорит в присутствии Риббентропа:

— Что произошло? Не волнуйте меня.

Геббельс говорит:

— Как вам известно, я не любитель что-либо читать. Но вчера сижу в ванне и от нечего делать просматриваю старую итальянскую газету. И вдруг вижу... Что такое!.. Высказывание Бенито Муссолини о Германии... И там такие слова, что я не решаюсь вам вслух прочитать... Вот прочтите это место, и вы увидите, как вам начистил зубы ваш любезный друг Муссолини.

Гитлер говорит:

— Я сам гляжу против чтения и образования. Но раз дело доходит до зубочистки, то потружусь — прочитаю это отмеченное вами место.

И с этими словами Гитлер берет газету и в присутствии Риббентропа вслух читает высказывание Муссолини:

«Как смеют немцы (пишет Муссолини) *претендовать на мировое господство?? Как смеют они ссылаться на свою древнюю культуру! Они ходили еще в шкурах в то время, как у нас в Риме были Цицерон и Публий Марон Вергилий...»*[1]

Прочитав это высказывание, Гитлер зашатался и говорит Риббентропу:

— Давай пошлем ноту Муссолини, который осмелился так сказать.

Пройдоха Риббентроп говорит:

— Давайте лучше вызовем Муссолини к телефону и вы в короткий срок отведете свою душу.

И вот соединяют Гитлера с Бенито Муссолини. И Гитлер говорит:

«Ну,— говорит,— Беня, не ожидал я от тебя такой гадости...»

И объясняет ему, в чем дело.

Муссолини с дрожью в голосе говорит:

— Извиняюсь, ошибся... Единственное,— говорит,— мое оправдание, что это мое легкомысленное высказывание было семь лет назад.

---

[1] Эти подлинные слова Муссолини относятся к 1934 году.

Гитлер говорит:

— Мне безразлично, когда это было. Но раз ты, собака, имел такое мнение, значит, и сейчас имеешь. И только со мной двурушничаешь. Благодари небо, что я сейчас занят, иначе от твоего Рима осталось бы одно воспоминание.

Тут Гитлер вешает трубку и говорит всем присутствующим:

— Ну, погодите, господа, когда-нибудь я ему всыплю! Я ему покажу, кто в шкурах ходил, а у кого был этот, как его... ци... ци..., ну, этот, как его... цитрон...

Геббельс говорит:

— Цицерон... Оратор... А то у них в Риме еще был другой — Нерон. Так он и вовсе Рим спалил...

Гитлер говорит:

— Вот и я ему спалю Рим. Вот и будет знать, кто в шкурах ходил...

Пройдоха Риббентроп говорит:

— Умоляю, не выносите сор из избы. Иначе нам будет труба. А вам, господин Геббельс, довольно стыдно подначивать.

Ничего на это Геббельс не сказал, только подло улыбнулся и вышел.

И Гитлер тоже ничего не сказал, только потребовал карту Европы и стал глядеть, где Рим находится.

Но тут вскоре прилетает на бомбардировщике запыхавшийся Муссолини. Плачет. Рвет на себе волосы. И просит прощенья.

Тут между двух пресловутых атаманов происходит ссора, шум и крики.

Но потом Муссолини все-таки вымолил себе прощенье, сказав, что отмежевывается от своих слов.

На этом друзья разошлись, затаив друг к другу злобу и раздражение.

1941 г.

ФАШИСТЫ УЧАТСЯ

Начался учебный год. Дети пошли в школу.

В Германии тоже дети пошли в школу.

Но лучше бы они в школу не ходили: из этого ничего путного не получится. То есть что-то получится, но не то, что надо. Уж очень там преподавание особенное.

Например, открываем немецкий учебник арифметики. Это задачник Келлера и Графа. Перелистываем. Рассчитываем найти привычную задачку. Что-нибудь такое: «В бассейн вливается 30 ведер в час...»

Оказывается, ничего подобного. Там таких задач не имеется. Там вот какие задачи:

«Бомбовоз может взять на борт одну разрывную бомбу весом в 350 кг, три по 100 кг, четыре газовых бомбы по 150 кг и 200 зажигательных снарядов по 1 килограмму. Спрашивается: сколько можно прибавить зажигательных бомб по 0,5 кг, если грузоподъемность будет повышена на 50 процентов?»

Может быть, эта задачка случайно затесалась в учебник? Может быть, другие задачи рассчитаны на детскую психику?

Ничего подобного. Весь задачник набит таким же военным материалом. Например:

«Самолет летит со скоростью 240 км в час к точке, находящейся от места вылета на расстоянии 210 км, чтобы сбросить там бомбы. Через сколько времени возвратится самолет, если на сбрасывание бомб ему потребуется 7,5 минуты?»

Вообще говоря, самолет может и не возвратиться, если наши зенитки встретят его подобающим образом. Но детям об этом, конечно, не сообщается. Это, так сказать, выходит из области арифметики. Это уж — нечто вроде алгебры.

А кстати, интересно знать, как там у них дело обстоит с алгеброй?

Точно так же, как с арифметикой.

Вот задача по алгебре из учебника Отто Цолля:

«Сколько человек может поместиться в газоубежище длиной в 5 метров, шириной в 4 метра и высотой в 2,25 метра, рассчитывая, что пребывание там продлится 3 часа и что на одного человека требуется 1 кубометр воздуха в час?»

Может быть, химия у них выдержана в более спокойных тонах?

Наоборот. В учебнике химии, как говорится, берут быка за рога.

Автор учебника Вальтер Кинтоф проповедует:

«Химическая война должна выполнять двоякую задачу: причинить значительный ущерб противнику и морально дезорганизовать гражданское население, то есть ослабить его сопротивляемость».

Перейдем в таком случае к истории. Посмотрим, чему история учит немецких детей.

В учебнике истории Герберта Гебеля сказано:

«Французов уже вряд ли можно считать народом, принадлежащим к белой расе, ибо около шестой части населения Франции состоит из негров».

Если французы — негры, то интересно узнать, что сказано про славян.

В этом же учебнике Гебеля вот что сказано про славян:

«Славяне первоначально принадлежали к северной расе, но уже в древнейшие времена настолько перемешались с монгольскими полчищами, что от их северной крови почти ничего не осталось. Это обстоятельство привело к тому, что славяне в области культуры не создали ничего значительного».

Не будем спорить с ненормальными людьми.

И на прощанье возьмем какой-нибудь тихий, нейтральный предмет. Например, рисование.

Неужели и этот детский предмет приспособлен под нужды фашистского государства?

Именно так.

В журнале «Искусство и юношество» напечатана статья Штюлера. В статье сказано:

«Воздушный налет, стрельба из зенитных орудий, взрывы, горящие дома, прыжки с парашютом, работа пожарных команд и санитарных дружин — все это составляет мир переживаний десятилетних детей и должно найти отображение в их рисунках».

Ну, что ж. Все ясно. И вопросов, как говорится, больше не имеем.

1941 г.

ОБОЮДНОЕ ПОНИМАНИЕ

Немцы выпустили в свет небольшой словарик. Они назвали его «Словарь для обоюдного понимания без знания русского языка».

Просматриваем весьма потрепанный экземпляр первого издания этого словаря.

На каждой странице рисуночки. Под ними немецкие и русские подписи. И русское произношение для обоюдного понимания.

Нет сомнения — это весьма ценное издание для немецкого солдата.

Например, захочет солдат покушать. Сейчас посмотрит в словарик, облюбует себе блюдо и закажет: «Принесите мне сосиски с капустой».

Вот ему сию минуту и принесут на подносе. Вместе с гранатой или пулей из нагана.

Должно быть, приятные надежды мелькали в голове у издателя, когда он составлял этот словарь для обоюдного понимания.

Конечно, словарь больше всего заинтересован вопросами еды. Тут насчет этого целые страницы заполнены мыслями — в рассуждении «чего бы покушать».

Страницы так и озаглавлены — «Утренний завтрак», «Обед», «На кухне», «У мясника», «У пекаря».

Одним словом — любители пожрать, если уж говорить об обоюдном понимании без знания немецкого языка.

Насчет еды вопросы в словаре поставлены на редкость энергично, мужественно: «Принесите мне завтрак побыстрей», «Дайте мне два, три сваренных яйца! Пять сваренных яиц!» Сначала, как видите, поскромничал — запросил три сваренных яйца, потом спохватился и решил сразу пять штук умять.

В общем, аппетит присутствует на каждой странице словаря. Причем аппетит самый изысканный. Вы не найдете в словаре фраз: «Принесите кофе» или «Дайте мне чаю». Это слишком мелко для немецкого вкуса. В словаре сказано: «Принесите мне кофе со сливками!», «Дайте мне крепкого чаю с лимоном».

Что касается пирожных, то из пирожных в словаре указан лишь один любимый сорт: «Принесите мне пирожное со сбитыми сливками».

Читаешь этот словарь и прямо удивляешься нахальству. Прямо поражаешься, чего они желают. Они, видите ли, желают какие-то «пончики с полусладким вареньем» и какие-то «рогалики с маком».

Впрочем, насчет мяса они тоже не дураки — хотели бы попробовать «вестфальской ветчины» и что-нибудь из колбас.

Только насчет мороженого они почему-то ослабли. Насчет мороженого у них сказано почему-то умеренно: «Дайте мне немного мороженого».

Должно быть, простудиться боятся. Иначе не понять, почему вдруг такая ограниченность.

Остальные вопросы в словаре несколько бледнеют в сравнении с вопросами об еде.

Впрочем, некоторые вопросы поставлены тоже не без лихости. Например: «Отоприте этот шкаф».

Пониже добавлено: «Покажите добровольно все ваше имущество».

Так и написаноо латинским шрифтом для обоюдного понимания: «dobrowolino».

Нет, в словаре не сказано: «Отдайте добровольно все ваше имущество». Это уж, так сказать, само собой разумеется.

В общем, прочитаешь этот словарик для обоюдного понимания, и действительно сразу понимаешь, какие желания и намерения обуревали представителя «высшей расы».

Между прочим, в словаре ничего не сказано о сдаче в плен, о партизанах и о «драпе» на запад.

А следовало бы черт возьми, добавить несколько фраз, хотя бы таких: «Караул», «Сдаюсь добровольно», «Где тут у вас плен?»

Издатели, вероятно, не хотели этими вопросами портить настроение гитлеровских солдат.

Ну что ж, Красная Армия берет это на себя.

1943 г.

УЦЕЛЕЛ

Перед нами пленный немецкий солдат Петер Иергенс.

Это человек небольшого роста, рыжеватый, обросший щетиной. Глаза у него бегают, как у пойманной крысы.

Этот неприятный субъект находится в каком-то постоянном движении — он вертится на стуле, вздрагивает, судорожно сжимает свои руки. И поминутно вытягивает свою шею, прислушиваясь к малейшему шуму.

— Вероятно, вы по тотальной мобилизации? — спрашиваем мы немца.

— О нет,— говорит он.— Я есть доброволец.

Почти подскочив на стуле, немец живо добавляет:

— Но только не думайте, что я пошел добровольцем из желания воевать. Тем более с русскими. Война — это занятие не для меня.

— Отчего же?

Потупив глаза, немец говорит:

— Я есть нездоровый человек, психически больной.

Мы охотно верим этому немцу. Но он говорит:

— Я вижу, вы не доверяете моим словам. А я есть на самом деле душевнобольной. Я пять лет находился в психиатрической больнице. В Кёльне.

— И вас взяли в армию?

— Я пошел добровольно.

— Зачем же вы сменили больничную койку на окопы?

Снова потупив свои очи, немец говорит:

— Хотелось сохранить свою жизнь. Остаться в живых.

— Но ведь в больнице легче остаться в живых, чем на фронте?

— О нет, не скажите,— говорит немец.— Ведь у нас... душевнобольные... подлежат...

Оглядевшись по сторонам, немец тихо говорит:

— Когда я находился в клинике, к нам приехал уполномоченный из Берлина. Нас, всех больных, построили в саду. И тогда уполномоченный нам сказал: «Кто из вас желает пойти на фронт — выступите вперед на два шага». Тут выступил вперед только один больной, который думал, что речь идет о добавочной порции к обеду. Уполномоченный похвалил его. А остальным сказал: «Я не буду вам много говорить, поскольку у вас, так сказать, «сквозняк на чердаке», но одну основную мысль вы должны понять. Вы есть лишний ненужный балласт, отягчающий государство. Не цепляйтесь за свою жизнь. Идите сражаться за величие Германии».

— Что же ему ответили больные?

— Они закричали: «Хайль, Гитлер!», но не выразили желания идти на фронт. Однако нам вскоре стало известно, что нас будут уничтожать, как людей, требующих за собой ухода, питания, медицинских пособий и больничного персонала, столь нужного в дни войны.

— Что значит уничтожать?

— Ну, усыплять подкожным впрыскиванием морфия.

Мы недоверчиво взглянули на пленного немца. Тот сказал:

— Нет, вы не смотрите, что я душевнобольной. В данном случае я рассуждаю совершенно здраво и отдаю себе полный отчет в словах. У нас уничтожают душевнобольных, которых нельзя вылечить. Но тогда мы, больные, еще не знали об этом. А когда узнали — стали уходить из клиники.

— И тогда вы пошли в армию?

— О нет. Я год пробыл дома. Но потом стало известно, что душевнобольных регистрируют по всем домам, увозят их и они не возвращаются. И тогда я, посоветовавшись со своими родными, пошел в штаб и сказал им о своем желании воевать.

— Что же вам ответили в штабе?

— Они похвалили меня за благоразумие и сказали: «Душевнобольные неплохо воюют. И даже они иной раз «способны на то, на что нормального не уговорить».

Молитвенно сложив свои руки, немец тихо сказал:

— На фронте мои надежды оправдались. Я попал в плен. И благодаря этому окончательно уцелел.

1944 г.

НАШЕЛ, ЧТО ИСКАЛ

У Дарьи Васильевны была дочка Валя. Интересная девушка. Она была очень хороша собой. Цветущая, здоровенькая. Настоящая русская красавица.

Когда немцы подходили к их городу, многие жители бежали.

Дарья Васильевна тоже хотела покинуть город. Уже она собрала в узелок некоторые свои вещички, чтобы с ними уйти. Но в последний момент у нее опустились руки. И она, эта недалекая женщина, не понимающая, что такое родина, сказала своей дочке:

— Нет, никуда не пойдем. Жаль оставить домик, мебель, кастрюли. Пущай будет, что будет. Может быть, не все немцы такие чудовища, как их описывают. Может, они нас помилуют — не убьют и не пошлют на каторгу. А то я затрудняюсь пешком идти. У меня, в довершение всего, астма. Я буду в пути задыхаться. Лучше останемся здесь.

Валя, тревожилась за свою больную мать, не стала настаивать. И они остались.

И вот гитлеровцы вошли в город. Ну и, конечно, было то, что бывает: убийства, грабежи, насилие и так далее. Дарья Васильевна закрылась в своем домике. И сказала своей дочке:

— Кажется, напрасно мы остались.

На четвертый день раздался стук в дверь.

Вошли четыре немца, из которых один был обер-лей-

тенант. Гитлеровцы осмотрели помещение. Но, к счастью, оно не понравилось им, и они направились к выходу.

Но когда они уходили, обер-лейтенант увидел Валю.

Он увидел Валю и задержался у двери: настолько девушка ему понравилась.

И Дарья Васильевна задрожала от страха, думая, что немец сейчас схватит девушку и уведет ее с собой.

И Валя подумала то же самое.

Каково же было их удивление, когда обер-лейтенант мило улыбнулся Вале, приложив руку к своему сердцу.

И Валя потупила свои очи и, нахмурившись, отвернулась.

Обер-лейтенант сказал:

— Ах, как вы обидели меня тем, что отвернулись! Мадмазель, мы, немцы, далеко не чудовища. Мы способны иметь самые нежные чувства, самые тонкие переживания и самые пылкие намерения.

И, услышав эти слова, Дарья Васильевна оживилась и хотела сервировать чай, чтобы угостить немца. Но он, снова поклонившись, ушел.

Каково было их удивление, когда вечером обер-лейтенант вновь посетил их. В руках у него был букетик. И этот букетик он преподнес Вале.

Дарья Васильевна шепнула своей дочке:

— Ты понравилась этому немцу. Смотри, не хмурься, не отворачивайся, не груби. Этим ты спасешь себя от неволи и каторги.

И тогда Дарья Васильевна поставила чайник на плиту и дрожащими руками накрыла стол, чтобы достойным образом угостить немца.

С этих пор обер-лейтенант ежедневно посещал Валю.

Наконец однажды он сказал Дарье Васильевне:

— Фрау, Дарья Васильевна, в вашем доме я нашел то, что искал. И от этого я безмерно счастлив. Я полюбил вашу дочь. И нет, я не оставлю ее здесь, в России. Иначе я буду страшиться за ее судьбу. В качестве моей невесты я направляю ее в Германию, в город Дармштадт, где ей будет исключительно хорошо в лоне моей семьи. Я направлю ее к моим родителям с личным письмом. А по окончании войны и вы, фрау Дарья Васильевна, можете свободно приехать к нам погостить в качестве ее любимой мамаши.

Дарья Васильевна, потерявши от всех этих дел ум и разум, не нашлась, что ответить. Она только всплакнула от

неожиданности и стала собирать наилучшие вещи в приданое для Валечки.

В январе сего года, как известно, доблестная Красная Армия снова прорвала немецкий фронт. И немцы оставили город Н., в котором обер-лейтенант нашел свое счастье, нашел то, что искал.

Под нажимом наших войск гитлеровцы так поспешно отступали, что герр обер-лейтенант не успел попрощаться со своей невестой.

Все прошло, как сон. И в руках невесты осталось только лишь письмо, с которым она предполагала ехать в Дармштадт. Беседуя с одним знакомым командиром, девушка поведала ему эту свою историю. Причем всплакнула, говоря, что она вовсе не полюбила этого немца, но он просто подкупил ее своим хорошим отношением.

Тогда командир попросил девушку показать то письмо, которое у нее осталось.

Зная отлично немецкий язык, командир прочитал это письмо.

Обер-лейтенант писал своим родным, что вместе с этим письмом он посылает им здоровую русскую девку, именно такую, какую они хотели иметь для домашних услуг. И что в скором времени он надеется прислать им еще двух-трех девок для полевых работ.

В конце письма нежный сын сделал приписку: «Держите ее покрепче в руках, не щадите: тут этого добра достаточно».

Услышав этот перевод, фрау Дарья Васильевна затряслась от гнева и так воскликнула:

— Ах, злодей! Ах, он сукин сын! Я думала, что это особенный фриц, исключительный. А он даже хуже других. Ну, нет, господа, я больше не намерена о них думать, что это люди.

Валя всплакнула от обиды, но потом, вытерев свои слезы, разорвала письмо и так сказала:

— Боже, как я глупа и наивна! Но теперь я окончательно все поняла.

1943 г.

Рассказы для детей

ТРУСИШКА ВАСЯ

Васин отец был кузнец.

Он работал в кузнице. Он там делал подковы, молотки и топорики.

И он каждый день ездил в кузницу на своей лошади.

У него была, ничего себе, хорошая черная лошадка.

Он запрягал ее в телегу и ехал.

А вечером он возвращался.

А сын его, шестилетний парнишка Вася, был любитель немного покататься.

Отец, например, приезжает домой, слезает с телеги, а Васютка туда моментально влезает и едет до самого леса.

А отец, конечно, ему не позволял этого делать.

И лошадь тоже не очень позволяла. И когда Васютка влезал в телегу, лошадь косо на него глядела. И хвостом махала,— дескать, сойди, мальчишка, с моей телеги. Но Вася стегал лошадь прутом, и тогда ей было немного больно, и она тихонько бежала.

Вот однажды вечером отец вернулся домой. Вася влез в телегу, стегнул лошадку прутом и выехал со двора покататься.

А у него было сегодня боевое настроение — ему хотелось подальше прокатиться.

И вот он едет через лесок и хлещет своего черного конька, чтобы он пошибче бежал.

Вдруг, знаете, кто-то как огреет Васю по спине!

Васютка так и подскочил от удивления. Он подумал, что это отец его догнал и хлестнул прутом — зачем без спросу уехал.

Вася оглянулся. Видит — никого нету.

Тогда он снова стеганул лошадь. Но тут, во второй раз, кто-то опять как ахнет его по спине!

Вася снова оглянулся. Нет, смотрит, никого нету. Что за чудеса в решете?

Вася думает:

«Ой, кто же меня по шее бьет, если никого кругом нет!»

А надо вам сказать, что когда Вася ехал через лес,

в колесо попала большая ветка от дерева. Она крепко зацепилась за колесо. И как только колесо обернется, ветка, конечно, хлопает Васю по спине.

А Вася это не видит. Потому что уже темно. И, вдобавок, он немножко испугался. И не захотел по сторонам глядеть.

Вот ветка ударила Васю в третий раз, и он еще больше испугался.

Он думает:

«Ой, может быть, меня лошадь бьет. Может быть, она как-нибудь мордой схватила прут и тоже меня в свою очередь стегает».

Тут он немного даже отодвинулся от лошади.

Только он отодвинулся, а ветка хлесть Васю уже не по спине, а по затылку.

Вася бросил вожжи и как закричит от страха.

А лошадь, не будь дура, повернула назад и как пустится со всех ног к дому.

А колесо как завертится еще сильнее. А ветка как начнет хлестать Васю еще чаще.

Тут, знаете, не только маленький, но и большой может испугаться.

Вот лошадь скачет. А Вася лежит в телеге и орет со всей силы. А ветка его лупит — то по спине, то по ногам, то по затылку.

Вася кричит:

— Ой, папа! Ой, мама! Меня лошадь бьет!

Но тут вдруг лошадь подъехала к дому и остановилась во дворе.

А Васютка лежит в телеге и сходить боится. Лежит, знаете, и кушать не хочет.

Вот пришел отец распрягать лошадь. И тогда Васютка сполз с телеги. И тут он вдруг увидел в колесе ветку, которая его била.

Вася отцепил ветку от колеса и хотел этой веткой ударить лошадь. Но отец сказал:

— Оставь свою глупую привычку бить лошадь. Она умнее тебя и сама хорошо понимает, что ей надо делать.

Тогда Вася, почесывая спину, пошел домой и лег спать.

А ночью ему приснился сон, будто приходит к нему лошадь и говорит:

— Ну, что, трусишка, покатался?

Утром Вася проснулся и пошел на речку ловить рыбок.

1937 г.

УМНАЯ ТАМАРА

Живет в нашей квартире один инженер.

Бывают такие ученые инженеры с усами и в очках.

И вот однажды этот инженер чем-то захворал и уехал на юг лечиться.

Вот он уехал на юг и закрыл свою комнату на замок.

Проходит три дня, и вдруг все жильцы слышат, что в комнате этого инженера жалобно мяукает кошка.

Одна жиличка говорит:

— Этот инженер какой нахал. Он уехал на юг, а в комнате оставил свою кошку. И теперь это бедное животное, наверное, погибнет без еды и без питья.

Тут все жильцы рассердились на инженера.

Один жилец говорит:

— У этого инженера дырявая голова. Как это можно оставлять кошек без еды целый месяц. Кошки от этого умирают.

Другой жилец говорит:

— Давайте сломаем дверь.

Тут приходит управдом. Он говорит:

— Нет, дверь нельзя ломать без разрешения инженера.

Один маленький мальчик Николашка говорит:

— Тогда давайте вызовем пожарную часть. Пожарные приедут, живо подставят лестницу к окну и спасут кошку.

Управдом говорит:

— Раз нет пожара, то пожарных нельзя вызывать. За это надо штраф платить.

Одна маленькая девочка Тамара говорит:

— Знаете что: давайте кормить эту кошку через дверь. Я сейчас принесу молоко и это молоко подолью под дверь. Кошечка это увидит и покушает.

Тут все жильцы засмеялись и сказали:

— Браво! Она хорошо придумала.

И все жильцы начали с этого дня кормить кошку через дверь. Кто суп под дверь подливал, кто молоко, кто воду.

Мальчик Николаша даже целую рыбу под дверь подсунул. А потом он нашел на лестнице дохлую мышку, и эту дохлую мышку он тоже ухитрился под дверь просунуть.

И кошка едой была очень довольна, и она радостно за дверью мурлыкала.

И вот проходит целый месяц, и наконец приезжает инженер.

Одна старенькая жиличка так ему говорит:

— Инженер, вас надо на полгода посадить в тюрьму, потому что нельзя так мучить животное. Надо к людям и к животным хорошо относиться. А вы свою кошечку оставили в комнате без еды и без питья. И она могла умереть, если бы мы не догадались под дверь молоко подливать. Ах, открывайте скорее двери и поглядите, как ваша кошечка чувствует себя. Может быть, она больна, лежит с температурой на вашей кровати.

Инженер говорит:

— Про какую кошку вы говорите? Вы же знаете, что я кошек у себя не держал. И никаких кошек у меня никогда не было. И никого я не мог закрыть в своей комнате.

Жильцы говорят:

— Мы ничего не знаем. Только знаем, что в вашей комнате целый месяц живет кошка.

Вот инженер поскорее открывает дверь, и все жильцы и он сам входят в комнату.

И все видят — на диване лежит хорошенькая рыженькая кошка. Очень на вид здоровенькая и веселенькая и ничуть она, видать, не похудела.

Инженер говорит:

— Ничего не понимаю. Откуда у меня на диване эта рыженькая кошка? Когда я уезжал, ее не было.

Мальчик Николаша говорит, поглядывая все на окно:

— Там форточка открыта. Наверное, кошка гуляла по карнизу, увидела эту открытую форточку и прыгнула в комнату.

Инженер говорит:

— Но почему же она тогда обратно не ушла?

Девочка Тамара говорит:

— А мы ее очень хорошо кормили, вот она и не захотела уйти. Ей тут понравилось.

Инженер говорит:

— Ах, какая хорошенькая умная кошечка! Я тогда ее здесь оставлю.

Девочка Тамара говорит:

— Нет, эту кошку я решила взять себе.

Тут все жильцы засмеялись и сказали:

— Да, эта кошка принадлежит Тамаре, поскольку Тамара придумала, как ее кормить, и этим спасла ее от гибели.

Инженер сказал:

— Правильно. И я со своей стороны вдобавок подарю Тамаре десять мандаринов, которые я привез с юга.

И он подарил ей десять мандаринов.

1938 г.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБЕЗЬЯНЫ

В одном городе на юге был зоологический сад. Небольшой зоологический сад в котором находились — один тигр, два крокодила, три змеи, зебра, страус и одна обезьяна или, попросту говоря, мартышка. И, конечно, разная мелочь — птички, рыбки, лягушки и прочая незначительная чепуха из мира животных.

В начале войны, когда фашисты бомбили этот город, одна бомба попала прямо в зоологический сад. И там она разорвалась с громадным оглушительным треском. Всем зверям на удивленье.

Причем были убиты три змеи — все сразу, что, быть может, и не является таким уж тяжелым фактом. И, к сожалению, страус.

Другие же звери не пострадали. И, как говорится, только лишь отделались испугом.

Из всех зверей больше всего была перепугана обезьяна, мартышка. Ее клетку опрокинуло воздушной волной. Эта клетка упала со своего возвышения. Боковая стенка сломалась. И наша обезьяна выпала из клетки прямо на дорожку сада.

Она выпала на дорожку, но не осталась лежать неподвижной по примеру людей, привыкших к военным действиям. Наоборот. Она тотчас влезла на дерево. Оттуда прыгнула на забор. С забора на улицу. И, как угорелая, побежала.

Бежит и, наверное, думает: «Э, нет,— думает,— если тут бомбы кидают, то я не согласна». И, значит, что есть силы бежит по улицам города. И до того шибко бежит, будто ее собаки за пятки хватают.

Пробежала она через весь город. Выбежала на шоссе. И бежит по этому шоссе прочь из города. Ну — обезьяна. Не человек. Не понимает, что к чему. Не видит смысла оставаться в этом городе.

Бежала, бежала и устала. Переутомилась. Влезла на

дерево. Съела муху для подкрепления сил. И еще пару червячков. И заснула на ветке там, где сидела.

А в это время ехала по дороге военная машина. Шофер увидел обезьяну на дереве. Удивился. Тихонько подкрался к ней. Накрыл ее своей шинелькой. И посадил в свою машину. Подумал:

«Лучше я ее подарю каким-нибудь своим знакомым, чем она тут погибнет от голода и холода и других лишений военного времени». И, значит, поехал вместе с обезьяной.

Приехал в город Борисов. Пошел по своим служебным делам. А мартышку в машине оставил. Сказал ей:

— Подожди меня тут, милочка. Сейчас вернусь.

Но мартышка наша не стала ждать. Она вылезла из машины через разбитое стекло и пошла себе по улицам гулять.

И вот идет она, как миленькая, по улице, гуляет, прохаживается, задеря хвост. Народ, конечно, удивляется, хочет ее поймать. Но поймать ее не так-то легко. Она живая, проворная, бегает быстро на своих четырех руках. Так что ее не поймали, а только замучили напрасной беготней.

Замучилась она, устала и, конечно, что совершенно естественно, кушать захотела.

А в городе где она может покушать? На улицах ничего такого съедобного нет. Не может же она со своим хвостом в столовую зайти? Или в кооператив? Тем более, денег у нее нет. Скидки нет. Продуктовых карточек она не имеет. Кошмар.

Все-таки она зашла в один кооператив. Почувствовала, что там что-то такое имеется. А там отпускали населению овощи — морковку, брюкву и огурцы.

Заскочила она в этот магазин. Видит — большая очередь. Нет, в очереди она не стала стоять. И не стала расталкивать людей, чтобы пробиться к прилавку. Она прямо по головам покупателей добежала до продавщицы. Вскочила на прилавок. Не спросила, почем стоит кило морковки. А просто схватила целый пучок морковки. И, как говорится, была такова. Выбежала из магазина, довольная своей покупкой. Ну — обезьяна. Не понимает, что к чему. Не видит смысла оставаться без продовольствия при отсутствии зарплаты.

Конечно, в магазине шум произошел, гам, переполох. Публика закричала. Продавщица, которая вешала брюкву, та вообще чуть в обморок не свалилась от неожиданности. И, действительно, можно напугаться, если вдруг рядом

вместо обычного, нормального покупателя скачет что-то такое мохнатое, с хвостом. И еще, вдобавок, денег не платит.

Публика бросилась за обезьяной на улицу. А та бежит и на ходу морковку жует, кушает. Не понимает, что к чему

И вот впереди всех бегут мальчишки. За ними взрослые. А позади бежит милиционер и дует в свой свисток.

И вдруг, откуда ни возьмись, выскочила собака. И тоже погналась за нашей мартышкой. Притом такая нахалка, не только тявкает и лает, а прямо-таки норовит схватить обезьяну своими зубами.

Наша мартышка побежала быстрей. Бежит и, наверное, думает: «Эх,— думает,— зря покинула зоосад. В клетке спокойней дышится. Непременно вернусь в зоосад при первой возможности».

И вот бежит она что есть мочи, но собака не отстает и вот-вот хочет ее схватить.

И тогда наша обезьяна вскочила на какой-то забор. И когда собака подпрыгнула, чтобы схватить мартышку хотя бы за ногу, та со всей своей силы ударила ее морковкой по носу. И до того больно ударила, что собака завизжала и побежала домой со своим разбитым носом. Наверно, подумала: «Нет, граждане, лучше я буду дома спокойно лежать, чем ловить вам обезьяну и испытывать такие пренеприятности».

Короче говоря, собака убежала, а наша обезьяна прыгнула во двор.

А во дворе в это время колол дрова один мальчик, подросток, некто Алеша Попов.

Вот он колет дрова и вдруг видит обезьяну. А он очень любил обезьян. И всю жизнь мечтал иметь при себе какую-нибудь такую обезьянку. И вдруг — пожалуйста.

Алеша скинул с себя пиджачок и этим пиджачком накрыл мартышку, которая забилась в угол на лестнице.

Мальчик принес ее домой. Накормил ее. Чаем напоил. И обезьяна была очень довольна. Но не совсем. Потому что Алешина бабушка сразу ее невзлюбила. Она закричала на мартышку и хотела ударить ее по лапе. Все из-за того, что когда пила чай и бабушка положила свою откусанную конфету на блюдечко, обезьяна схватила эту бабушкину конфету и запихала ее в свой рот. Ну — обезьяна. Не человек. Тот, если и возьмет что, так не на глазах же у бабушки. А эта прямо в присутствии бабушки. И, конечно, довела ее чуть не до слез.

Бабушка сказала:

— Вообще, это крайне неприятно, когда в квартире живет какая-то макака с хвостом. Она будет меня пугать своим нечеловеческим видом. Будет прыгать на меня в темноте. Будет жрать мои конфеты. Нет, я категорически отказываюсь жить в одной квартире с обезьяной. Кто-нибудь из нас двоих должен находиться в зоологическом саду. Неужели же непременно я должна перейти в зоологический сад. Нет, уж пусть лучше она находится там. А я буду продолжать жить в моей квартире.

Алеша сказал своей бабушке:

— Нет, бабушка, вам не надо переходить в зоосад. Я вам гарантирую, что мартышка больше ничего у вас не съест. Я ее воспитаю, как человека. Я научу ее кушать с ложечки. И пить чай из стакана. Что касается прыжков, то не могу же я запретить ей лазать на лампу, которая висит на потолке. Оттуда, конечно, она может прыгнуть вам на голову. Но вы, главное, не пугайтесь, если это произойдет. Потому что это всего лишь безобидная обезьяна, привыкшая в Африке прыгать и скакать.

На другой день Алеша ушел в школу. И попросил свою бабушку присмотреть за обезьяной. Но бабушка не стала за ней смотреть. Она подумала: «Вот еще, стану я смотреть за всяким чудовищем». И с этими мыслями бабушка взяла и нарочно заснула в кресле.

И тогда наша обезьяна вылезла через открытую форточку на улицу. И пошла себе по солнечной стороне. Неизвестно — может быть, она прогуляться хотела, но может быть, и решила снова заглянуть в магазин, чтобы там что-нибудь себе купить.

Не на деньги, а так.

А по улице проходил в это время один старик. Инвалид Гаврилыч. Он шел в баню. И в руках нес небольшую корзинку, в которой лежало мыло и белье.

Он увидел обезьяну и сначала даже не поверил своим глазам, что это обезьяна. Он подумал, что это ему показалось, поскольку перед этим он выпил кружку пива.

Вот он с удивлением смотрит на обезьяну. И та на него смотрит. Может быть, думает: «Это еще что за чучело с корзинкой в руках».

Наконец Гаврилыч понял, что это настоящая обезьяна, а не воображаемая. И тогда он подумал: «Дай-ка я ее словлю. Отнесу завтра на рынок и там продам ее за сто рублей. И на эти деньги подряд выпью десять кружек пи-

ва». С этими мыслями Гаврилыч стал ловить обезьяну, приговаривая: «Кыс... кыс, кыс... подойди сюда».

Нет, он знал, что это не кошка, но он не понимал — на каком языке с ней надо разговаривать. И только потом сообразил, что это высшее существо из мира зверей. И тогда он вытащил из кармана кусочек сахара, показал его обезьяне и сказал ей, поклонившись:

— Красавица-мартышка, не желаете ли скушать кусочек сахара?

Та говорит: «Пожалуй, желаю...» То есть вообще-то она ничего не сказала, потому что она говорить не умеет. Но она просто подошла, взяла этот кусочек сахара и стала его кушать.

Гаврилыч взял ее на руки и посадил в свою корзинку. А в корзинке было тепло и уютно. И наша мартышка не стала оттуда выскакивать. Быть может, она подумала: «пусть этот старый пень понесет меня в своей корзинке. Это даже интересно».

Сначала Гаврилыч думал отнести ее домой. Но потом ему не захотелось домой возвращаться. И он пошел с обезьянкой в баню. Подумал: «Еще и лучше, что я с ней в баню схожу. Я там ее вымою. Она будет чистенькая, приятненькая. На шею я ей бантик привяжу. И мне за нее на рынке дороже дадут».

И вот он со своей мартышкой пришел в баню. И стал с нею мыться.

А в бане было очень жарко — прямо как в Африке. И наша мартышка была очень довольна такой теплой атмосферой. Но не совсем. Потому что Гаврилыч намылил ее мылом и мыло попало в рот. Конечно, это невкусно, но уж не настолько, чтобы кричать и царапаться и отказываться мыться. В общем, наша мартышка стала плеваться, но тут мыло попало ей в глаз. И от этого мартышка совершенно обезумела. Она укусила Гаврилыча за палец, вырвалась из его рук и, как угорелая, выскочила из бани.

Она выскочила в ту комнату, где раздевались люди. И там она всех перепугала. Никто же не знал, что это обезьяна. Видят — выскочило что-то такое круглое, белое, в пене. Кинулось сначала на диван. Потом на печку. С печки на ящик. С ящика кому-то на голову. И снова на печку.

Некоторые нервные посетители закричали и стали выбегать из бани. И наша обезьяна тоже выбежала. И спустилась вниз по лестнице. А там внизу находилась касса с окошечком. Обезьяна прыгнула в это окошечко, думая, что там ей

будет спокойней и, главное, не будет такой суетни и толкотни. Но в кассе сидела толстая кассирша, которая ахнула и завизжала. И выбежала из кассы с криком:

— Караул! Кажется, бомба попала в мою кассу! Накапайте мне валерианки!

Нашей мартышке надоели все эти крики. Она выскочила из кассы и побежала по улице.

И вот бежит она по улице, вся мокрая, в мыльной пене. А за ней снова бегут люди. Впереди всех мальчишки. За ними взрослые. За взрослыми милиционер. А за милиционером наш престарелый Гаврилыч, кое-как одетый, с сапогами в руках.

Но тут снова откуда ни возьмись выскочила собака, та самая, которая вчера за ней гналась.

Увидев ее, наша мартышка подумала: «Ну, теперь, граждане, я окончательно пропала».

Но собака на этот раз не погналась за ней. Собака только посмотрела на бегущую обезьяну, почувствовала сильную боль в носу и не побежала, даже отвернулась. Наверное, подумала: «Носов не напасешься — бегать за обезьянами». И хотя отвернулась, но сердито залаяла — дескать, беги, беги, но чувствуй, что я тут.

А в это время наш мальчик, Алеша Попов, вернувшись из школы, не нашел дома своей любимой обезьянки. Он очень огорчился. И даже слезы показались на его глазах. Он подумал, что теперь уж никогда больше он не увидит своей славной, обожаемой обезьянки.

И вот от скуки и грусти он вышел на улицу. Идет по улице меланхоличный такой. И вдруг видит — бегут люди. Нет, сначала он не подумал, что они бегут за его обезьянкой. Он подумал, что они бегут благодаря воздушной тревоге. Но тут он увидел свою обезьянку, всю мокрую, в мыле. Он бросился к ней. Схватил ее на руки. И прижал к себе, чтоб никому ее не отдавать.

И тогда все бегущие люди остановились и окружили мальчика.

Но тут из толпы вышел наш престарелый Гаврилыч. И всем показывая свой укушенный палец, сказал:

— Граждане, не велите этому парнишке брать на руки мою обезьяну, которую я завтра хочу продать на рынке. Это моя собственная обезьяна, которая укусила меня за палец. Взгляните все на этот мой распухший палец. И это есть доказательство того, что я говорю правду.

Мальчик Алеша Попов сказал:

— Нет, эта обезьяна не его, это моя обезьяна. Видите, с какой охотой она пошла ко мне на руки. И это тоже доказательство того, что я говорю правду.

Но тут из толпы выходит еще один человек — тот самый шофер, который привез обезьяну в своей машине. Он говорит:

— Нет, уважаемые, это не ваша и не ваша обезьяна. Это моя мартышка, потому что я ее привез. Но я снова уезжаю в свою воинскую часть, и поэтому я подарю обезьяну тому, кто ее так любовно держит в своих руках, а не тому, кто хочет ее безжалостно на рынке продать ради своей выпивки. Обезьяна принадлежит мальчику.

И тут вся публика захлопала в ладоши. И Алеша Попов, сияющий от счастья, еще крепче прижал к себе обезьяну. И торжественно понес ее домой.

Гаврилыч же со своим укушенным пальцем пошел в баню домываться.

И вот с тех пор обезьяна стала жить у мальчика Алеши Попова. Она и сейчас у него живет. Недавно я ездил в город Борисов. И нарочно зашел к Алеше — посмотреть, как там она у него живет. О, она хорошо живет. Она никуда не убегает. Стала очень послушной. Нос вытирает носовым платком. И чужих конфет категорически не берет. Так что бабушка очень теперь довольна, не сердится на нее и уж больше не хочет переходить в зоологический сад.

Когда я вошел в комнату Алеши, обезьяна сидела за столом. Она сидела важная такая, как кассирша в кино. И чайной ложечкой кушала рисовую кашу.

Алеша сказал мне:

— Я воспитал ее, как человека, и теперь все дети и даже отчасти взрослые могут брать с нее пример.

1945 г.

ИНТЕРЕСНЫЙ РАССКАЗ

Когда началась война, Коля Соколов умел считать до десяти. Конечно, это мало считать до десяти, но бывают же дети, которые и до десяти считать не умеют.

Например, я знал одну маленькую девочку Лялю, которая считала только до пяти. И то, как она считала. Она говорила: «Раз, два, четыре, пять». И «три» пропускала. Разве это счет! Это же прямо смехотворно. Нет, навряд ли такая девочка будет в дальнейшем научным работником

или профессором математики. Скорей всего она будет домашней работницей или младшим дворником с метлой. Раз она настолько неспособна к цифрам.

А наш Коля, я говорю, умел считать до десяти. И благодаря этому он отсчитал десять шагов от дверей своего дома. И отсчитав эти шаги, он стал рыть яму. Лопатой.

Вот он вырыл яму. И положил в эту яму деревянный ящик, в котором находились разные его вещи — коньки, топорик, маленькая ручная пила, складной карманный ножик, фарфоровый зайчик и другие мелкие предметы.

Положил он этот ящик в яму. Засыпал землей. Затоптал ногами. И вдобавок сверху набросал желтого песочку, чтоб незаметно было, что там яма и в яме что-то лежит.

Сейчас я объясню вам, зачем Коля зарыл в землю свои вещи, такие нужные для него.

Он с мамой и бабушкой уезжал в город Казань. Потому что фашисты наступали тогда. И подошли очень близко к их деревне. И все жители поспешно стали уезжать.

И, значит, Коля с мамой и с бабушкой тоже решили уехать.

А все вещи, конечно, с собой не захватишь. И по этой причине некоторые вещи мама положила в сундук и зарыла в землю, чтобы они не достались фашистам.

От дверей дома мама отсчитала тридцать шагов. И там зарыла сундук.

Она отсчитала тридцать шагов для того, чтобы знать то место, где зарыто. Не разрывать же весь двор, чтобы потом искать этот сундук. Стоит только отсчитать тридцать шагов по направлению к огороду, и сундук сразу будет найден, когда фашистов выгонят из деревни.

И вот мама зарыла сундук в тридцати шагах от дверей. А Коля, который умел считать до десяти, отсчитал десять шагов. И там зарыл свой ящик.

И в тот же день мама, бабушка и Коля уехали в город Казань. И в этом городе они прожили почти что четыре года. И там Коля подрос, стал ходить в школу. И считать до ста и больше.

И вот наконец стало известно, что фашистов выгнали из той деревни, где в свое время проживал Коля. И не только из той деревни, а вообще их выгнали с нашей земли. И тогда Коля с мамой и с бабушкой вернулись в свои родные места.

Ах, они с волнением подъезжали к своей деревне. Думали: «Цел ли наш дом? Не сожгли ли его фашисты? И целы ли вещи, зарытые в земле? Или, может быть, фашисты

вырыли эти вещи и взяли их себе? Ах, это будет очень жаль, если они взяли себе коньки, пилу и топорик».

Но вот наконец Коля дома. Дом цел, но, конечно, немножко разрушен. И все вещи, которые оставались в доме, исчезли. Фашисты украли их. Но мама сказала: «Это ничего. У нас сохранилось еще много вещей, зарытых в землю».

И с этими словами мама отсчитала тридцать шагов и стала копать лопатой. И вскоре убедилась, что сундук там. И тогда Коля сказал маме:

— Вот, что значит арифметика. Если б мы зарыли сундук просто так, не отсчитали бы тридцати шагов, вот теперь и не знали бы, где копать.

Наконец мама отрыла сундук. И там все было цело и исправно. И вещи даже не подмокли, потому что поверх сундука была положена клеенка. И мама с бабушкой были так довольны, что сохранились эти вещи, что даже запели песню: «Светит месяц, светит ясный».

И тогда Коля в свою очередь взял лопату, отсчитал десять шагов и сказал соседским ребятам, которые собрались вокруг него:

— Если б я зарыл свои вещи просто так, где попало, не отсчитал бы десять шагов, вот я бы теперь и не знал, где они лежат. Но арифметика приносит людям огромную пользу. И благодаря арифметике я теперь знаю, где мне надо копать.

И с этими словами Коля стал копать.

Копает, копает, но найти своего ящика не может. Уже глубокую яму вырыл. Нет ящика. И немножко влево стал копать. И немножко вправо. Нигде нет.

Уже ребята стали смеяться над Николаем.

— Что-то, говорят, не помогла тебе твоя арифметика. Может быть, фашисты вырыли твои вещи и взяли их себе.

Коля говорит:

— Нет, если наш огромный сундук найти не смогли, то навряд ли они нашли мои вещи. Тут что-то не так.

Коля бросил лопату. Сел на ступеньки крыльца. И сидит скучный, грустный. Думает. Потирает лоб рукой. И вдруг засмеявшись, говорит:

— Стоп, ребята. Я знаю, где лежат мои вещи.

И с этими словами Коля отсчитал только пять шагов и сказал:

— Вот где они лежат.

И, взяв лопату, стал копать. И действительно вскоре из земли показался ящик. И тогда все собравшиеся сказали:

— Странно. Ты зарыл свой ящик в десяти шагах от двери, а теперь он оказался в пяти шагах. Неужели же твой ящик за время войны сам подвинулся поближе к твоему дому.

— Нет,— сказал Коля,— ящики сами двигаться не могут. Тут вот что произошло. Когда я зарыл свой ящик, я был совершенно маленький малыш. Мне было всего пять лет. И у меня были тогда маленькие и даже крошечные шаги. А теперь мне девять лет, десятый год. И вон какие у меня огромные шаги. И вот почему я вместо десяти шагов отсчитал только пять. Арифметика приносит пользу тем людям, которые умеют понимать, что происходит в жизни. А происходит то, что время движется вперед. Люди растут. Их шаги меняются. И ничто в жизни не остается без перемен.

Тут Коля открыл свой ящик. Все оказалось на месте. И даже железные вещи не заржавели, потому что Коля обмазал их салом. А такие вещи не имеют права давать ржавчину.

Вскоре приехал Колин папа. Он был сержант, награжденный медалью за храбрость. И Коля ему все рассказал. И папаша похвалил Николая за его ум и смекалку.

И все были очень довольны и счастливы. Пели, веселились и даже танцевали танцы.

1945 г.

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

На лето я отдала своего сына в пионерский лагерь. И в воскресенье поехала навестить его.

В вагоне разговорилась со своей соседкой, у которой было множество всяких свертков и пакетов. Оказалось, что и она ехала в тот же лагерь повидать своего сынишку.

Среди пассажиров имелись еще родители, ехавшие туда же. Так что мы, приехав, объединились на вокзале в одну родительскую группу и в количестве семи человек пошли к лагерю через парк.

На полянке за парком мы увидели какой-то большой отряд детворы. Ребята стояли в рядах и слушали то, что им говорила воспитательница.

Мы прошли было мимо, но вдруг услышали слова воспитательницы. Обращаясь к детям, она сказала:

— Ребята, ко многим из вас сегодня приедут родители. Очень прошу вас — не позволяйте им совершать какие-нибудь неосторожные поступки.

Мы, родители, с недоумением переглянулись.

Один из малышей, обращаясь к своей воспитательнице, сказал:

— Софья Андреевна, а если мой папа опять мне скажет: пойдем купаться? Что тогда?

Воспитательница сказала:

— Гриша, в прошлое воскресенье ты чуть не заболел воспалением легких. И если твой папа снова поведет тебя к реке, ты скажи ему: «Папочка, дорогой, купайся сам, если хочешь, но лично я в холодную воду не полезу». Так и скажи ему. И скажи твердо, чтоб он запомнил это и не совал бы тебя в воду, температура которой не достигала шестнадцати градусов.

Мы, родители, снова переглянулись. Воспитательница сказала:

— В общем, ребята, я сегодня всецело полагаюсь на ваше благоразумие. И я буду надеяться, что вы всякий раз остановите своих родителей, если увидите, что они поступают легкомысленно или не по правилам.

Мы подошли к воспитательнице и сказали ей:

— Вот как раз мы — родители. Случайно проходили мимо и услышали то, что вы сказали детям. Как понять нам ваши слова относительно родителей?

Воспитательница сказала нам:

— Видите ли, в чем дело. Шесть дней в неделю у нас в лагере мир и тишина. А по воскресеньям происходит нечто вроде землетрясения. Одна мать везет сюда пирог с капустой и целиком оставляет его своему ребенку. Другая привозит кило конфет. Третья чуть ли не целый окорок. А дети есть дети! Они не знают меры. Они совершенно сыты, тем не менее они начинают жевать то, что им привозят родители. В результате — хворают. Каждый понедельник у меня в отряде минимум пятнадцать заболевших.

Мы, родители, сконфуженно переглянулись. Воспитательница, строго посмотрев на нас, сказала:

— Но это еще не все! Я попрошу вас взглянуть на малышей, пострадавших в то воскресенье...

Тут воспитательница, обратившись к ребятам, сказала:

— Вовочка Басов, выйди, милый, вперед...

Из рядов вышел мальчишечка лет семи. Ласково поглаживая его голову воспитательница сказала:

— Малыш понятия не имеет, что такое рыбная ловля. Тем не менее его мама привезла ему удочку с крючком. Он без спросу побежал к реке и там закинул удочку таким образом, что сразу сам попал на крючок... Взгляните на его щеку...

Мы осмотрели маленького рыболова. На его щеке была изрядная царапина.

Воспитательница сказала:

— Теперь выйди вперед Коля Шагалов... Покажи родителям свою руку...

Вышел парнишка лет одиннадцати и показал нам свою руку, на которой была какая-то краснота:

Воспитательница, вздохнув, сказала:

— Пугач и двести патронов привезли ему родители. С патронами он стал шалить и в результате — ожог руки. Я еще удивляюсь, как мы все не взлетели на воздух от такого количества патронов!

Мы сказала воспитательнице:

— Не все же родители таковы!

Она ответила нам:

— И я далеко не о всех говорю. Многие и многие родители отлично воспитывают своих детей, но после долгой разлуки с ними они приезжают сюда настолько чувствительные, что позволяют им все, что они пожелают. Катюша Савченко, выйди вперед... Доложи нам, сколько ты съела мороженого в то воскресенье...

Вышла восьмилетняя девчушка и, улыбаясь, сказала:

— Мама съела две порции, а я съела шесть. Седьмую я положила на минутку под подушку, но оно у меня растаяло.

Тут все ребята засмеялись. А воспитательница, подавив свою улыбку, сказала нам:

— Так вот и ответьте мне — могу ли я быть спокойной, когда приезжают родители после разлуки со своим ребенком? Нет, у меня сердце болит за каждого моего малыша, которого уводят с территории лагеря! И вот поэтому я и просила ребят по возможности остерегать своих родителей от неосторожных поступков!

Сконфуженно потоптавшись и поговорив о том о сем, мы, родители, пошли дальше.

Некоторое время шли молча. Потом один молодой отец сказал:

— А ведь она правильно критиковала нас. Например, своего сорванца я очень хотел сегодня побаловать. И вот купил ему духовое ружье, которое стреляет деревянной пулькой метров на двадцать пять. И теперь это ружье я, пожалуй, ему не дам, а то он тут перебьет всю местную публику.

Молодая мамаша, у которой было множество пакетов, развязала один свой тючок. Там оказалась большая кастрюля, наполненная блинами. Молодая мамаша стала их усиленно кушать и принялась нас угощать. Но мы отказались. И тогда она кинула несколько блинов пробегавшей собаке. Собака без особого интереса съела блины и, даже не вильнув хвостом, побежала дальше.

Я же везла своему сыну десяток пирожных. И теперь твердо решила — более двух пирожных ему не давать.

Наконец мы подошли к лагерю.

За забором раздался чей-то тревожный возглас:

— Родители приехали...

На территории лагеря возникла какая-то суета. На крыльцо вышел начальник лагеря. Потом появился доктор в белом халате. Потом санитарка вынесла для чего-то носилки и поставила стоймя у входа.

Вскоре прибежал мой сынок. Счастливый и загоревший. Я стала его целовать и тут, забыв обо всем на свете, отдала ему всю корзинку с пирожными.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

Ранней весной этого года некто Петр Евсеевич Гасилин случайно попал на общее собрание жильцов своего дома.

Будучи главным бухгалтером одного крупного учреждения и сильно перегруженный отчетностью, Гасилин обычно не посещал такого рода мелкие собрания. А тут, разыскивая управхоза, заглянул в контору и там, застав собрание, решил из любопытства послушать, о чем говорят люди на столь малых совещаниях, кои предусматривают интересы всего лишь одного дома.

Оказалось, что собрание обсуждало вопрос об организации детской площадки во дворе дома.

Гасилин принял участие в общем споре, который разгорелся по вопросу о количестве деревьев на детской площадке.

Как нежный отец, Гасилин настаивал на минимальном количестве деревьев, полагая, что у его двенадцатилетнего сына будет меньше шансов упасть с дерева.

Но в этом вопросе Петр Евсеевич Гасилин разошелся с мнением большинства.

А надо сказать, что Гасилин был человек весьма нервный, вспыльчивый. Семь лет он лечился в поликлинике синим светом. И это лечение ему, видимо, мало помогло, ибо на собрании он повел себя крайне несдержанно, агрессивно.

Оспаривая мнение своей оппонентки, он допустил несколько колких фраз по ее адресу.

Его оппонентка — немолодая и на вид скромная женщина — спокойно отнеслась к его колким словам, однако вскользь заметила, обращаясь к собранию:

— Немудрено, что у такого нервного и взбудораженного отца сын неважно учится.

А сын Петра Евсеевича, ученик пятого класса Никита Гасилин, учился действительно неважно. И эти слова немолодой женщины затронули какие-то надорванные струны отцовского сердца. Не пожелав оставаться на собрании, он ушел и, уходя, снова позволил себе бестактность — громко повторил свои колкие фразы, относящиеся к пожилой гражданке.

Вернувшись домой, Гасилин рассказал своей жене о происшествии и в едких тонах описал заурядную внешность пожилой незнакомки.

Жена не без тревоги спросила мужа:

— А как фамилия этой женщины?

— Ее фамилии я не знаю,— ответил муж,— а люди на собрании называли ее Софьей Павловной.

Всплеснув руками, жена сказала:

— Ну, так и есть! Ты оскорбил учительницу нашего сына. Она в его классе преподает русский язык. Ах, Петр, Петр, напрасно ты пошел на это собрание, не долечившись в клинике!

Гасилин был сильно удручен этим сообщением. Нервно шагая по комнате, он сказал:

— Фу, как нехорошо получилось! Ведь именно по русскому языку наш Никитка особенно плохо учится. А уж теперь он вряд ли сойдет со своих двоек. И не исключена возможность, что он останется на второй год!

— Ну, она не посмеет мстить нашему мальчику за нетактичность отца,— возразила жена.

— Ах, милая моя!— простонал муж.— В каждом из нас таятся темные остатки прошлого. А ведь эта учительница — немолодая женщина. Стало быть, пережитки в ее сознании действуют более активно, чем у других. Нет, я сам не думаю, что она станет открыто сводить со мной счеты через ребенка. Но вот пристрастно она к нему отнесется. И по-человечески мне будут совершенно понятны ее подсознательные чувства.

Поговорив с женой, Гасилин тотчас же велел своему сыну засесть за уроки и, несмотря на позднее время, два часа прозанимался с ним, нажимая главным образом на урок русского языка.

На другой день Гасилин снова занялся со своим сыном и даже не пошел к приятелю играть в преферанс.

Всю неделю изо дня в день Петр Евсеевич тщательно следил, как готовит уроки его сын. И даже помог составить краткий конспект по грамматике.

Однако учительница все эти дни не спрашивала мальчика и даже, по его словам, не смотрела в ту сторону, где он сидит. И это последнее обстоятельство довело нашего бедного Гасилина до прежних отчаянных нервных спазм в желудке. Ему казалось, что учительница нарочно не смотрит на Никиту, собираясь врасплох застать его.

По этой причине Петр Евсеевич, несмотря на мучительные боли в желудке, всякий вечер не отходил от сына, заставляя его готовить уроки в высшей степени прилежно и добросовестно.

На вторую неделю сын Никита принес две пятерки по русскому языку. И это привело Гасилина в крайнее изумление. Прибежав на кухню, он сказал своей жене, запинаясь:

— К-как понять это странное поведение учительницы?! Ч-что именно она хочет сказать мне этим?

Жена ответила, пожав плечами:

— Просто она оказалась выше, чем ты предполагал. Она не примешивает к общественному делу своих личных чувств и обид.

— Н-нет, тут что-нибудь не так!— воскликнул взволнованный муж.— Ведь наш оболтус Никитка никогда еще в жизни не имел пятерок по русскому языку, а тут вдруг принес целых две штуки! М-может быть, она нарочно поставила ему высший балл, желая со мной помириться? Время покажет. Я сам не сделаю ни одного шага к этому.

Через несколько дней сын Никита снова принес пятерку

за стихотворение Лермонтова, выученное наизусть. И тогда Петр Евсеевич Гасилин, не сдерживая больше своих чувств, побежал на квартиру к учительнице. И там сказал ей:

— Уважаемая Софья Павловна, мне совестно вам сейчас признаться, но ведь я был уверен, что мой Никитка не слезет с двоек после нашей с вами размолвки на собрании. Но этого не случилось, и теперь, пораженный вашим великодушием, я пришел крепко пожать вашу руку.

Нахмурясь, учительница резко сказала:

— Ну как же вы посмели так дурно думать о людях и тем более о советском учителе? Это, право, недостойно нашего времени — иметь такие архаические взгляды!

Наш бедный Гасилин стал сконфуженно бормотать путаные фразы, из которых можно было отчасти понять, что он еще не закончил курс лечения синим светом и поэтому пока не берется отвечать за все свои мысли, высказанные вслух.

Но потом, поборов смущение, Гасилин четко сказал:

— Простите великодушно за мое признание, но эти пятерки перевернули все мои прежние взгляды на людей. Я был удивлен, как никогда в жизни.

Софья Павловна, думая о своем, сказала Гасилину:

— Я сама удивилась, что выш сын стал отличником. Вот уж я не ожидала от него этого. А скажите, что произошло с ним?

Гасилин ответил с хорошим волнением:

— Так ведь я теперь, дорогая Софья Павловна, сам ежедневно занимаюсь с ним.

Учительница воскликнула:

— О, как ваши слова подтверждают мои выводы! Я давно заметила, что те дети, за учебой которых хотя бы немного присматривают родители, неизмеримо лучше успевают.

И тут Софья Павловна, с улыбкой взглянув на Гасилина, добавила:

— Вот и впредь ежедневно занимайтесь со своим сыном. И пусть это будет моя страшная месть за ваши опрометчивые мысли и слова.

Тут они оба весело посмеялись и расстались чуть ли не друзьями.

1951 г.

ПЕТР ИВАНЫЧ И ДРУГИЕ

Один инженер-полковник, выйдя в этом году в отставку, решил жениться.

Да, конечно, это был человек не первой молодости. Ему исполнилось шестьдесят лет. Но он отнюдь не выглядел стариком. Это был видный, цветущий мужчина, пожалуй, даже красивый, если дородность и полноту считать красотой.

При этом отличная пенсия и некоторое накопление на сберегательной книжке создавали ему выгодное положение среди потрепанной армии женихов, генералитет которой почти в полном составе своевременно сдался противнику, коварно обряженному в шелк и меха.

Наш инженер-полковник по роду своей профессии всю жизнь переезжал из города в город, нигде долго не засиживался и по этой причине избежал генеральской участи — не женился, не обзавелся семьей.

По той же причине у него не оказалось обширного круга знакомых, когда он вышел в отставку и обосновался оседло.

Это последнее обстоятельство усложнило намерение нашего жениха. Однако он вскоре нашел бескорыстных помощниц в лице нескольких пожилых женщин того дома, где он изволил проживать. Эти пожилые дамы стали ему горячо содействовать в его матримониальных намерениях.

Следует отметить, что во все исторические времена женщины почему-то всегда принимали самое пылкое участие, когда возникала возможность кого-либо поженить или сосватать.

Такая извечная солидарность как-то трогает и поражает. Хотелось бы найти объяснение этому факту. Однако ни в социальных, ни в естественных науках мы, увы, не находим ответа на этот вопрос. Остается предположить, что такая особенность происходит в силу благородных движений женской души, склонной к романтизму.

Так или иначе, намерение нашего жениха нашло живейший отклик среди проживающих в доме. Особую же активность проявила его соседка Анна Игнатьевна, которая, как говорится, совершенно зашлась от своего стремления поженить отставного полковника.

Она подыскала несколько сравнительно молодых женщин, желающих выйти замуж. И только не знала, как с ними подойти к жениху. Он был суров, непреклонен и, главное,

начисто отвергал самый принцип сватовства.

Анна Игнатьевна предложила ему устроить вечеринку, на которую она намеревалась пригласить своих кандидаток, но тот решительно отклонил этот проект. Он открыто и прямо сказал ей:

— Такая вечеринка мне напоминает смотрины. Это что-то вроде сватовства недоброго старого времени. Нет, нет, уважаемая Анна Игнатьевна, избавьте меня от столь откровенных действий, какие были подвергнуты уничтожающей критике в нашей классической литературе.

На это соседка возразила ему с неудовольствием:

— Так ведь, как же, батюшка Петр Иваныч, обойтись без сватовства с таком деле? Будь вы помоложе или посещай вы, допустим, танцевальные вечера, на которых вы появлялись бы со сберкнижкой в руках,— тогда иное дело. Но ведь вы, кроме как в лавку, никуда не выходите. Как же мне с вами поступить?

Петр Иваныч строго ответил ей:

— Да, я признаю, что положение у меня затруднительное. Тем не менее я считаю, что сватовство как таковое унижает меня своим мещанским прошлым. Нет, нет, Анна Игнатьевна, пусть лучше я останусь холостым, но я не возобновлю то, что в свое время было беспощадно осмеяно Островским, Пушкиным и другими!

Подобный афронт, со ссылкой на классическую литературу, смутил бы любую женщину. Но не такова была Анна Игнатьевна. Не слишком-то считаясь с художественной литературой, она побежала за советом к одной своей приятельнице, и та сказала ей:

— Вполне понимаю чувства инженер-полковника. Конечно, факт сватовства может шокировать культурного человека. И тут нужно идти вровень с его высокими потребностями. Недавно мы устроили одну пару через театр. Купили билеты. Один дали ей, другой — ему. Там в театре, сидя рядом, они познакомились и в дальнейшем поженились. И теперь безмерно счастливы.

Анна Игнатьевна поспешила сообщить жениху о таком проекте. Тот сначала был ошеломлен новизной дела и долго обдумывал. Но потом одобрил идею. Сказал соседке:

— Да, такая культурная встреча в театре удовлетворяет меня. Однако я ставлю одно условие. Я познакомлюсь с пришедшей в театр в том случае, если она мне понравится. Пусть и она так же поступит. И тогда мы с ней морально будем квиты.

Тут Петр Иванович без лишних слов и причитаний выдал соседке некоторую сумму на билеты в театр. И попросил ее поторопиться с этим, тем более что он в прошлом был большой театрал и теперь горел желанием возобновить эту страсть в новом ее качестве.

Анна Игнатьевна уже давно наметила главную кандидатку, некую Ольгу Федоровну. Это была славная скромная женщина, рентгенолог по профессии. Еще до войны она разошлась с одним юристом, который жутко пил. И вот теперь, будучи тридцатидевятилетней женщиной, она искренне страдала, что одинока и ей даже не с кем поговорить по возвращению с работы.

Однако предложение Анны Игнатьевны необычайно смутило ее. Сначала она даже замахала руками, находя неловким появиться в театре с подобным намерением. Но потом она весело рассмеялась и даже нашла забавным такое театральное приключение, которое ни к чему ее не обязывало.

В общем, вскоре билеты были куплены и торжественно вручены порознь каждому.

Наступил знаменательный вечер. Ольга Федоровна, тщательно наряжаясь, запоздала к началу спектакля и села на свое место, когда занавес был уже поднят.

На сцене шла пьеса из современной жизни, но Ольга Федоровна не следила за игрой артистов. Сначала она просто не поднимала глаз от волнения, а потом стала искоса посматривать на своего соседа.

Он показался ей славным, симпатичным. Но ее удивило, что он мало обращает внимания на нее. И тут она с горечью поняла, что не нравится ему. Взглянув на нее, он стал хмуриться, покашливать и даже украдкой зевнул.

Женское самолюбие Ольги Федоровны было уязвлено более, чем когда-либо. Однако, чтобы не ошибиться, она стала внимательней следить за своим соседом. Но нет, сомнений не оставалось — он был недоволен, раздражен и, видимо, сожалел, что пришел на это свидание. Он уже откровенно зевал, даже не прикрывая рот рукой.

Потрясенная обидой, Ольга Федоровна выбежала из театра, еле дождавшись конца акта.

Что касается Петра Иваныча, то по окончании спектакля он вернулся домой мрачнее тучи. На все вопросы соседки он отмалчивался или же бубнил непонятное. Он был до крайности оскорблен тем, что его дама сбежала, показав тем самым более чем отрицательное отношение

к нему. Вот это обидное обстоятельство и замкнуло рот Петра Иваныча.

Анна Игнатьевна долго не могла добиться, что с ним. И только на другой день, беседуя то с Петром Иванычем, то с Ольгой Федоровной, она выяснила истинную картину происшествия.

Оказалось, что все недовольство и даже позевывание Петра Иваныча относилось отнюдь не к даме, а к неудачной и скучной пьесе, которая шла на сцене. И что, напротив, того, Ольга Федоровна до чрезвычайности ему понравилась. Он собирался поговорить с ней в антракте, но она покинула зал.

С тихим стоном Анна Игнатьевна перебегала от Петра Иваныча к Ольге Федоровне, надеясь примирить их. Ее старания, вероятно, увенчались бы успехом, но Ольга Федоровна, имея путевку в дом отдыха, готовилась к отъезду на Кавказ. И поэтому примирение было перенесено ко дням ее возвращения.

Однако на Кавказе Ольга Федоровна повстречала одного своего знакомого моряка и по возвращении вышла за него замуж.

Петр Иваныч чрезвычайно сокрушался, что потерял ее, и дал себе слово не посещать театров, в которых идут неудачные современные пьесы.

Он и в самом деле не ходит теперь в театры. Но недавно он все-таки женился. Причем женился на своей соседке Анне Игнатьевне. Это был для всех неожиданный брак.

Вот видите, какие бывают удивительные повороты в жизни из-за отстающих профессий.

Министерству культуры следует еще и еще раз обратить внимание на подобные факты, ломающие человеческие судьбы.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АНЕКДОТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сейчас многие жалуются на литераторов. И, дескать, они сухо пишут. И берут мелкие, мизерные темы для своих пухлых сочинений. Либо, напротив того, лакируют действительность — неизвестно с какой стати.

Немало нареканий имеется также на однообразие языка и на полное отсутствие игривости в изложении.

Да, конечно, эти нарекания, между нами говоря, частично справедливы. Однако, надо прямо сказать, что свои дефекты писатели, как говорится, не из пальца высосали. Следовало бы учесть все те сложности нашей профессии, какие нередко приводят авторов к вышеуказанным горестным результатам.

Тут мы записали некоторые моменты литературных будней. Эти сценки с натуры наглядно показывают, сколь непростое занятие — литература. В особенности для тех, кто почему-либо еще не полностью освоил это производство, равное по вредности, быть может, только лишь изготовлению цинковых белил.

Вполне понятно, что тут не до игривости стиля.

Эти сценки с натуры мы записали не без некоторой желчи. Но желчь эта, нам думается, извинительна для людей, проработавших в своем цехе такое количество лет, какого не достигает ни одна лошадь даже к концу своего предельного возраста.

1. ПОД ОГНЕМ КРИТИКИ

Недавно одна писательница читала собравшимся литераторам свою новую повесть из колхозной жизни под названием «Раскрасавица весна».

Повесть эта, на мой взгляд, была посредственная, безбожно похожая на десятки уже напечатанных произведений. Однако при обсуждении повести мнения критиков резко разделились. Одни уклончиво хвалили повесть, другие гневно порицали, третьи усматривали в этом сочинении тот новаторский почин, который открывает широкие литературные дали.

Но все же похвал было неизмеримо больше, чем порицаний. И даже один из выступавших, расхвалив повесть до небес, обернулся к писательнице и сказал ей каким-то

елейным церковнославянским тоном:

— Примите низкий поклон, Марья Львовна, от всех тех, коим поистине дороги судьбы нашей письменности.

Зардевшись от этих слов, писательница скромно заявила собравшимся, что такую высокую оценку она не может принять на свой счет, а относит ее к достижениям сельскохозяйственной артели, о которой она писала.

Это заявление писательницы спутало дальнейших ораторов и перекинуло разговор на дела сельхозартели и, в частности ни приусадебные участки, о которых в повести шла речь. По этой причине собравшимся так и не удалось сколько-нибудь суммировать свои разрозненные мнения о повести «Раскрасавица весна».

Такой разнобой в критических суждениях несказанно удивил моего соседа — страстного любителя литературы и, кстати сказать, весьма известного инженера-станкостроителя. Склонившись ко мне, он яростным шепотом спросил:

— Ну знаете ли, если б у нас на производственном совещании случилось бы нечто похожее, то нам пришлось бы к черту свернуть все станкостроение!

— Наше дело несколько сложнее вашего,— ответил я.— В нашем деле — сколько людей, столько и мнений.

— Но это неправильно!— снова яростным шепотом воскликнул инженер.— Критика — это наука, а не вкусовщина. И, стало быть, в вашей корпорации должно восторжествовать единое и справедливое мнение об этой дрянной повести!

— Да, это так,— согласился я.— Но, увы, на практике у нас этого почему-то не получается.

После обсуждения инженер сказал, поглядывая на меня, как на провинившегося школьника:

— Да-с, теперь мне понятно, откуда берутся литературные неувязки. У вас нет должной критики — этой основы всех производств.

И тут, до боли сжав мою руку, инженер воскликнул:

— Нет, я нашел выход! Клянусь вам! Критикой должны заниматься люди авторитетные, умные, с безукоризненным вкусом.

— Вы правы,— согласился я,— но и в этих условиях могут произойти досадные неожиданности.

— Какие неожиданности?— удивился инженер.

— Многие неожиданности, которые будут зависеть от внутренних свойств характера критика...

Так беседуя, мы с инженером направились к выходу.

У дверей мы повстречали писательницу, автора повести «Раскрасавица весна».

Алый румянец волнения уже погас на ее щеках и сменился теперь непомерной бледностью. Поглядывая куда-то вдаль, писательница спросила нас скорее механически, нежели с чувством:

— Ну а как вы нашли мою повесть?

Мне удалось промолчать, а инженер, внутренне заметавшись, негромко сказал:

— Изумительная повесть...

Почти не слушая слов, писательница удалилась. Растерянно поглядывая на меня, инженер пробормотал:

— Иначе неловко было сказать ей прямо в глаза...

Ужасно нахмурившись, инженер добавил к своему бормотанью:

— Черт знает, что такое... Нет, я не мог бы работать в вашем деле... Это трепка нервов...

2. К ВОПРОСУ О ЛАКИРОВКЕ

Как-то осенью я повстречал на улице знакомую девушку Люку Н. Года четыре назад она закончила литературный вуз и вскоре после этого написала сгоряча несколько повестей и рассказов.

Один ее посредственный рассказ был напечатан в журнале, а остальные произведения, как говорится, не увидели света.

И вот теперь, встретившись с Люкой, я спросил, как обстоят ее литературные дела. Она изумленно воскликнула:

— Как? Вы разве не знаете? Еще два года назад я окончательно рассталась с литературой.

— Почему же так?

На этот вопрос Люка бурно и гневно заговорила:

— Нет, в литературе невозможно работать. Редакторы слишком энергично вмешиваются в наше дело — правят, утюжат, лакируют, причесывают всех под одну гребенку. Этим стирается авторская индивидуальность. Любое произведение, побывав в руках редактора, становится лакировкой жизни. Все это превращает литературу в канцелярское занятие.

Я спросил Люку — чем она теперь занята. Она ответила:

— Сейчас я работаю фотокорреспондентом. И откро-

венно скажу — чрезвычайно довольна этой специальностью. Это искусство требует не в меньшей мере и вдохновения и творчества... Кстати, не хотите ли пойти со мной в зоосад — мне там надо заснять нескольких зверюшек.

Мы пошли в зоосад. Там Люка сняла «Лейкой» десятка два хищников. И, сияя от удовольствия, сказала, что эту свою плодотворную работу она хотела бы завершить одним лирическим снимком — катанием ребят на ослике.

На площадке зоосада стояла толпа ожидающих ребят. В небольшую приятную колясочку усаживалось пять-шесть малышей. И серенький обшарпанный ослик нешибко катил эту детвору по круглой дорожке сада. Нам было забавно смотреть на ребят, ошеломленных новизной впечатлений.

Люка долго не снимала ребят, и я терпеливо ждал, когда ее посетит вдохновение. Но когда ослик раз пять-десять тупо и уныло пробежал возле меня, то я почему-то преисполнился к нему сильной ненавистью и, не желая более глядеть на его занятие, стал поторапливать Люку. Я ей сказал:

— Да вот снимите хотя бы эту группу ребят.

На это Люка сказала:

— Нет, нет, эта группа ребят решительно не годится. Я хочу, чтобы в группе была какая-нибудь особенная девочка — такая, знаете ли, как куколка — в шелковом плиссированном платьице, в завитых кудряшках и с огромным бантом на боку.

— Люка,— осторожно спросил я,— вам редактор велел заснять такую девочку?

— Нет,— ответила Люка.— Но мне самой кажется, что это украсило бы мой снимок.

— Но ведь такие девочки в искусственных завитушках не так уж характерны для нашей улицы,— заметил я.— Зачем же так долго ожидать того, что редко бывает?

На это Люка ответила:

— Да, но зато мой снимок будет яркий, праздничный, приятный для глаз.

Осел еще раз сорок прокатил свою тележку возле нас, но Люка все еще не сделала снимка. Наконец, на мое счастье, на дорожке сада появился какой-то франтоватый малыш с мамашей. Этот малыш был одет необыкновенно — в модном пиджаке и длинных брючках. В руке он держал небольшую тросточку.

Сначала мне показалось, что это идет лилипут, но потом выяснилось, что это шествует обыкновенный ребенок лет пяти, одетый родителями столь претенциозно. Во всяком случае, без смеха нельзя было глядеть на этого маленького пижончика.

Люка подбежала к матери этого малыша и стала ее упрашивать, чтобы она на минуту посадила в коляску своего ребенка. Однако мамаша категорически отказалась от этого. Она сказала:

— Нет, мой Вадик подвержен ангине, и я не разрешаю ему быть среди ребят. Он может заразиться.

Тогда Люка дважды засняла малыша на дорожке сада и, подойдя ко мне, сказала:

— Я вмонтирую этого парнишку в общую группу. Вернее, я поставлю его возле ослика. И это еще более украсит снимок.

Минут через пять мы расстались с Люкой. И когда она удалилась, я подумал: «Это хорошо, что она ушла из литературы».

3. РАССКАЗ НАЧИНАЮЩЕГО ПИСАТЕЛЯ

Этой осенью я написал небольшую повесть и отнес ее в одно издательство.

Через месяц зашел за ответом, и, к моему удивлению, секретарша сказала мне:

— Да, ваша повесть принята и будет напечатана. Если хотите, то обождите главного редактора — он через час вернется.

В ожидании редактора я с превеликим волнением стал ходить по коридору. Но тут глаза мои увидели на одной двери белую табличку с надписью: «Бухгалтерия».

Мне захотелось выяснить — сколько мне заплатят за эту принятую вещичку.

Нет, я всем своим сердцем бескорыстно люблю литературу, и тут деньги для меня не играют решающей роли. Однако не стану кривить душой, скажу: денежный вопрос вносит-таки в это дело оживление.

Короче говоря, я зашел в бухгалтерию — выяснить материальную ситуацию.

Бухгалтер, перелистав мою рукопись, сказал, что мне заплатят за эту вещицу около семи тысяч.

Эта значительная сумма ошеломила меня и вызвала прилив творческой энергии. Захотелось еще и еще писать.

И я тут же в коридоре, уткнувшись на диван, стал набрасывать план новой повести.

Но вскоре вернулся главный редактор. Он кратко сказал мне:

— Да, напечатаем вашу вещицу, хотя в ней и чувствуется некоторая незрелость. Но это свойственно начинающим авторам, от которых мы не в праве требовать немедленных достижений.

Взволнованный всем происходящим, я воскликнул:

— О, позвольте мне еще немного поработать над моей повестью! Я хочу довести ее до полного блеска.

Редактор похвалил меня за это намерение и дал месячный срок для завершения правки.

С этого дня я весь месяц просидел над моей повестью. Однако, не надеясь на свои силы, я привлек к делу одного престарелого литератора, проживающего в нашем доме. Этот старый писатель почему-то даже прослезился, узнав о моем желании довести повесть до полного технического совершенства. Сквозь свои слезы старик торжественно изрек:

— Ах, молодой человек, за все шестьдесят лет моей литературной деятельности я и сам не более двух раз сподобился отшлифовать мои рукописи! Труд этот, поверьте, не дает утешения сердцу и нередко вызывает слезы. Но поскольку эта повесть не моя, то я еще раз охотно окунусь с вами в священные воды искусства.

И тут старик, схватив карандаш, стал безжалостно вычеркивать из моей повести ряд сцен, множество диалогов и повторов, которые, как он сказал, затемняют дело.

Эту исправленную рукопись я снова отнес в издательство. И главный редактор, ознакомившись с ней, воскликнул:

— Вот теперь ваша повесть в отличнейшем виде!

Через неделю я зашел в бухгалтерию за получением гонорара. И тут, к моему изумлению, увидел, что мне выписано за всю повесть около трех тысяч вместо семи.

Бухгалтер, защищаясь от моих нападок, сказал с усмешкой:

— Я то при чем? Вероятно, вы позволили себе некоторую роскошь — сократили повесть. Вот и пеняйте теперь на самого себя.

Я сбегал к главному редактору, но тот сказал:

— Да, конечно, не возражаю, ваша повесть неизмеримо улучшилась после вашей доработки. Но вот это и отразилось на вашем гонораре.

Вечером, вернувшись домой, я долго не мог заснуть. Ходил по комнате из угла в угол и решал мучительный вопрос — как мне в дальнейшем поступить с моими будущими рукописями — оставлять ли их в том пухлом виде, в каком они вылились из-под пера, или же все-таки сокращать их.

Жена, засыпая, сказала:

— Ай, поступай как хочешь! Но только, по-моему, глупо выкидывать деньги из своего кармана.

Под утро я все-таки решил сокращать мои произведения, но сокращать в умеренной степени. При этом подумал, что если б в древние времена за стихи платили по строчкам, то гекзаметра, скорее всего, не возникло бы.

Вспомнилось из «Одиссеи» Гомера:

Чудесной и сказочной повестью ты нас, мой гость, позабавил.

Нет ничего неприличного в ней, и на пользу рассказ твой будет.

Нет, не возникли бы столь пышные строчки, если б бухгалтерия древнего мира вмешивалась в это дело.

4. ГРУБАЯ ОШИБКА

Недавно я рецензировал для издательства одну рукопись — роман незнакомого мне литератора.

Роман был построен чрезвычайно неумело, но некоторые его страницы говорили о несомненном даровании автора.

Я встретился с автором. Оказалось, что это уже немолодой человек и поэтому я почел нужным без всяких снисхождений сказать ему об его недостатках для того, чтобы он не повторил их в своих дальнейших начинаниях. Я прямо сказал:

— Вы записали в вашем романе истории жизни сорока человек. Каждая история в отдельности любопытна. Но эти истории, сложенные вместе, создали в романе хаос. Еще хорошо, что вы взяли сравнительно небольшое учреждение, где всего сорок человек, а не двести. Получилось бы совсем невыносимо.

Автор хмуро сказал:

— Я придерживался жизненной правды, записал то, что видел.

Мне неловко было говорить учительским тоном с этим немолодым человеком, но я все же сказал:

— Правда жизни в нашем деле достигается иным путем — более точными границами. И из всего учреждения вам следовало бы взять пять или шесть человек, тесно связанных между собой.

— А остальных куда же девать?

— На остальных можно было бы не обратить внимания или же отодвинуть их на задний план — сказать о них кратко, мимоходом.

— Ах, вот как надо писать...— пробормотал автор.

— Да, именно так надо писать,— подтвердил я.— И вам, как начинающему автору, следует покрепче запомнить это правило.

Еще больше нахмурившись, автор надменно сказал мне:

— Да, но позвольте, какой же я начинающий! Я уже двадцать лет работаю. У меня три книги, две пьесы и четыре киносценария...

Чрезвычайно сконфуженный этой моей ошибкой, я забормотал:

— Ах, вот как у вас... Простите... Я не знал... Меня никто не предупредил об этом...

Да, удивительно сложное дело — литература. В особенности она сложна в сравнении с другими, как говорится, смежными профессиями.

Одно несомненно: написать роман — это не штаны сшить. А впрочем не всякий портной и штаны сошьет, если он столкнется в своем производстве с такими парадоксами, какие мы тут отметили, в этом фельетоне.

1953 г.

Из книги «ПИСЬМА К ПИСАТЕЛЮ»

КОМБИНАЦИЯ

Это довольно смелое письмо я получил в 26 году. Письмо я печатаю полностью.

Что же касается рассказов, то печатать их невозможно. Во-первых, они скучноваты, во-вторых, возможно что, рассказы кому-нибудь известны, а по этой причине станет известно и имя автора. А я бы не хотел моих здешних горемычных друзей конфузить перед их знакомыми.

Письмо такое:

20/10—26 г.

Товарищ Зощенко!

Я обращаюсь к вам с большой просьбой. Дело в том, что я военный моряк Черноморского флота и в минуты досуга царапаю стихотворения и рассказы.

Я сам Москвич. Не так давно я был в Москве и заходил в ВАПП, где меня приняли очень радушно, взяли мои труды и до сих пор ничего оттуда не слышу, несмотря на то, что обещали дать мне свой отзыв.

Чувствуя, что как раньше, так и сейчас очень трудно завоевать себе место в литературном мире, я посылаю Вам один и другой из своих рассказов и прошу Вас сообщить мне, заслуживает ли мое творчество внимания и есть ли у меня способности.

В случае благоприятного заключения, чувствуя, что мне самому не выбраться на дорогу, я прошу Вас протолкнуть его либо, или же в крайнем случае самим к у п и т ь у меня или рассказ целиком или тему его.

Я очень нуждаюсь в монете, и если вы мне поможете, то буду крайне благодарен Вам, так как знаю, что с Вашей подписью этот рассказ появится в печати. В дальнейшем, если эта комбинация подойдет Вам, я вышлю Вам остальные свои вещи, которых у меня довольно много.

Короче говоря, я Вам рассказы или темы их, Вы разрабатываете их — Ваша подпись, а мне часть гонорара.

Известность и имя мне не нужны — нужны только деньги.

Прошу Вас сообщить мне ответ по адресу: гор. Севастополь... Надеюсь, Вы меня поймете и поможете мне.

С морским приветом...

На это письмо я ответил довольно резко. Я написал, что литература — не парусина и не мармелад и нельзя так ею торговать и что я, несмотря на заманчивое предложение, решительно отказываюсь от подобной комбинации.

Это не помешало автору через полгода снова обратиться ко мне примерно с такой же просьбой.

И возможно, что в настоящее время человек, в силу своего энергичного характера, уже выбился в люди.

ДРАМА НА ВОЛГЕ

Осенью 1926 года я получил странное и непонятное письмо. Я прочел его два раза подряд и ничего не понял.

И только читая в третий раз, я стал более или менее понимать все события, которые развернулись на Волге.

Какой-то жуликоватый человек, какой-то проходимец, неизвестно из каких соображений, выдал себя за Зощенко и в таком положении «прокатился» по Волге, срывая славу и светские удовольствия.

Этот человек имел, судя по письму, некоторый успех и среди женщин.

Вот письмо от одной из его героинь.

Добрый день, Михаил Зощенко!

Шлю Вам свой искренний привет.

Вчера, разбирая хлам в ящиках письменного стола, я натолкнулась на открытки с видами тех мест, где мне пришлось побывать за время моего учительства.

Виды волжского побережья и Жигулевские горы навеяли на меня воспоминания и вот результат — письмо к Вам.

Дорогой Михаил Зощенко, мне так бесконечно жаль, что пришлось встретиться с Вами в такой пошлой обстановке. Именно из-за этого я не могла быть с Вами такой, как мне этого хотелось. Я боялась, что Вы примете меня за искательницу приключений.

Кроме того, на меня подействовали слова профессора, что мое «дурное поведение» может отразиться нежелательным образом и на Вас, таком известном писателе.

Поэтому уйти из их общества я решила еще в Вашей каюте.

Этим и объясняется, что я под конец стала холодней к вам относиться, но я решила, что так лучше будет для всех.

Разбирая открытки с видами Волги, я снова вспомнила Вас, я снова мысленно рисую Ваше лицо, Ваши умные глаза, полные грусти и затаенного смеха. Дорогой Михаил Зощенко, простите меня за эти строки. Я должна Вам сказать — у меня мало было хорошего в жизни. Главное — чем больше я сталкиваюсь с людьми, тем больше и больше я разочаровываюсь в них.

Но вместе с тем мне их становится как-то жалко. Я отыскиваю всякие причины, экономические, социальные

и др., которые могут их оправдать, и пришла к выводу, если принять во внимание совокупность всех причин, то все люди должны получить оправдательный приговор. Нет плохих людей на земле. Всякие действия их оправдываются.

Но почему же, в таком случае, есть какое-то мерило хороших и плохих людей.

Я рассуждаю об этом и снова запутываюсь в неразберихе происходящего.

Много времени я трачу на чтение литературных произведений. Жаль, что не могу до сих пор прочесть Ваши «Сентиментальные повести». В нашей жалкой библиотеке их еще нет, заметку же о них я прочла.

Мне кажется, там верно подмечено Ваше разочарование, Ваш пессимизм. Я, говоря с Вами, подметила это. В тоне Ваших слов сквозило какое-то равнодушие к своей жизни, какое-то разочарование в ней, да и Ваши ежедневные попойки, эти 8—9 рюмочек, я думаю, сами говорят за себя.

Мне бы очень хотелось знать, какой из своих рассказов Вы считаете самым удачным. Жалею, что не пришлось слышать чтение Ваших рассказов в Вашем исполнении. Вы так отказывались. И я понимаю, что Вам не хотелось забавлять этих веселящихся людей.

Кажется, я наговорила много лишнего. Простите. Ставлю точку. А если Вы вспомните хоть немного обо мне, о Волге и нашей встрече, то напишите. Я буду бесконечно рада.

Жму крепко Вашу руку.

Мой адрес...

Я хотел было сначала оставить бедную разочарованную женщину в неведении, но потом обозлился на своего развязного и счастливого двойника. А главное — мне захотелось узнать все подробности.

Я написал ей письмо, приложил свою фотографическую карточку и попросил поподробней описать замечательную встречу.

Вот что мне ответила доверчивая женщина.

4/2—27 г.

Следуя Вашему совету «быть более осторожной», боюсь начать письмо с пожелания доброго дня М. М. Зощенко, так как не уверена, к кому именно обращаюсь. Ваше письмо с фотографией я получила. Хохотала много над своим глупым положением, в которое я попала благодаря тому, что в общежитии не принято требовать документы, удосто-

веряющие личность человека, с которым приходится знакомиться.

Фотография и оригинал мне знакомого Зощенко, конечно, различны между собой. По Вашей просьбе приступаю к описанию времени, места и обстоятельств знакомства с злополучным «Зощенко». Приступаю.

Из Нижнего в обратный рейс до Сталинграда я с другой учительницей из нашего города, мало знакомой мне, выехала приблизительно, точно не помню, 15 июля на пароходе «Дзержинский». Во время обеда в салоне мы познакомились с профессором К... и его женой (мнимыми или настоящими?). Профессор, по его словам, читает в ...вском университете судебную медицину, гигиену, а в педвузе основные методы психологии. Жена — очень яркая, интересная блондинка лет 28, бросающаяся в глаза. Милые, славные люди показались нам.

Каюты наши оказались по соседству, и мы быстро сдружились. На палубе к профессорше подсели два каких-то «типа», познакомились. Один из них понравился ей, другой моей попутчице. Я же в то время была не с ними. Подъезжали к Самарской Луке. Жигулевские горы должны были проезжать в три часа ночи. Хотелось не проспать. В салоне вечером сорганизовали целый концерт. Там были и мы с профессоршей и один из «типов» Иван Васильевич Васильев, работающий в издательстве «Прибой»,— как он отрекомендовал себя. Чтобы прогнать сон, Васильев предложил выпить в его каюте по кружке пива. Было около 10 часов вечера. Я вообще терпеть не могу никаких напитков, но против того, чтобы посидеть в компании таких «симпатичных» людей, не имела ничего против.

В каюте мы уселись и начали пить пиво. Каюта была трехместная. Стук в дверь. Вошли два — один из «типов», другой — выдававший себя за Зощенко. Моим соседом оказался Зощенко. Это был субъект высокого роста, мускулистый, загорелый, здоровый, с рыжеватой волнистой шевелюрой и серо-голубыми глазами, в которых светился ум и по временам искрился затаенный смех[1]. Одет он был в чесучовую рубашку, вобранную в брюки, с расстегнутым воротом и засученными рукавами. Говорили кой о чем. Заказали «типы» ужин. Выпить первую рюмку предложили на брудершафт каждому со своей дамой. Меня покоробило

---

[1] Я невысокого роста. У меня черные волосы. Английская прическа. *М. З.*

такое быстрое сближение. Я запротестовала. Остальные пары быстро пошли к сближению. Поцелуи, объятия. На моем лице ужас и отвращение.

Вам, может быть, это тоже покажется смешным, как и им, но я была жестоко разочарована — такое быстрое сближение 15 минут тому назад познакомившихся людей на меня произвело отвратительное впечатление. Надо мной начали смеяться, объяснять мое негодование мещанством и провинциализмом. Мой сосед вел себя по отношению ко мне довольно корректно, повторяя, что он не циник и понял меня. Я почувствовала, что я мешаю моим «плохим» поведением, как выразилась одна из наших спутниц, им разойтись как следует. И тогда я ушла.

Попозже «Зощенко» встретил меня на палубе и завел разговор о себе, о своей жизни, работе и поездке в Германию. Я узнала, что он партиец с 1918 года, работал до войны на Сормовском заводе (так, по крайней мере, он говорил), затем ушел на войну, потом с 1917 года начал писать. Зарабатывает в месяц 225 рублей, 100 проживает, а остальное — на приобретение книг для своей библиотеки, которая состоит из книг русских и иностранных писателей; его снова посылают в Германию учиться и совершенствоваться в стиле. Вообще его поведение все время по отношению ко мне было безукоризненно. Вообще он очень редко показывался на палубе днем, объясняя, что он едет инкогнито[1]. Он уходил в четвертый класс собирать материал, всегда был выпивши и всем раздавал мелкие книжки с рассказами Зощенко на память, вечерами сидел на носу и задумчиво глядел вдаль[2].

Вот и все. Писала откровенно, ничего не прикрашивая. Простите, что мое первое письмо было послано не по адресу, но, как видите, я здесь совершенно ни при чем.

Между первым и вторым письмом есть, конечно, существенные противоречия. Но это весьма понятно.

Автор письма, несомненно, хотел сгладить какие-то углы. И хотел, видимо, рассеять мои сомнения о любовном приключении.

Но я на это не имею претензий.

Я допускаю, конечно, что мой двойник не слишком постарался использовать свою вывеску. Тем не менее я не

---

[1] Ах, сукин сын!
[2] Еще бы!

верю в его сплошную корректность. Не такой это человек, чтобы он только «сидел на носу и задумчиво глядел вдаль».

А впрочем черт его знает!

Во всяком случае я рад, если этот развязный гражданин не причинил кому-нибудь из пассажиров серьезного вреда.

ПРИГОДИЛОСЬ

Обычно думают, что я искажаю «прекрасный русский язык», что я ради смеха беру слова не в том значении, какое им отпущено жизнью, что я нарочно пишу ломаным языком для того, чтобы посмешить почтеннейшую публику.

Это неверно. Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица.

Я сделал это (в маленьких рассказах) не ради курьезов и не для того, чтобы точнее копировать нашу жизнь. Я сделал это для того, чтобы заполнить хотя бы временно тот колоссальный разрыв, который произошел между литературой и улицей.

Я говорю — временно, так как я и в самом деле пишу так временно и пародийно.

А уж дело других (пролетарских) писателей в дальнейшем приблизить литературу к читателям, сделать ее удобочитаемой и понятной массам.

И как бы судьба нашей страны ни обернулась, все равно поправка на легкий «народный» язык уже будет. Уже никогда не будут писать и говорить тем невыносимым суконным интеллигентским языком, на котором многие еще пишут, вернее дописывают. Дописывают так, как будто бы в стране ничего не случилось. Пишут так, как Леонид Андреев. Вот писатель, которого абсолютно нестерпимо сейчас читать.

А как говорит и думает улица, я, пожалуй, не ошибся. Это видно из моей книги, из этих писем, которые я ежедневно получаю.

Вот любопытное письмо. Оно написано как будто бы я его писал. Оно несомненно написано «моим героем».

Я получил это письмо по почте от неизвестного человека.

Дорогой Зощенко!

Мне случайно попалось в руки «любовное» письмо, которое получила одна моя знакомая.

Не пригодится ли оно Вам? Оно очень напоминает Ваш стиль и Ваших героев.

С приветом К. Л.

18 окт. 28 г.

Уважаемая гражданка, зачитайте это письмо и примите от заинтересованного вами это подношение. Не побрезгуйте, не погнушайтесь.

Желательно с вами познакомиться всерьез. Не покажется это вам за предмет любопытства, а желательно с целью сердечной, потому что с каких пор вас увидел, то сгораю любовью.

Замечательный ваш талант, а пуще всего игривость забрали меня за живое и как слышал, что вы лицо, причастное к медицине, то понять должны, что кровь во мне играет и весь я не в себе.

Если вам не противно, то буду ждать Вас у входа в буфет.

В военном обмундировании, росту как обыкновенно, собою видный, волосом русый, а на груди пять всесоюзных значков.

Остаюсь в ожидании

С. С.

Имя скажу при свидании.

Так называемый «народный» язык стоит того, чтоб к нему приглядеться.

Какие прекрасные замечательные слова: «Зачитайте письмо». Не прочитайте, а зачитайте. То есть «пробегите, просмотрите». Как уличный торговец яблоками говорит: «Вы закушайте этот товар». Не кушайте (т. е. целиком), не откусите (т. е. кусочек), а именно закушайте, то есть запробуйте, откусите только раз, сколько нужно для того, чтобы почувствовать прелестные качества товара.

Язык стоит того, чтобы его изучать!

ЧЕЛОВЕК НА УЛИЦЕ

В ноябре 30 г. я получил удивительное письмо от незнакомой молодой женщины.

Как выяснилось, эта женщина три года назад приехала из провинции в Ленинград. Ей не повезло. Вместо ожидаемой прекрасной жизни она столкнулась с большой нуждой. Она не сумела найти ничего хорошего. Она не нашла себе даже пристанища.

3 года она проходила по улицам, ночуя то у знакомых, то в каком-нибудь учреждении, то просто у случайных встречных.

Повсюду куда она приходила в поисках работы или ночлега — у нее требовали союзную книжку, паспорт, удостоверение, путевку карточку с Биржи труда и т. д.

Впоследствии, когда я встретился с этой женщиной, выяснилось, что, кроме метрик, у нее ничего не было. У нее не было даже хлебной карточки.

Женщина сконфуженно говорила об этом, утверждая, что ей просто непонятно, откуда все это берется.

Оказывается, не всем дано канцелярское умение управлять своей жизнью. И не все люди умеют набивать свои карманы удостоверениями. Такие люди прежестоко бывают наказаны. Но вот это письмо:

Михаилу Зощенко.

Вас никогда не приводила в холодное бешенство лампа на чужом столе...

Вам не приходилось ночами бродить по черным скользким камням и заглядывать в теплые пятна чужих окон, куда страшно хочется швырнуть камнем... У меня — 19 лет и желтый чемоданчик. На плечах что-то невесомое на шелковой подкладке. В голове — муть и иногда страх. Я одна насквозь. Приближение каждого вечера встречаю с болезненной гримасой: куда идти ночевать. И каждый новый рассвет жмет виски холодом неизбежности наступающего дня. Вот такое состояние с небольшими передышками (время от времени выхожу замуж или приезжаю недельки на две домой) — и продолжается уже три года. Вместо того, чтобы к этому привыкнуть — я чувствую, что начинаю медленно сходить с ума. Как на салазках с невысокой горы. Людей люблю. Очень. Но их жизнь ненавижу. Их чужие уютные жизни. Даже жизнь моего дома, моих родителей — для меня чужая. Я к ней никак не могу присосаться. Я там могу только отдыхать. И то недолго, после того, как меня побьет, пошвыряет и выпьет очередное полчище дураков и негодяев.

На этот раз я здорово устала, но на этот раз я не могу даже вернуться домой.

Отец сейчас в провинции преподавателем. Его тоже побило и швырнуло здорово, хоть в другом плане чем меня. Ему живется туго и холодно.

Родители обо мне заботиться отвыкли, да и не могут. А я — здесь.

Ношу свои 19 лет и свой желтый чемоданчик.

Пробовала работать. Сняли. Я ничего не умею делать.

На Биржу не иду: предубеждение против этой, кишащей людьми громадины; не люблю затериваться.

Пишу стихи.

Ну их к черту. Ахматова под есенинским соусом.

Это все не то.

Знаете ли Вы холодный привкус одиночества на губах, зацелованных всеми. Приходилось ли Вам говорить с милыми людьми, улыбаясь им, и думать в это время о том, что вот они уйдут в свои теплые повседневные жизни, а Вы останетесь с Вашей никем не тронутой заброшенностью на бульварной скамейке, с девятью копейками в кармане, с тяжелой головной болью и страхом.

Ах, эти чужие квартиры! Эта чужая домовитость чужими ногами зашарканных половичков.

Ведь я бываю везде. Меня берут ночевать и гладко причесанные семьи, и взъерошенные холостяки со своими табачными ласками, и одинокие женщины с тихими чайничками по утрам... Я ко всем иду. Я ставлю свой чемоданчик у дверей, сажусь в глубокие кресла, или на шаткие стулья, или просто на подоконник и смотрю.

Как в кинематографе все и всё.

Иногда зубами вцепишься в платочек, который очень хочется смочить неидущими из широко открытых глаз слезами.

Хочется иногда броситься к кому-нибудь, крепко обхватить руками, прижаться и долго, сбивчиво, горячо — умолять о том, чтобы взяли меня, сделали своей, своей совсем, дали бы мне что-нибудь больше липких, мокрых поцелуев (со стороны мужчин) и тихих улыбочек, приправленных сытым сочувствием (со стороны женщин).

Но во мне — слишком мало крови для каких бы то ни было порывов.

Я — только усмехаюсь и чувствую, что мои глаза все глубже обводятся синими и немножко влажными кругами.

Что мне нужно от вас.

Дайте мне возможность писать. Я хочу быть журналисткой, рецензенткой... Не знаю. У меня хватит наблюдательности, чувства слова и восприятия — на всё.

В общем мне кажется, я очень хочу поговорить с Вами.

Смотрите на меня как на душевнобольную, которая ходит, бродит, ласкается, наблюдает, мучается, носит на плечах неплохую башку, способную неплохо варить и — ничего не делает для того, чтобы затормозить медленную ползучесть вниз.

Моя психика до того безобразно выросла и распухла, что я теряюсь.

Мне нужен кто-нибудь, кто сумеет осторожно и безболезненно сделать из меня что-то нужное. Это — много. Это — немыслимо.

Сознаюсь, зря и пишу это. От вас мне нужно только то, чтобы вы захотели со мной поговорить.

Я Вам позвоню по телефону.

11 ноября 1930 г.

Она позвонила мне по телефону. Мы увиделись. Это была красивая очень молодая женщина. Она говорила каким-то безразличным голосом. Все слова были сказаны ею на одной ноте, без интонации. Это было тяжело слушать.

Я, сколько мог, ободрил ее. Дал немного денег. Посоветовал запастись бумажками, чтобы поискать службу. И, в случае неудачи, посоветовал уехать к отцу, в деревню.

Несколько месяцев она ничего не предпринимала. Какое-то упрямство, а может быть, и безволие оставляли ее в том же положении. Но в феврале этого года она все же уехала к отцу.

Недавно я получил от нее письмо из деревни. Она пишет, что отдыхает в деревне и пока старается не думать о своей будущей жизни. Она никогда не предполагала, что так трудно и сложно жить на свете. Это верно.

ХОРОШИЙ КОНЕЦ

Это любопытное письмо получено из провинции.

17/XII 30 г.

Товарищ Зощенко.

Простите, что беспокою, но нужда, честное слово, крайняя. Я нахожусь сейчас под давлением «великих проблем», а разобраться не с кем. Меня мучит целая уйма вопросов, которые не хватает храбрости разрешить самой и под давлением которых я нахожусь. Именно это заставляет меня спросить у Вас совет. По-моему — человек, описывающий духовные флюсы, должен иметь от них средство. Вот почему я выбрала своей «жертвой» именно Вас. Не знаю, удастся ли мне втиснуть свой «флюс» в более или менее конкретный образ. Во всяком случае постараюсь. Для большей ясности начну с начала: детство я провела на попечении немок, которые, кроме немецкой азбуки, пичкали меня «религиозным дурманом». Годам к девяти я была уже

посвящена во все похождения Иисуса Христа и, в знак любви великой, называла его не иначе, чем Исуся-Христуся. В общем — в детстве у меня было довольно абстрактное понятие об окружающем.

Когда мне было одиннадцать лет, умерла моя мама, материальное наше положение больше чем пошатнулось, и немки улетели в трубу. Тут-то я стала «пролетаризироваться»: дни проводила во дворе, играла с разношерстнейшими ребятами и, конечно, читала Мопассана. Вот. Так отошли в предание бонны и «Исуся Христуся». Годам к 14 я знала наизусть добрую половину Есенина и не меньше Блока.

Позже пришли Маяковский, Асеев, Сельвинский — всех не счесть. О том, можно ли совмещать Блока и Маяковского — я тогда не думала. Это теперь меня смущает то, что я в одинаковой степени увлекаюсь как «Прекрасной дамой», так и Маяковским. Ведь это же разные полюсы — почему же я так. Сейчас мне 17 лет. Я поступила в этом году в Фабзавуч. И тут-то самое главное: если на теории у меня почти никаких расхождений с рабочим классом не было, то на практике оказалось, что ничего общего у меня с этими ребятами нету. (Под рабочим классом я подразумеваю одних рабочих.) Тут мне пришлось столкнуться с казусами, о которых ни Жаров, ни Безыменский не писали. Если даже предположить, что они описывали московские ФЗУ (детскость), то и тогда не думаю, что климат так разительно влияет на нравы. В нашем Ф.З.У. ребята сморкаются под ноги, носят ногтями траур и такие вещи говорят, какие «приличные люди» лишь на стенах уборных пишут. Когда начинается урок, то я молю бога (по инерции), чтобы он подольше продолжался, т. к. на переменке я себя совсем потерянной чувствую. И вот мне очень больно — я не привыкла себя чувствовать ижицей затерявшейся. Во-первых, получается, что у меня никогда спайка с рабочей средой не будет, а во-вторых — ведь нам еще 2 года вместе — как же я смогу. Я и так иду на компромисс: если дома говорю — девочки, то в ФЗУ — девчата. Дома, когда ко мне цепляются, говорю — «как не стыдно», а в школе приходится говорить:— «уйди, а то съешь по морде». Иначе не помогает. Возможно, что это просто условности — у каждой среды свой прием изъяснения, во всяком разе мне мой больше нравится. Меня эта иммитация, подделывание под кого-то здорово мучит. Такое впечатление, будто я примазываюсь к ребятам, а уж это — ни за какие коврижки. Или в самом деле соединиться, или удалиться восвояси. Но в том-то и де-

ло, что я не могу решить — кто же подлежит переделке: я или они. Я не говорю, что я святая — у каждой, конечно, стороны есть свои слабости — но стоит ли мне отбросить мои, для того, чтобы подвергнуться, может быть, еще худшим (их слабостям). Не подумайте — интеллигентка в кавычках. Честное слово, что нет. Неужели в том, что между нами оказалась такая бездна виноваты немки и «Исуся Христося». Но ведь я так давно с ними покончила.В общем — я сейчас, как на море. Товарищ Зощенко. Может, Вы мне поясните, как мне искать путь к рабочей аудитории. Или, может быть, совсем уйти из ФЗУ. Правилен ли мой подход к нашим ребятам. Как бы Вы поступили, находясь на моем месте. Я, вот, собираюсь в пролетарские писательницы, а какая же я буду «пролетарская», если же умею, вот, обращаться с нашими ребятами. Ведь они же — будущий пролетариат (и даже теперешний). И потом еще о литературе — почему так ругают конструктивистов. Неужели, если 60 процентов разбирают только печатным шрифтом, то остальные 40% не имеют права писать и читать письменным. Да ведь это скучно. Впрочем, я отклонилась в сторону. На этот вопрос можете, если время строго рассчитано, не отвечать, но на остальные очень Вас прошу — ответьте. Я совсем сбилась и буду Вам крайне признательна, если поможете разобраться. Вот. Еще раз простите за беспокойство. Всего лучшего.

. . . . . .

Я ответил этой растерявшейся девушке, что уходить ей из ФЗУ не следует, что аристократической среды в настоящее время в Союзе не имеется. И что такой уход опасен в том смысле, что это еще более усугубляет разрыв, и тогда наступит полная неудовлетворенность, как и у всякого человека, не имеющего своей среды.

Я написал ей, что если она считает себя в культурном отношении выше той среды, в которой находится, то ее дело не ахать и огорчаться, а наоборот — оказывать влияние на эту среду. Пусть это будут два-три человека, которым она привьет вкус к литературе или, скажем, убедит, что брань попросту унижает человека — это уже будет очень много и это в какой-то мере даст удовлетворение.

Через месяц или два я получил благодарственное письмо. Девушка писала мне, что ее жизнь в этом смысле переменилась. Ее более не тяготят ребята из ФЗУ. Она беседует с ними о литературе и находит в этом чуть ли не свое призвание. Очень хорошо.

САТИРИК-ПУБЛИЦИСТ

ПАМЯТИ ИЛЬФА

1

Искусство советского писателя и поэта должно формировать то, что не сформировано прежней литературой. Это искусство должно построить такой мир и такую речь, которые не то что были бы тождественны с подлинной жизнью, но являлись бы великолепными образцами, к каким следует стремиться.

Нет сомнения, это весьма нелегкое дело. Тут меньше всего нужна лакировка. Тут нужна та поэтическая сила, которая сумела бы сделать «вытяжку» из того, что уже имеется в подлинной жизни.

Вот как я понимаю искусство социалистического реализма.

И если это так, то задача сатирика — сформировать такой отрицательный мир, который был бы осмеян и оттолкнул бы от себя.

Однако задача советского сатирика не только в этом.

Писатель, избравший сатирический жанр, должен обладать еще теми качествами, которые были бы, так сказать, «любезны» народу. И в первую очередь он должен обладать оптимизмом.

Если в прошлом сатирик имел право видеть мир в черных красках, если пессимизм и мизантропия нередко сопровождали его в литературных скитаниях, то сейчас эти качества совершенно непригодны советскому сатирику, писателю, у которого аудитория — народ.

Эти мрачные качества непригодны советскому сатирику хотя бы по одной весьма значительной причине — народу несвойственно такое мировоззрение.

Стало быть, советский писатель, избравший даже сатирический жанр, должен воспринимать жизнь оптимистически, то есть он должен обладать тем мужественным восприятием вещей, при котором преобладают положительные представления.

Вот простенькая формула, без которой не обойтись писателю нашего времени, писателю, который служит народу.

И литератор, не сумевший расстаться с прежним интеллигентским мировоззрением, не сумевший избавиться от

привычного скептического восприятия жизни, непременно будет терпеть поражения.

2

Писатель Ильф — сатирик и публицист — отлично понимал задачу советского писателя, задачу советского сатирика.

Несколько лет назад я встретил Ильфа в Ялте.

В тот год в литературных кругах особенно много дискутировали о сатире. И были случаи, когда люди договаривались до того, что сатира не нужна для советской страны.

Мы заговорили с Ильфом об этом предмете.

Ильф весьма возмущенно и едко говорил «о тупых людях из литературного департамента», которые в пылу дискуссий имеют смелость договариваться до такого абсурда.

Однако мы пришли к мысли, что формула: «сатира должна быть положительной», в сущности, справедлива.

Мы шли с Ильфом по набережной. На море был шторм. Какую-то маленькую рыбачью лодчонку, далеко за молом, швыряло, как скорлупу. Но эта утлая лодочка мужественно боролась с огромными кипящими волнами.

Ильф, показав рукой на эту лодку, неожиданно сказал:

— Писатель, который увидел бы в этой картине катастрофу, аварию,— это не советский писатель. В этой великолепной картине, не закрывая глаза на опасности, надо уметь видеть мужество, победу, берег и отличных, неустрашимых людей.

В этих удивительных словах Ильф с предельной точностью сформулировал задачу писателя, задачу сатирика.

Ум видит опасности и превратности, но воля к победе велика. Цель ясна. И положительные представления преобладают.

Нет сомнения, литератор, пожелавший писать для народа, должен обладать его положительными духовными свойствами — его оптимизмом и его радостным восприятием жизни.

3

Ильф был очень умный и тонкий человек.

Пожалуй, основное свойство его ума — это едкость, язвительность, в чем было иной раз немало горечи и сарказма.

Петрову более свойствен юмор, более свойственны улыбка, смех, мягкая ирония.

Сочетание этих качеств дало удивительный эффект. Это было великолепное сочетание, какое в одном человеке почти несовместимо.

Сарказм и юмор, горечь и веселая улыбка, едкая злость и мягкая ирония — вот что нам дало это превосходное содружество и вот что мы видим в книгах Ильфа и Петрова.

Я чрезвычайно высоко ценю их публицистические работы — фельетоны, статьи, газетные заметки. Но я еще выше оцениваю их роман «12 стульев» и книгу «Одноэтажная Америка».

Роман «12 стульев» — это превосходный образчик комического романа. Веселый, смешной и трогательный, он обладает еще отличными качествами — там есть настоящее знание жизни, и шарж и гротеск только подчеркивают это знание и делают роман в полной мере сатирическим.

Книга «Одноэтажная Америка» — книга исключительной силы.

Тут зрелое мастерство, совершенная форма и отличный язык выдвигают эту книгу в ряд лучших книг советской литературы.

Я читал эту книгу с чувством большой радости. И я, не преувеличивая, скажу — с сожалением перелистывал оставшиеся страницы: мне хотелось, чтобы их было больше.

4

По-моему, задача каждого человека — принести людям возможно больше пользы или возможно больше радости.

Если это так, то мы должны горько оплакивать нашего замечательного писателя и сатирика Ильфа.

Смерть Ильфа — это большая потеря в советской литературе, большая потеря для советского читателя.

Однако отличный юмор и превосходное мастерство Петрова, написавшего больше чем половину глав «Одноэтажной Америки», дают нам полную уверенность в том, что мы будем читать не менее отличные, не менее увлекательные книги друга и соавтора Ильфа.

1938 г.

ВОЙНА

1

До станции Кривые Горки третья рота мигом доехала — экстра. А на станции Кривые Горки слух прошел, дескать, не по правилу едем: положено приказом, кто на фронт — денежки вперед за два месяца. Ладно. Отдай денежки. Фунт хлеба и денежки — урожай не урожай.

А тут еще Федюшка Лохматкин — оптик по всем делам.

— Верно,— говорит,— положено это наивысшим начальством.

А с кого требовать? Начальство все впереди, а полуротный Овчинкин — шляпа и сам не в курсе.

Ладно. Нельзя ехать.

На станцию вышли. Кучками бродят. Торговлишка завязалась кой-какая. Только видят: стоит баба у звонка, веревку держит и очень грустно плачет. Тут же и военный с ружьем на нее наскакивает.

— Прошу,— говорит,— честью, баба отойди от колокола. Убью на месте! Звонить нужно, потому поезд пассажирский...

А баба ему такое:

— Не отойду, кормилец, от колокола. Убей ружьем, Христа ради... Отдай лисью шубу, пять фунтов масла!

А Федюшка уже тут. Народ растолкал ручкой.

— Чего,— говорит,— тут такое приключилось?

Баба слезой давится. Баба очень слезой давится.

— Так и так,— говорит,— отряд заградительный лисью шубу... Зачем, мол, тебе, баба, шуба? Это, дескать, спекуляция.

— Не по правилу это...— сказала толпа.

А тут еще с четвертого взвода — Ерш по фамилии.

— Фу ты,— говорит,— братцы, товарищ Федя, да отдадим бабе шубу!

Тут все заговорили очень.

— Живут,— говорят,— одни великолепной жизнью, а другие погибают в мерзости. А шуба — вещь и стоит немалых денег.

Великий шум поднялся. А на шум — отряд заградительный, двенадцать человек, ружье к ружью.

— Разойдитесь,— кричат,— по мере возможности! Зачем этакое немыслимое скопление?

Слово за слово. Это, дескать, не по правилу, товарищи — шуба, пять фунтов масла.

Иные уже и винтовочки схватили, серьезно затворами щелкают, а Ерш и пулемет с лентами выкатил.

Отряд в двенадцать человек — в цепь и к лесу. Не иначе как окопаются на опушке. Смешно!

А народу все больше да больше. К цейхгаузу товарищи. Дверь ружьишком разбили. Добра там видимо-невидимо!

Баба тут взвизгнула очень тонко:

— Вон она, лисья шуба, пять фунтов масла!

А у самой каждое слово слезой омыто.

— Не по правилу это,— решили люди, осматривая лисью шубу.— Очень это не по правилу.

А тут вдруг Ерш бочонок в темном углу нашел. Рукой он по бочонку похлопывает, а сам такое:

— Фу-ты, братцы, а ведь это же масло.

— Совершеннейшее масло,— сказали люди, выкатывая бочонок из цейхгауза.— Совершеннейшее масло. Одни живут великолепной жизнью, а другие погибают в мерзости.

А Ерш все рукой по бочонку.

— Именно,— говорит,— великолепное масло. И какая может быть война? И какой государственный масштаб?

Тут все закричали сразу:

— Не нужно денег, если так... Без денег поедем, братцы,— экстра...

II

А очень великолепно жить в провинции. В столицах полная нехватка хлеба, а, скажем, в Устюге каждый, даже маломочный, с огорода изрядный достаток имеет. Да и что с огорода!

Председатель исполкома кур разводит, член тройки тоже кур разводит, доктор Гоглазов — кур, а комендант станции кролиководством занят.

Чудак необыкновенный — этот комендант станции. Всегда он на высоте положения. Огороды его уже на версту раскинулись. Кролики у него во множестве плодятся. Мирное ему житье.

Только нынче нехорошая штука с ним вышла. Не удался день. С утра не удался день. С утра свиньи грядку турнепса пожрали. Хорошо, если его свиньи — к жиру, а если, скажем, Ипатовых...

На станцию комендант серьезным пришел. А тут еще барышня с бантом телеграмму сует — дескать, срочно и секретной важности.

Телеграмму прочел комендант — телом затрясся.

«...белогвардейцы и мятежники. Поезд 433... Разоружить. Бочонок масла...»

«Гм! Штука... Свиньи турнепс пожрали... Штука!»

— Алло, исполком... Срочно и секретной важности... Так, мол, и так и, пожалуйста, соответствующие меры...

«Гм! Штука... Мои — так к жиру, но Ипатовы, как пить дать, Ипатовы».

Комендант станции и председатель исполкома на высоте положения. И в полдню на всех заборах листовки наклеены.

Дивятся очень прохожие. Что ж это, граждане? Листок...

На заборе театральная афиша — столичная труппа «Променад». Великолепные знаменитости.

Пониже корявая бумажка, и на ней: «Настоящая персидская оттоманка за полцены, с разрешения жилищной комиссии».

А рядом листок — и крупней крупного:

«Военное положение. Ходить до семи. Жиров полфунта... Белогвардейцы и мятежники...»

Штука! Как же так, граждане? Смешно — до семи. Если, скажем, секретарь исполкома, товарищ Бычков, в девять любовное свидание назначил. Любовная у него интрига с лета-месяца. А он в девять на Урицком мосту. Урицкий мост аж за тюрьму, в конец города. Гм! Смешно — до семи, если доктор Гоглазов... Тьфу ты, бес! А комендант-то, комендант-то как же с огородом?

Гм! Штука.

III

Председатель исполкома Петр Стульба с балкона слова лепит:

— Белогвардейцы и мятежники... Разоружить... Притянуть... Поезд 43... Бочонок масла...

Очень хорошо и длинно говорит председатель исполкома... Лепит — говорит, а сам руку этак вот, за пояс. Для истории. Иные так за борт или, скажем,— смешно даже — в карман, а Петр Стульба — за пояс.

— Позор!— сказал отряд матросов особого назначения и ряды вздвоил.

Котелки за спиной звякнули. Перемигнулись штыки с солнцем.

Напряглись клячонки. Клячонки-то очень напряглись — смотреть жалко. Еще бы — пушка трехдюймовая, пушкино дуло больше лошади.

Пушку эту у вокзала поставили дулом вдаль. Клячонок распрягли — нехай пасутся. А сами — в цепь.

Поезд едва до вокзала дошел — закричали как, задвигались матросы.

— Оружие! Оружие, сукины дети, кладите!

Дивится очень третья рота. Из теплушек лезет.

А впереди Ерш из четвертого взвода вьюном вьется и всех подначивает.

— Не покоримся, братцы! Немыслимо положить оружие. Выкатим, братцы, товарищ Федя, пулемет, да и, пожалуйста, стрельнем, жажахнем по клёшникам!

И стрельнули бы (живут одни великолепной жизнью, а другие погибают в мерзости), да Федюшка тут выступил.

Ручки сложил на желудок, дескать, делегат и нету у него оружия, выступил.

— Совершенно,— говорит,— правое дело, товарищи. Можно ли подобное: лисья шуба, пять фунтов масла...

— Как?— подошли ближе матросы,— лисья шуба и масло?

— Да. Лисья шуба, пять фунтов масла.

— Как?— сказал комендант, высовываясь из окна,— пять фунтов масла?.. Алло, исполком! Срочно и секретной важности...

— Как?— сказал председатель Стульба, вытаскивая руку из-за пояса,— турнепс, пять фунтов масла?

А Федюша — оптик по всем делам — говорит, землю роет. И даст же бог такой словесный дар!

— Шуба,— говорит,— и масло. Можно ли подобное? А революции, мол, все очень даже преданны и даже иностранный капитал идут бить с радостью в сердцах. Бочонок же — будь он проклят!— был грех. Однако государственный масштаб и бочонок масла — смешно.

Тут матросы заговорили.

— Очень,— говорят,— вы великолепно сделали, братишки. Очень даже мы любуемся вами.

А сами-то трех клешников к пушке засылают. Дескать, неловко. Дескать, запрячь клячонок, клячонок-то поскорей запрячь, а пока пушкино дуло в сторону. Уж очень правильное дело — нельзя.

Поговорили еще матросы, звякнули котелками, расправили клеши и — к дому.

А Федюшка гоголем ходит.

Полуротного Овчинкина совсем заслонил.

Прямо-таки забил полуротного Овчинкина.

Овчинкин даже с голосу спал — чай сидит пьет, а Федюшка командует.

— Садись,— кричит,— третья геройская по вагонам! Едем на позицию полячишек бить!

IV

А через три больших станции и с поезда сошли. По целине тут тридцать верст — и позиция.

Кишкой растянулась рота по шоссе. А впереди Овчинкин. Овчинкин компасом покрутит, на карту взглянет и прет без ошибки, что по Невскому.

Вскоре в деревню в большую пришли. На ночь по трое в хату расположились. Федюша и Ерш наилучший дом заняли, а с ними и Илья Ильич — ротная интеллигенция.

А в доме том американка жила. Очень прекрасная из себя. Русская, но в прошлом году из Америки вернулась.

Расположились трое, картошку кушают, а Ерш все свою линию ведет.

— И какая,— говорит,— братцы, товарищ Федя, война? И какой государственный масштаб? В лесок бы теперь, в земляночку. А в земляночке — лежишь, куришь...

Но Федюша не слушает — глазом разговаривает с американкой.

Американка рукой по бедрам, Федюша глазом,— дескать, хороша, точно хороша. Американка плечиком,— дескать, хороша Маша, да не ваша... Федюша глазом соответствует.

И час не прошел, а Федюша уж, как Хедив-паша, с американкой на печи сидят.

Ерш внизу мелким бесом, а сам Илье Ильичу тихонечко:

— Скалозубая. И какой в ней толк? Зубами, гадина, целуется... А уж и сердцегрыз Федюша наш! Но только доведет, достукает его любовь-баба... А тут война. И какая теперь может быть война?.. В земляночку бы теперь... Свобода...

Вот и господин Илья Ильич — интеллигенция ротная, а как бы сказать, совершенно грустный из себя. А отчего грустный? Война. Человеку жить нужно, а тут война. Несоответствие причин.

— Да,— сказал Илья Ильич.— А ведь и точно плохо. А главное, радости никакой. И почему так? Что такое со мной произошло?..

Поднял голову Илья Ильич, смотрит: Федюша с печки вниз спускается.

— Ох,— говорит Федюша,— загрызла меня, братцы, американка. До того загрызла, что и слов нет. Сосет в груди. Остаться нужно. Эх, кабы день-два! Эх, мать честная, все пропадет! Останусь. А ведь останусь, братцы. Будь что будет! Не отступлюсь от ней.

Радуется Ерш, лицо — улыбка.

— Да ну?

— Да. Останусь. Сама американка присоветовала. «Оставайтесь,— говорит,— винтовочки спрячу, вас — в овин до утра, а утром, коли начальство поинтересуется, скажу: ушли».

Ладно.

V

Американка фонарем светила, Федюша рядом под локоток, а Ерш и ротная интеллигенция сзади.

— Здесь,— засов отодвинула американка.— Сюда заходите. И ни боже мой, покуда не позову.

— Ладно.

Очень скверно в лицо пахнуло. А ведь что ж?

По доброй воле. Сели у стенки. Гм! Запах.

А у Ерша счастье на лице.

— Дальше-то что?— улыбается,— дальше-то, братцы, товарищ Федя, что? Ведь и государственный масштаб теперь к черту!.. А дальше-то не иначе как в лес. Дальше-то прямая дорожка в лес. Да только пугаться нечего — прокормимся, как еще прокормимся! А то, скажем, на почтовых... Такой-этакий... с деньгами... сто тысяч... С провизией... и девочка с ним... черная, красивенькая, кудряшечки этакие... Стой-постой! Откуда есть такой? Тут и стукнуть по черепу. И концы в воду. И лодаши себе. И повозку себе...

— Да,— сказал Федюша,— а и шельма же она, братцы! Страсть люблю таких! «И ты,— говорит,— мне очень нравишься, Федюша. Больше жизни. Да только зачем нам жизни свои зря спутывать? Ты голый, соколик, да и у меня по пятьсот две думских да кольцо дареное...»

— Плохо,— вдруг испугался Илья Ильич,— это что ж? Выходит, что в разбойники? Опять несоответствие причин. Гм... Дурак Ерш, а сказал каково хорошо: несоответствие причин! Но как все плохо. Даже если и в Питер сейчас, и то плохо. Здесь в навозе, да и там в навозе, на Малой Охте. На Малой Охте! И почему такое? Мог бы и в городе жить, а

живу, черт знает, на Малой Охте. И ведь непременно у ветеринарного фельдшера Цыганкова. Хе-хе... И пустяки, что жизнь дрянь. Жизнь дрянь, но в гадости-то скорее радость найдешь. В грязи-то и всем хоть немножко, хоть чуть-чуть, да приятно. Чужую грязь мы не любим, а в своей — великое наслаждение. Вот знаю, а все плохо. А плохо-то в себе. Особое, может, неважное пищеварение, что ли... Что ж? В разбойники нужно... Хе-хе... Прямая дорожка.

— Прямая дорожка в лес, братцы, товарищ Федя,— бормотал Ерш, засыпая.— Говорят, объявилась атаманша-разбойница. Геройской жизни. Грабит, поезда останавливает.

«В разбойники,— думал Илья Ильич, закрывая глаза.— И что меня удержит? Россия... Гм... Может, России-то уже нет, да и русских нет. То есть, конечно, есть, да живут ли они? Может быть, все как я, может быть у всех — великое «все равно»...

Под утро заснули трое и видели сны.

VI

Уже и солнце проткнуло все щели в овине, а Ерш спит — раскинулся, лицо — улыбка, сам в золотых полосах, будто зебра.

А Федюша все в щель смотрит. Да только тихо на дворе: куры ходят, вон свинья у самого носа хрюкнула, а больше никого не видать. И что за причина такая?

Ротная интеллигенция тоже в щель — ничего. Ерш проснулся.

— Фу-ты,— говорит,— братцы, а ведь кушать-жрать хочется.

Только видит Федя: старуха на крыльцо мотнулась.

— Тс...— цыкает ей Федя,— ты, чертова старуха! Гм... Притча. Не слышит, чертова бабка, сук ей в нос!

Просидели час. Тихо.

Заспалась, должно быть, Маруся-американочка. Еще час просидели. Федюша начал засов ножом ковырять. Ножом отодвинул засов.

— Сейчас,— говорит,— братцы.

И сам по двору тенью.

Только прибегает обратно — глаза круглые и сам не в себе очень.

— Нету,— говорит,— американки. Ушла чертова Ма-

руська. С полуротным с Овчинкиным вовсе ушла. Сама старуха — сук ей в нос!— призналась. Дескать, полуротный Овчинкин к вечеру вестового засылал, а к ночи и сам в гости пожаловал. Жрали,— говорит,— очень даже много, и все жирное, и спать легли вместе. А утром полуротный из дому, и Маруська с ним. Вовсе ушла чертова Маруська! Что ж теперь? Гроб.

Вышли на двор. Ушла, мать честная, и следов нет.

Посмотрел Федя на солнце, на дорогу посмотрел. И куда ушла? В какую сторону? Без компаса никак нельзя узнать.

— Эх, испортила американка жизнь! Угробила, чертова Маруська! Очень даже грустно сложились обстоятельства.

Посмотрел Федя Лохматкин на Марусин дом — сосет в сердце.

«Красавица!»— подумал.

В окно глянул, а в окне старухин нос.

— Тьфу ты, мерзкая старуха, до чего скверно смотреть!

А тут Ерш, лицо — улыбка.

— Что ж,— говорит,— братцы, товарищ Федя,— судьба. И какая там война? И какой государственный масштаб? В лесок уйдем. Прямая дорожка без компаса.

И трое зашагали в лес.

VII

Бродили в лесу до вечера. А вечером повис над болотом серый туман, и тогда все показалось бесовским наваждением.

Огонь развели веселый, но было невесело. До утра просидели очень даже грустные, а утром дальше пошли.

Прошли немного — верст пять, и вдруг закричал Ерш:

— Едут!

Верно. Вдали негромко звенели бубенцы.

— Едут!— застонал Ерш.— Тащите же бревно, сук вам в нос!

Но никто не двигался.

А у Ерша паучьи руки — очень ему трудно из канавы бревно тащить.

Однако тотчас выволок бревно это и накатил на дорогу.

Били железом по камню лошади, и за поворотом показалась желтая повозка с седоком.

— Стой!— закричал Ерш.— Идем же, братцы, товарищ Федя!

— Стой, постой!— повторил Ерш и вытащил нож, подбегая.

— А-а!..— дико закричал седок.

Во весь рост встал. Трясется челюсть. В руке револьвер.

Вздрогнули лошади, лес ахнул тихонечко.

— Братцы,— тонко закричал Ерш,— так нельзя! Он револьвером...— И хотел к лесу. Но упал лицом в грязь и затих.

Выстрелил два раза седок. Железом бешено забили лошади, и скрылась желтая повозка.

А на бревне сидел Илья Ильич и тоскливо смотрел на Федюшку. За Федюшкой — красный след. Федюшке трудно ползти.

1921 г.

ВОЗМЕЗДИЕ

1. ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

Во время годовщины Октябрьской революции на одном из ленинградских заводов был устроен вечер воспоминаний.

Каждый из желающих рассказывал о своем участии в революции, о своих подвигах, о своих встречах со знаменитыми революционерами и о своей прошлой боевой жизни.

Делились своими воспоминаниями не в торжественной обстановке и не в зале с эстрадой и кафедрой, а просто участники вечера за чашкой чая вели свои беседы. Это придало разговору живой и непринужденный характер. И в тот же вечер моя записная книжка была вдоль и поперек исписана интересными заметками и сюжетами.

Между прочим, очень много всех смешил заводский парикмахер, некто Леонидов. Он очень забавно и комично рассказывал, как он до революции служил в модной парикмахерской на Морской и как там он стриг и брил разных генералов и князей. И какие там у него встречались требовательные и нахальные клиенты, не разрешавшие во время бритья дотрагиваться пальцами до своей благородной кожи.

Все очень смеялись, когда Леонидов вспоминал разные забавные факты из своей практики. Но об этом я расскажу как-нибудь в дальнейшем.

После Леонидова с коротенькой речью выступил немолодой слесарь Коротков, раненный в Февральскую революцию. Он рассказал об уличном столкновении с полицией, во время которого он и был ранен.

И вот наконец выступила работница завкома, товарищ Анна Лаврентьевна Касьянова, награжденная в свое время орденом Красного Знамени.

2. РЕЧЬ А. Л. КАСЬЯНОВОЙ

Речь Касьяновой была исключительно интересна и занимательна. Это было воспоминание о прожитой жизни, о революции, о гражданской войне, о знаменитом Перекопе и о бегстве барской России за границу.

Это был рассказ человека, побывавшего в самом пекле революционных событий.

Уже по первым ее фразам я понял, что это незаурядная женщина с простенькой и обыкновенной биографией. И действительно, ее жизнь поразила нас каким-то внутренним, особенным значением.

Ее речь всех нас захватила, и мы не заметили, как промелькнуло полтора часа.

Во время перерыва я подошел к т. Касьяновой и попросил ее разрешения написать повесть об ее жизни.

Анна Лаврентьевна сказала:

— Если это получится как забава, то не надо. Мне было бы неприятно, если б вы посмеялись над моей жизнью. Но если это полезно для дела революции, то я согласна, чтоб вы это написали.

Потом она добавила:

— Только то, что я рассказала,— это древняя история. Сейчас мы заинтересованы другой материей — строительством и расцветом нашей страны. И эта старая история моей жизни, может, сейчас не так полезна в литературе, как другие, более современные темы.

Я сказал:

— Это именно та «древняя история», которая исключительно нам интересна, потому что без таких историй, может быть, и не было бы того, что есть сейчас.

В общем, я условился с Касьяновой, что по окончании моей работы мы повидаемся с ней и она внесет поправки, если в моей повести будут неправильности или неточности против правды.

Однако значительных неправильностей в моей работе не оказалось, и товарищ Анна Лаврентьевна Касьянова дала свое согласие опубликовать историю своей жизни.

Необходимо сказать, что в этой моей работе я постарался сохранить все особенности рассказчицы, все ее интонации, слова и манеру.

Однако прежде чем приступить к рассказу, я скажу несколько слов о наружности Касьяновой.

Она среднего роста. Склонная к полноте. Ей сейчас примерно около сорока лет. У нее голубые глаза, русые волосы и несколько широкое лицо. Вероятно, в молодые годы она была очень красива той прекрасной, здоровой русской красотой, в которой чувствуются сила, уверенность и удивительное спокойствие.

Вот что рассказала Касьянова.

3. ДЕТСТВО

Я родилась в рабочей семье. Мой отец, Лаврентий Иванович Касьянов, крестьянством не занимался. Он был рабочий. Он служил на сахарном заводе. И мы жили в сорока километрах от Киева.

Но в японскую войну его во время забастовки на заводе арестовали и куда-то забрали. И он к нам не вернулся.

И тут после этого, если так можно сказать, все равно как бомба разорвалась в нашей семье. Отец не вернулся. Старший брат, мальчик лет семнадцати, уехал в Персию и там где-то остался. У сестренки открылась болезнь почек. И она потом умерла. И моя мать, видя все это, тоже начала хворать, гаснуть, и в скором времени она тоже скончалась.

В свои семь лет я осталась круглой сиротой. И только у меня в Киеве проживала одна тетя. И тогда эту тетю вызвали из Киева и спросили, что делать. Тетя удивилась, что я осталась одна, и отдала меня в соседнюю деревню в няньки к одному своему знакомому кулаку.

А у этого кулака была большая семья. Его родственники. Он сам. Два сына — Мишка и Антошка. И еще грудная девочка Феня, которую мне надо было нянчить.

А мне было всего семь лет. И можете себе представить, какая я была в то время няня. И какой мне был интерес ухаживать за этой девочкой.

Фамилию этого кулака я запомнила на всю жизнь. Это был исключительно богатый мужик и мироед. Максим Иванович Деев.

Он держал несколько батраков, которые обрабатывали его поля и смотрели за его хозяйством.

4. НА ЗАВОДЕ

Этот кулк Деев, видя, какая я нянька, решил меня отдать на завод.

И он меня отдал на сахарный завод, где в свое время работал мой отец, мой папа.

Я стала работать на этом заводе. И я там работала по двенадцать часов в сутки.

И когда я возвращалась домой, то дома я тоже не знала отдыха. Я дома продолжала работать. Я носила дрова. Убирала хлев. Пригоняла коров. Кормила птиц. Нянчила Феню. И утром часов в пять снова уходила на завод.

Мне хотелось играть в куклы или побегать с ребятишками, но вместо того вот что я имела.

А у нас там, на сахарном заводе, детей использовали на подсобных работах. У нас там дети подбирали свеклу. Каждому из ребят полагался такой железный крючок. И вот с этими крючками мы ходили взад и вперед и подбирали свеклу, поскольку она то и дело падала, когда ее подвозили на эстакаду.

А когда мне исполнилось девять лет, то меня перевели с этой легкой работы к станкам, где сахар рубят. Там были такие особые ящички, куда бросают сахар. И вот мы, дети, подбирали кусочки и швыряли их в эти ящички.

Но когда мне ударило двенадцать лет, то меня уже поставили на станок. И я там рубила сахар. И там я этим занималась до пятнадцати лет.

И мне за это кулак Деев ежемесячно платил один рубль. Но сам он за меня получал сначала три рубля, а потом восемь.

Он в течение шести лет получал за меня по восемь рублей. Но я продолжала получать от него один рубль. И на эти деньги я должна была справлять себе обувь и одежду.

И за каждый этот мой несчастный рубль, полученный от него, он заставлял благодарить себя как за совершенную милость. И я его сердечно благодарила, потому что не понимала, как еще бывает иначе. Я не знала, что это был возмутительный акт с точки зрения революции. Я не отдавала себе в этом отчета. Я, девчонка в пятнадцать лет, жила как в дремучем лесу.

И только когда произошла революция, я кое-что стала понимать.

Но во время революции я уже не работала у Деева, а служила кухаркой в Киеве. Но тем не менее я тогда вспомнила эту эксплуатацию. Я вдруг вспомнила, как он мне платил один рубль, а остальные деньги брал себе. И как он, кроме того, заставлял меня дома работать до того, что я спала не больше пяти часов в сутки.

И когда я впоследствии нарисовала себе эту картину, я просто не могла с собой совладать. Меня трясло от злобы, когда я подумала, как это было.

И, руководимая этой злобой, я даже нарочно решила поехать в деревню поговорить с Деевым.

Это было вскоре после Февральской революции.

5. ПОЕЗДКА В ДЕРЕВНЮ

А мне в то время было около девятнадцати лет. И я тогда, повторяю, жила в Киеве. Я была прислугой, кухаркой.

И это было исключительное движение души, что я вдруі вспомнила эту эксплуатацию и решила съездить в деревню

Я сама себя уговорила, что мне надо было побывать в деревне. У меня там решительно никаких дел не было

Тем не менее в мае я приехала в деревню. И зашла во двор к Дееву. Он сидел на крылечке и грелся на весеннем солнышке.

Я его три года не имела счастья видеть, но я ему не поклонилась. И он мне не поклонился.

Он мне грубо сказал:

— Ты чего шляешься по чужим дворам? Это еще что за новости!

Тогда я ему сказала, еле сдерживая свое негодование

— Ты что же мне, старая плешь, платил один рубль, в то время как сам получал за меня восемь рублей! Ты знаешь, как это называется с точки зрения революции?

Но Деев на это засмеялся и велел своим сыновьям Мишке и Антошке выгнать меня со двора.

И я тогда удивилась, что революция не облегчила мои душевные страдания. Я только потом узнала, что это была буржуазная революция, ничего не имеющая с нами общего И надо было еще ждать полгода, чтобы произошла другая, народная революция, которая все поставила на место

Так или иначе, кулак Деев стал смеяться над моими словами. И он до того смеялся что еле мог выкрикнуть Мишку и Антошку.

А когда те прибежали, то я удивилась, как они выросли за эти три года, что я провела в Киеве.

Они были все равно как здоровые жеребцы.

Деев им сказал:

— А нуте-ка, прогоните мне эту белобрысую халду, приехавшую с глупостями к нам из Киева.

Старший кулацкий сын Мишка не стал меня гнать. Он сказал: «Не надо этого делать». Но другои сын, Антошка, ринулся на меня, словно дикий бык.

Он начал меня бить ногами. Стал выталкивать меня со двора.

Мы с ним одновременно выбежали на улицу. И там друг против друга остановились.

И он, засмеявшись, мне сказал:

— Я тебя, Анютка, прогнал со двора, потому что мне папенька так велел. А если ты у нас хочешь получить работу, то наймись ко мне блох ловить.

И от этих его насмешливых слов у меня буквально свет померк в глазах. Души моей не стало от этой его дурацкой и нахальной фразы.

Я вдруг схватила коромысло, стоявшее у колодца, и ударила им кулацкого сына Антошку. Я два раза и больше его ударила. И потом я, кажется, даже стала молотить его этим коромыслом.

И он вдруг испугался, что увидел такую мою злобу, какую он не предполагал видеть в женщине.

И от страха он закричал:

Ах, подойдите все сюда! Вот что она со мной делает!

Но потом вдруг побежал к дому, бросая горстями кровь с носу.

И я тогда пришла в себя и пошла обратно. И даже не обернулась назад, чтоб посмотреть, не бежит ли кто за мной. Мне в тот момент, как помнится, сделалось все равно.

И только я потом узнала, что сам старик Деев хотел выстрелись в меня из дробового ружья, но он испугался это сделать, потому что ему сказали, что я член горсовета.

Но я тогда не знала, о чем он замышлял, и бесстрашно шла с тем, чтобы никогда сюда не возвращаться.

Но я вернулась сюда через двенадцать лет. Через двенадцать лет я была в этом районе. И снова нарочно заехала в эту деревню.

Это был уже 1930 год.

И вот я заехала в эту деревню. И пошла на двор к Дееву.

Но оказалось, что старик Деев уже давно отправился путешествовать на тот свет. А его сыновья, Мишка и Антон, были раскулачены и высланы из этого района. И никого из их родственников я тут больше не нашла.

А в их помещении была изба-читальня.

Я зашла в эту избу.

И когда я зашла в эту избу-читальню, я вдруг рассмеялась, что так все случилось.

Я не обладала жестоким сердцем, и я всегда была внимательна к чужому страданию. Но тут я рассмеялась, когда вошла в избу.

Заведующая избой-читальней спросила меня: «Чего вы

смеетесь?» Я ей ответила с той сердечной простотой наивностью, которые у меня тогда были. Я ей сказала:

— Я смеюсь, что произошла такая народная революция, которая оправдала мои надежды.

И тогда заведующая, не поняв, в чем тут дело, сказала.

— Может быть, вы хотите взять какую-нибудь книжку почитать, чтобы повысить свою культуру?

Не помню сейчас, но, кажется, я действительно взяла тогда какую-то книжку. Но в те дни я не стала ее читать, потому что у меня и без книг тогда слишком было переполнено сердце.

6. В КИЕВЕ

А что касается дореволюционного времени, то у этого кулака Деева я находилась почти что до шестнадцати лет.

А когда мне исполнилось шестнадцать лет, к нам в деревню прибыл из Киева один мой знакомый, ранее служивший на сахарном заводе.

Он мне симпатизировал.

Он мне сказал:

— Бросай, Аннушка, своего кулака Деева и давай поедем в Киев. И я там куда-нибудь определю тебя на работу. Сам я служу в Киеве в москательной лавке. И если ты захочешь, мы там будем с тобой встречаться по воскресеньям.

И вот я тогда бросила своего кулака и действительно поехала в Киев.

И я там в скором времени устроилась прислугой к одной барыне.

Собственно говоря, это была, так сказать, не чистой воды барыня. Ее муж служил в интендантстве по снабжению армии. И был все время в разъездах.

А супруга его содержала небольшую шляпную мастерскую, в которую она даже никогда не заглядывала по причине своего нездоровья. А просто там у нее кто-то работал, а прибыль получала она. Тогда это было в порядке вещей, что один работает, а другой за него барыши получает. Это не казалось чем-то особенным. Это было тогда повседневным делом — подобная эксплуатация.

А у этой барыни была дочка Оленька. И Оленька оставила по себе очень хорошее воспоминание. Она меня учила грамоте. Она сама была гимназистка выпускного класса. И была чересчур бойкая и развитая не по летам. За ней

постоянно мужчины бегали. И даже какой-то юнкер из-за нее хотел застрелиться.

Но у нее хватало времени со мной заниматься. Она мне преподавала географию, чтение, арифметику и ботанику.

В общем, я ей очень благодарна за науку, потому что к моменту революции я была уже немного подкована в смысле грамотности, и я уже не была такой, что ли, чересчур темной особой.

Эта Оленька потом вышла замуж и уехала из Киева. И я не знаю, где она теперь.

Я у них служила около двух лет. И я тогда нигде почти не бывала. А моего знакомого, с которым я приехала в Киев, взяли на войну. Он был мобилизован.

Я его провожала на вокзал. И я не знаю, что с ним в дальнейшем стало. Наверное, он был убит на войне. Или он пропал без вести. Только я о нем никогда ничего не могла узнать.

А он очень страдал, что уезжает от меня. И мы с ним торжественно, как жених и невеста, поцеловались на вокзале.

Но я привыкла терять близких мне людей. И не имела от этой потери какого-нибудь отчаяния.

Я тогда стала больше работать, чтоб не скучать.

И я поступила даже на курсы поваров, чтобы повысить свою квалификацию.

Мне моя барыня разрешила это сделать. Ей самой смертельно хотелось, чтоб я у нее лучше готовила. И она мне позволяла по вечерам ходить на занятия.

Но от этого она, увы, не получила своего выигрыша, потому что я вскоре ушла от нее на более хорошее место, к одной генеральше.

7. ГЕНЕРАЛЬША ДУБАСОВА

У нас рядом с нашим домом был отдельный особняк. И там жила генеральша Нина Викторовна Дубасова, урожденная баронесса Недлер.

Она была сравнительно молодая, довольно интересная особа. Ей было около тридцати лет.

А сам генерал Дубасов был постоянно на фронте. Он был боевой генерал. Фронтовик. А она тут жила все равно как в сказке.

Они были очень богаты, эти Дубасовы. У них было

несколько имений на Украине. И к ним постоянно мужики привозили всякую снедь и продукты. И, кроме того, мужики привозили им деньги. И в довершение всего кла нялись в пояс и целовали ручку. Причем они круглый год работали. А та за них отдыхала. И пользовалась всем на свете. Просто невероятно сейчас подумать, как это тогда было.

В общем, генеральша жила в полной роскоши, не зная никаких затруднений.

У нее, между прочим, было три денщика. А когда с фронта приезжал генерал, то он еще двух денщиков с собой привозил. Так что это было смешно видеть, что у них был такой личный штат.

Кроме того, у них было два кучера, два дворника, горничная, истопник и кухарка. А поскольку сам генерал был почти все время на фронте, то все эти услуги относились только к баронессе Нине Викторовне, которая прямо с ума сходила от своего безделья.

Она меня видела несколько раз со своего балкона и велела мне сказать, чтоб я бросила служить у прежней барыни и чтоб я перешла к ней, поскольку я ей почему-то понравилась.

И она мне положила в два раза большее жалованье Я получала шесть рублей, а она мне дала двенадцать рублей. А в то время это были порядочные деньги.

И тогда я к ней перешла. И вскоре я убедилась, что она была страшно сумасшедшая. Она была недотрога и истеричка в высшей степени.

Ее люди очень не любили. И она часто выгоняла то одного, то другого. Причем у нее была тенденция не платить. Она рассердится, например, на дворника, вышвырнет ему за дверь паспорт и велит сразу уходить. И никакой управы на нее нельзя было найти.

У нее было три денщика. Так она каждый день их лупила. Сейчас, конечно, трудно даже представить, как это можно ударить служащего человека. Но тогда это был не вопрос. Тогда это было вполне законное явление. И она за каждый пустяк била то одного, то другого. Она била их по лицу. Причем у нее не было даже злобы, а просто это была у нее привычка. А на битье они, как военные, не имели права ничего сказать. Они даже не смели шелохнуться. Они стояли навытяжку, когда она их лупцевала. И только один денщик, некто Боровский, поднял руку чтоб защититься.

Он поднял руку, чтобы закрыть свое лицо от побоев. Он ей сказал: «Я, Нина Викторовна, весь в огне горю. Еще, говорит, один удар, и я, говорит, могу допустить крайность».

И он совершенно легко отодвинул ее от себя. Он отбросил ее от себя, чтоб не иметь соблазна пойти на крайний шаг. А она нарочно на пол упала. И такой она плач подняла, такие крики и такую истерику, что чуть не со всего района собрались люди на это сумасшествие.

И тогда Боровского арестовали и посадили в тюрьму.

8. НОВАЯ КУХАРКА

Но интересно, что после этого случая она не стала тише себя вести и продолжала своих денщиков лупцевать.

Конечно, невоенных служащих она остерегалась бить, но весьма часто замахивалась.

Один раз она даже на меня замахнулась.

Но я ей сказала спокойно и просто:

Имейте это в виду, Нина Викторовна: если вы меня тронете, то я сама за себя не отвечаю.

А я тогда была исключительно сильная и здоровая. Я была очень цветущая. У меня, например, был медальон. Так когда я его надевала, то он у меня не висел, как обыкновенно бывает висят медальоны. А он у меня горизонтально лежал И я его даже могла видеть, не наклоняя головы. Он даже больше чем горизонтально лежал. И я даже отчасти не понимаю как это тогда было.

Во всяком случае, я отличалась тогда исключительным здоровьем. И если б я захотела, то эту самую Нину Викторовну я могла бы вышвырнуть из одной комнаты в другую. Тем более, что она была маленькая и хрупкая. Она была красивая, но тонкая и худенькая брюнетка. И когда к нам гости приходили, то они все больше смотрели на меня, чем на нее. А это ее очень бесило и расстраивало.

Конечно, я не скажу, что я отличалась в то время какой-нибудь удивительной красотой. Но я многим нравилась. И мое здоровье останавливало на себе внимание. Я была тогда до сумасшествия здоровая.

А если говорить о недостатках, то у меня были руки, которые мне принесли несчастье. И когда я в дальнейшем попалась в Крыму к белым, то мои руки меня выдали с головой Белые сразу поняли, кто я такая. У меня были обык-

новенные рабочие руки. У меня были большие мужицкие руки, которые от постоянного кухонного жара пылали тогда краснотой. И с точки зрения дворянской жизни это был крупнейший недостаток. В те времена некоторые барыни, чтоб вызвать белизну и еще больше заморить свои ручки, ставили даже к ним пиявки и надевали на ночь лайковые перчатки. Потому что труд в том обществе считался большим позором. И нельзя было иметь то, что напоминало о принадлежности к трудовому классу.

Нет, конечно, вообще говоря, красиво иметь тонкую ручку. И я ничего бы не имела против этого. Но я тогда страдала не по этой причине. А просто у меня была такая бурная жизнь и среди таких людей, которые весьма подозрительно смотрели на мои руки. И это мне мешало.

Сейчас я физическим трудом не занимаюсь, и руки у меня стали нормальные, но тогда действительно было что-то особенное. И я тогда не раз досадовала, что для достижения моей цели я не имела белых дворянских ручек с голубыми жилками, для того чтобы ввести в заблуждение моих врагов.

9. ГЕНЕРАЛЬШИНЫ ГОСТИ

Итак, я поступила кухаркой к генеральше Нине Викторовне Дубасовой.

И она была этим очень довольна, потому что я была в то время интересная, а это ее очень устраивало. Она была из таких надменных барынь, которые любят, чтоб у них все было самое красивое, самое наилучшее. И она добивалась, чтоб у нее прислуга тоже отличалась какой-нибудь интересной внешностью.

Ей нравилось, когда гости поражались, что им открывает дверь такая миловидная прислуга. Она этим удовлетворяла свою барскую спесь и дурацкую гордость.

Но поскольку я была кухаркой, то я к гостям не должна была выходить. У нас днем двери открывали денщики, а вечером горничная.

Но баронесса непременно захотела, чтоб и я открывала двери.

И я тогда в вечерние часы стала тоже подходить к дверям. Тем более, что свою личную горничную Катю генеральша не любила к гостям выпускать, так как она и ростом и чернотой волос отчасти напоминала свою бары-

ню. А это ее компрометировало и, вероятно, снижало в глазах знакомых.

Так или иначе, я по вечерам впускала гостей.

Но это не так долго продолжалось, потому что она сослепу приревновала меня к одному офицеру, который был ее любовником.

К ней каждый день заходил один молоденький офицерик, некто Юрий Анатольевич Бунаков. Он был хорошенький такой, как кукла.

И я раньше никогда таких не видела. Он был похож на херувима. У него на щеке была нарисована черная мушка. И губы свои он подкрашивал красной краской. И всегда ходил с маленькой коробочкой. Там у него была пудра. И он то и дело припудривался, потому что он любил, чтоб у него была матовая кожа.

Сначала он меня просто рассмешил своей кукольной наружностью. Я хохотала, как сумасшедшая, когда в первый раз его увидала. Тем более, что он вел себя как ребенок. Он капризничал, хныкал и с головной болью валялся на кушетке.

Но Нина Викторовна была в него сверх всякой меры влюблена. Она его обожала. И от него без ума находилась. Она могла глядеть на него круглые сутки. Она считала его удивительным и небывалым на земле красавцем.

Она с ним буквально нянчилась.

И когда генерал был на фронте, то Юрий Анатольевич каждый день к ней заходил.

Он играл песенки на рояле. И напевал их вполголоса. Причем весь репертуар у него был исключительно из грустных номеров. Он чаще всего пел: «О, это только сон» и «Под чарующей лаской твоею».

Также он имел привычку твердить такие стихи (я их запомнила, потому что я их в свое время записала):

Все на свете, все на свете знают —
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет.
И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут.
Хоть для них и решена задача —
Все умрут.

И он при этом подкидывал в руках свой браунинг № 1, с которым никогда в жизни не расставался.

10. ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Но, конечно, это была сплошная ерунда — то, что она меня к нему приревновала. Я на него просто никак не глядела. Вернее, мне было забавно видеть его поведение. Но он действительно иногда глаз с меня не сводил.

Он мне однажды сказал в передней:

— Это, говорит, Анюта, чересчур жалко, что среди нашего высшего общества не бывает таких, как ты. Среди нашего общества все больше высохшие мумии. И я бы, говорит, наверно, вполне исцелился от меланхолии, если б я сошелся с такой особой, как ты.

Но я рассмеялась ему в лицо и не велела ему об этом больше говорить.

А моей баронессе не понравилось, что он со мной то и дело заговаривал.

Она мне сказала:

— Я, говорит, Анюта, считаю ниже своего достоинства к вам ревновать, поскольку вы для меня человек, стоящий на нижней ступени общественной лестницы, но тем не менее двери я вас больше не позволю открывать.

Конечно, я не стала от этого горевать, потому что, откровенно говоря, в конце концов, плевала на них обоих.

Кроме этого молоденького офицерика, которого у нас на кухне называли попросту Юрочка, к нам очень часто заходил его ближайший друг, некто ротмистр Глеб Цветаев. Этот был уже в другом духе. Он тоже отличался изнеженной красотой. Только что против Юрочки он был более веселый и энергичный и отличался хорошим здоровьем. Он был не такой квелый, как тот. А в остальном он был вроде него. Он тоже пудрился, мазался, на щеке носил мушку и имел черные тонкие усики, как у французской кинознаменитости Адольфа Менжу.

В довершение всего он курил тончайшие дамские папироски, увлекался мужчинами и душился так, что мухи боялись к нему подлетать.

Нина Викторовна считала, что по своей небывалой красоте он может стать на втором месте после Юрия Анатольевича. Она говорила, что даже розы могли бы распускаться под его чарующей улыбкой. И он благодаря этому то и дело улыбался. Но я в этой улыбке ничего особенного не видела. Это была деланная и фальшивая улыбка, которая исчезала, когда он отворачивался.

Интересно отметить, что впоследствии я в Крыму

столкнулась с этим офицером. Он тогда был начальником контрразведки в Ялте. И он там тоже улыбался, когда глядел на мое разбитое лицо. Но об этом после.

Вместе с ротмистром Цветаевым у нас часто бывал его друг, граф Шидловский. Вот этот был большой нахал. Он ко мне часто приставал со всякой ерундой.

Но он мне был просто противен своей гладкой, сытой физиономией и своими дворянскими поворотами.

Но он, конечно, не представлял себе, что кому-нибудь он может не понравиться, в то время как я дрожала от отвращения, когда он иной раз ко мне прикасался своей рукой.

Все эти офицеры у нас почти что каждый день бывали. Они тут пили вино, танцевали, играли в карты и так далее.

Иногда у них всю ночь шло пьянство и стоял бешеный разгул. Но я даже затрудняюсь сказать, что у них там еще было. Прислуга не имела права входить без приглашения.

А что касается Нины Викторовны, то она буквально дня не могла прожить без этих вечеринок, после которых она ходила желтая, как шафран, и целый день освежалась гофманскими каплями.

Из гостей у нас также иногда бывали разного сорта знаменитости — артистка Вера Холодная, киноактер Рунич и другие. И даже как-то раз приехал к нам из Москвы артист Вертинский. Этот пел свои знаменитые песенки. И эти песенки хватали нашего Юрия Анатольевича прямо за самое сердце, до того, что он навзрыд плакал и просил их петь до бесконечности.

Эти песенки также исключительно сильно подействовали на ротмистра Глеба Цветаева, который тоже прослезился и сказал, что у него такое ощущение, будто погибает весь мир и нельзя никого спасти.

Такое препровождение времени у нас было всю зиму, вплоть до февральской революции.

11. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Я по-настоящему не понимала, что такое революция. Мне об этом мало приходилось слышать.

Я редко сталкивалась с людьми, которые могли бы меня на этот счет просветить. Что касается завода, то у нас там говорили об этом, но я была тогда слишком маленькая и не разбиралась. А у кулака Деева я тоже не могла ничего почерпнуть.

Я жила как в дремучем лесу.

И вот как-то утром я пошла на базар.

И вижу, что по улицам ходят студенты и обезоруживают полицию. У меня сразу екнуло сердце. Я подумала: наверно, что-нибудь особенное произошло.

Я тогда пошла дальше и вижу, что на всех углах стояли уже студенческие посты, а полиция снята.

Тогда я спросила одного, почему так делается. И он мне сказал: «Это революция».

Но я тогда не знала, как это бывает, и решила пойти посмотреть.

И вот я пошла дальше со своей корзинкой и вдруг вижу — идет громадная толпа. Некоторые идут с винтовками, а некоторые держат красные знамена, а некоторые идут так.

И многие из них кричат: «Мы идем на Сенной базар освобождать заключенных. Все идемте с нами».

А там у нас в Киеве на Сенном базаре была огромная тюрьма, в которой было много политических заключенных.

И вот я пошла вместе со всеми. И вдруг мы все (хотя я и не знала слов) в один голос запели революционную песню и с этой песней пришли на Сенной базар и увидели тюрьму.

И тогда народ с криками побежал к зданию и стал требовать выпуска всех заключенных.

А я и некоторые другие молодые женщины залезли на забор и там сидели, наблюдая, что будет. Причем я не расставалась со своей корзинкой для провизии, потому что мне надо было кое-что закупить, чтобы к двенадцати часам дня начать готовку обеда.

И вот я сижу на заборе. И слышу страшные крики. Это народ велит открыть все двери в тюрьме.

Вдруг действительно открываются все двери и ворота, и в окнах показываются заключенные. И нам видать, что они недоумевают и не понимают, что это такое. И думают — нет ли тут провокации.

Мы видим, что двери и ворота открыты, часовых нету, но никто из заключенных на улице не появляется.

И тогда среди народа раздаются нетерпеливые возгласы: «Выходите же!.. Верьте нам, произошла революция!»

И вот появляется первая партия заключенных. Они вышли из ворот и сразу поняли, что произошло. Один из них упал в обморок. А другой сразу же влез на забор и начал произносить речь. Он был большевик. Он долго

говорил, а я сидела со своей корзинкой и слушала.

Он говорил, что в революции нужна прежде всего организация. Он сказал толпе: «Объединяйтесь в профсоюзы, и тогда вы можете бороться со своим главным врагом — с буржуазией, чтоб она вас не эксплуатировала».

И весь народ ему хлопал, хотя многие и не понимали, что это такое.

Тем временем из ворот тюрьмы вышли все заключенные. Некоторые были бледные и качались. А некоторые с криком радости бежали в толпу. И там они обнимались с родными и целовались со знакомыми.

Потом вышла целая партия уголовников. Но никакого нахальства среди них не наблюдалось. Они держали себя смирно и возвышенно, но только все время у всех стреляли папироски.

12. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

И вдруг, сидя на заборе, я увидела, что из тюрьмы вышел наш денщик Боровский. Он полгода сидел в тюрьме за то, что защитился от побоев генеральши Нины Викторовны.

И тут я увидела, что он прямо переродился за это время. Всегда молчаливый и сдержанный, он тут вдруг самостоятельно влез на подводу и произнес речь. И многие ему тоже хлопали.

И тогда я протискалась к нему и сказала: «Здравствуй, Паша Боровский!»

Он очень обрадовался, что увидел свою знакомую. И мы с ним решили находиться вместе.

В это время среди народа раздались крики: «Идемте все к думе, там происходят исключительно важные события».

И тут мы с Боровским побежали к думе. И встали около самой трибуны.

Там было много произнесено пламенных речей. И Боровский произнес вторую речь. Он рассказал про свой случай с генеральшей и убеждал народ не доверяться буржуазии и дворянству.

Потом я посмотрела на часы и увидела, что уже четыре часа. То есть это был час, когда генеральша садилась за стол обедать. Она в смысле еды была исключительно аккуратная особа. И не любила запоздания даже в пять минут.

Тут я вспомнила, что я даже ничего к обеду не купила.

Но Боровский мне сказал:

— Сейчас безрезультатно что-нибудь покупать. Иди так домой. А если ты боишься неприятностей, то я могу с тобой пойти. И мы тогда посмотрим, что тебе Нина Викторовна скажет в моем присутствии. Хотел бы я это видеть.

Я сначала растерялась, и мной страх овладел, когда Боровский со мной пошел. Но потом мне от этого даже стало немного весело.

И мы с Боровским пришли домой. И наши денщики форменным образом обалдели, когда увидели нас вместе.

Они сказали:

— Ну, знаете ли, это уж слишком.

Но мы им объяснили, в чем дело. И среди нас поднялся горячий разговор.

И вот мы все, домашние работники, сидим в кухне и разговариваем.

Вдруг открывается дверь, и на пороге показывается Нина Викторовна, такая грозная, как она редко когда бывает.

И она так говорит, задыхаясь от злобы:

— Я не погляжу, что происходят революционные события. Мои права хозяйки остаются в полной силе. И эти права никем не могут быть нарушены. И я, говорит, всех вас в два счета к черту выгоню, если будет повторяться что-нибудь подобное.

Вот так она говорит и вдруг видит — сидит на стуле Боровский.

Тут она побелела как полотно, схватилась за дверь и прошептала: «Боже милосердный!»

Она, наверно, в этот момент поняла, что случилось. Она поняла, что произошло нечто небывалое в ее жизни.

И тут вдруг Паша Боровский встает со своего стула, и мы видим, что он нервничает. Он сильно волнуется.

Он встает со своего стула, отодвигает его тихонько в сторону и так говорит Нине Викторовне:

— Амба!

И если бы он сказал что-нибудь другое, она бы не так испугалась. Но то, что он сказал «амба» и при этом сделал рукой отрицательный жест, это ее устрашило до последней степени.

Она вскрикнула «ах», задрожала, пошатнулась и, бледная как полотно, выскочила из кухни.

И тут все денщики рассмеялись и сказали: «Вот, господа, что такое революция».

13. ПЕРВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Потом вдруг в кухню вошел ротмистр Глеб Цветаев. Он сказал Боровскому со своей улыбочкой.

— Если тебя, мой друг, революция освободила, то это еще не значит, что ты, как уголовный арестант и государственный злодей, можешь тут у баронессы находиться. Я прошу тебя, мой друг, немедленно удалиться, или будут самые печальные последствия.

Боровский сказал:

— Я уйду, так как я не хочу подвергать опасности моих товарищей. Потому что если мы, господин офицер, с вами сейчас столкнемся, то они за меня заступятся. И тогда мне неизвестна их судьба. Вот почему, и только поэтому я ухожу. Но с вами мы еще, господин офицер, встретимся. И тогда я вам преподнесу такую дулю, что вы пожалеете за свои чересчур нахальные слова.

Мы думали, что после этих слов произойдет нечто страшное. Но ротмистр Цветаев повернулся на каблуках и ушел, так хлопнув дверью, что кофейница упала с полки.

И тогда Боровский, попрощавшись с нами, тоже ушел. И он взял с меня слово, что я сегодня вечером приду в университет на митинг, который был назначен в девять часов.

Тогда я наспех из чего попало приготовила обед, и горничная Катя подала его господам. И те пожрали в охотку и никаких замечаний не сделали.

А я, приодевшись, пошла в университет на митинг, ничего не сказав об этом Нине Викторовне, что было в то время большим преступлением по службе.

И вот я пришла в университет. Там уже было полным-полно. Выступали главным образом студенты и курсистки. Тут подошел ко мне Боровский. Он сказал:

— Ну, Анюта, не подкачай. Ты сегодня непременно выступи. Ты будешь говорить от лица домашних работниц. Это произведет фурор. Ты скажи что-нибудь хорошенькое про эксплуатацию прислуги.

Тут я форменным образом задрожала, потому что речи я никогда не говорила и не знала, как это нужно.

Но Боровский не стал слушать моих возражений. Он подвел меня к трибуне и познакомил со всеми видными революционерами, какие там были.

И один из них, по фамилии Розенблюм, сказал мне, как будто я была заправская ораторша:

— Ты, говорит, товарищ Касьянова, скажи что-нибудь о профсоюзном движении.

Тут я, скажу откровенно, совершенно сомлела, потому что я только сегодня днем впервые услышала об этом движении и еще не представляла себе, что можно об этом сказать что-нибудь определенное.

Но тут они меня привели на трибуну и представили публике.

Я не помню, о чем я начала говорить. Я только помню, что я дрожала как собака на этой трибуне. Но потом я совладала с собой и начала такую речь, что в зале произошла удивительная тишина. Все меня слушали и говорили: «Это нечто особенное, что она так говорит».

А я им развернула картину эксплуатации моего детства и сказала и о теперешней жизни, которую я терплю у Нины Викторовны.

Тут я сказала, что среди нас находится еще одна ее жертва, денщик Боровский, побитый ею и посаженный в тюрьму. И тут все захотели увидеть этого Боровского.

И тогда Боровский вышел на трибуну и сказал: «Да, это так, как она сказала».

И тогда все в один голос закричали: «Скажи нам ее адрес, мы ее к черту в порошок сотрем, эту твою баронессу».

Но я сказала то, что слышала утром. Я сказала со своей трибуны:

— При чем тут адрес. Революцию надо организованно вести, надо создать профсоюзное движение, и тогда планомерно вести борьбу с буржуазною знатью.

Тут раздались такие аплодисменты, что я думала, что зал треснет пополам. Я как в чаду сошла с трибуны.

Тут сразу ко мне все подскочили. Боровский говорит: «Это что-то особенное, настолько ты исключительно великолепно говорила».

Розенблюм мне сказал:

— Ты, Анюта Касьянова, пойдешь организатором в профсоюзы. Завтра приходи к думе в оргбюро и получишь назначение.

Я как пьяная вернулась домой. И я по дороге сочиняла речи, чтобы произнести их как-нибудь в другой раз.

14. НОВАЯ ЖИЗНЬ

На другой день утром меня вызвала к себе барыня Нина Викторовна.

Она мне сказала:

— Если ты хочешь у меня служить, то прекрати это безобразие. Я тебе не позволю шляться по всяким митингам, где бог знает что говорится.

Но я сказала, что в таком случае я откажусь от места.

Она стала меня просить, чтоб я этого не делала. Она сказала, что в три раза прибавит мне жалованье и подарит несколько платьев, только чтоб у нас в доме наступили мир и тишина.

Я ей ответила:

— Вы из образованных слоев — и говорите такие удивительные глупости. Ваши слова мне смешны и напрасны. Разве вы не видите, что делается с народом? Не от моего желания зависит прекратить то или другое.

Тут в этот момент происходит звонок, и к нам в столовую входит поручик Юрий Анатольевич Бунаков. И с ним вместе ротмистр Глеб Цветаев.

Бунаков, совершенно бледный и расстроенный, ложится на диван. А ротмистр говорит:

— Что делается на улице — это уму непостижимо. Хамья столько, что пройти нельзя. Как, говорит, ужасно, что в таких варварских руках будет судьба России. А к этому идет, потому что мы против них буквально маленькая горсточка. Стоит выйти на улицу, и вы в этом убедитесь.

Тут он увидел меня и закашлялся.

Нина Викторовна говорит:

— Я с этой представительницей народа целый час бьюсь. Но она уперлась на своем, как баран. Ей милей, видите ли, уличная шантрапа, чем порядочная жизнь в высшем обществе. И, главное, она еще осмеливается мне возражать и вступать со мной в пререкания, как будто мы вместе с ней находимся на одной ступени жизни.

Тут ротмистр Цветаев сказал фразу, которую я поняла только через десять лет. Он сказал:

— Вот когда нам приходит возмездие от народа. Наши деды ели виноград, а у нас оскомина.

Юра Бунаков вскочил со своего дивана, и я удивилась, что в нем может кипеть такая злоба. Он сказал:

— Но ведь мы же не отдадим свои права без борьбы?

Ротмистр воскликнул:

— Мы будем драться до последней капли крови. Никакое соглашение тут невозможно, потому что сталкиваются два мира между собой. И то, что сейчас происходит,— это пустяки по сравнению с тем, что будет.

Нина Викторовна мне сказала:

— Аннушка, уйдите отсюда, нам не до вас.

И вот я в этот день, приготовив обед, поспешила в оргбюро.

В оргбюро уже все слышали обо мне. Мне там сказали: «Ты, Касьянова, пойдешь у нас агитатором. Ты будешь ходить среди масс и агитировать за профсоюзы. Ты революцию поняла именно так, как следует».

И тогда я спросила, со всей наивностью:

— Можно ли мне от барыни уйти?

И тут все засмеялись и сказали:

— Можно и даже нужно.

И вот я прибежала домой, сложила вещи и сказала: «Я ухожу».

Что было — это описать нет возможности. Но я выдержала бурю. И тогда баронесса, не заходя на кухню, швырнула мне паспорт. Но денег, почти за месяц, она мне не отдала.

Я хотела с ней об этом спорить, но как раз так случилось, что с фронта приехал сам генерал Дубасов. Я думала, что это здоровый, бородатый генерал, вроде бульдога. Но он оказался удивительно худеньким и маленьким. И он там в комнате все время что-то кудахтал. Он был недоволен и выражал свои взгляды на Юрочку Бунакова. Он приревновал Нину Викторовну. Но та вела себя удивительно нахально. Денщики мне сказали, что она нипочем не захотела отказать от дома Юрочке. И генералу, который обожал Нину Викторовну, пришлось смириться. В довершение всего пришедшие офицеры начали распространяться про революцию, и у них там поднялись горячие политические споры.

В общем, я не стала туда к ним соваться насчет своих денег. А просто пошла в оргбюро и получила там назначение. Мне там дали немного денег и отвели комнату. И мы условились относительно моей работы.

Я горячо принялась за эту работу. Тут мне все было интересно и занимательно. Новый мир стал открываться передо мной. Я только тогда поняла, как я жила и как весь народ жил. И как мы все находились в кабале и сами, по своей слепоте, не замечали этого.

И вот тут, как я уже говорила, движимая ненавистью, я и поехала в деревню для переговоров с кулаком Деевым. И эта поездка мне многое объяснила. Она мне объяснила, что, кроме этой революции, может быть еще другая, народная революция, направленная против буржуазии и дворянства.

И я, вернувшись, еще с большей энергией стала работать для революции.

Я как агитатор ходила по домам и там устраивала общие собрания домашних работниц, сиделок, нянек и санитарок.

Я им произносила пламенные речи и убеждала их вступить в профсоюз для планомерной борьбы со всякого сорта эксплуататорами, за грош выжимающими масло из трудящихся.

Почти всюду меня принимали хорошо, но в некоторых местах меня хотели даже побить за слишком левые слова.

А когда были выборы по рабочим кварталам, то меня, как представительницу от домашней прислуги, выбрали в горсовет.

А в горсовете в это время были и генералы, и большевики, и меньшевики — все вместе.

И когда я туда пришла, мне там сказали:

— Примыкайте к какому-нибудь крылу. Вы кто будете?

Тут некоторые ребята из профсоюза мне говорят:

— Поскольку мы тебя, Аннушка, знаем, тебе наибольше всего к лицу подходит партия большевиков,— примыкай к этому крылу.

И я так и сделала.

15. ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

И вот осенью у нас в Киеве начались выборы на съезд, который должен был состояться в Ленинграде.

Меня, как активную работницу, выбрали на этот съезд. И с киевской делегацией я выехала в Ленинград.

Я была этим очень горда. И больше, как об этом съезде, ничего не хотела знать.

Мне перед отъездом из Киева Боровский сделал предложение, но я ему отказала. Он хотел, чтобы я была его женой, он влюбился в меня.

Но мне было не до этого. В довершение всего он мне не особенно нравился. Так что я со спокойной совестью уехала в Ленинград.

А он, я не знаю, куда делся. Я больше его никогда не встречала.

А в Ленинграде нашу делегацию поместили в здании юнкерской школы.

В Ленинград же мы приехали в самые решительные дни.

Это было дня за два до начала съезда.

Это были горячие и пламенные дни, когда решалась дальнейшая судьба революции. Это были торжественные и боевые дни для народа. Я в те дни слышала Ленина и близко видела многих замечательных революционеров. И это было для меня большое счастье. Это был праздник, на котором я присутствовала.

Мне удивительно об этом говорить. Но, если так можно сказать, я в то время не отдавала себе отчета в том, что тогда делалось.

Я кипела в котле революции, но я не сознавала полностью все значение тех событий. И это был мой минус. Это меня никогда не успокаивало. Я всегда завидовала тем людям, которые сознательно вступили в борьбу. И для меня это были великие люди. Что же касается меня, то я должна признаться — я жила в то время как в тумане.

И такую великую революцию, как Октябрьскую, я встретила горячо и даже пламенно, но я тогда еще не сознавала, какое это великое событие в жизни трудящегося народа.

И мне даже совестно вам признаться, что я гуляла с подругой по городу в то время, как начиналась последняя борьба против буржуазии.

Мы шли тогда с ней, с подружкой моей, по Садовой улице. И вдруг услышали выстрелы.

А мы с ней были тогда еще обыкновенные деревенские девчата, дурехи, не бывшие на фронте под обстрелом.

Мы сказали друг другу:

— Давай пойдем посмотрим на стрельбу.

Мы вышли на Невский проспект и увидели демонстрацию, которая направлялась от думы к Зимнему дворцу. Это были меньшевики. Они несли плакаты: «Вся власть Временному правительству».

А наш лозунг — «Вся власть Советам». И в этом мы отлично разбирались. И поэтому мы не пошли за меньшевиками, а стали пробираться на площадь к Зимнему дворцу, где, нам сказали, имеются наши отряды большевиков.

В это время мы увидели бегущих людей, которые закричали меньшевистской демонстрации:

— Господа, не идите дальше, потому что большевики вас могут встретить огнем, и тогда произойдет ненужное кровопролитие.

И вся колонна остановилась в недоумении, что им делать. В это время на площади снова раздались выстрелы.

И тогда несколько человек от меньшевиков пошли вперед узнать, что им делать.

Мы с подругой не могли пробраться к нашим и тогда пошли на площадь с другой стороны, где ходили еще трамваи как ни в чем не бывало.

Мы дошли до самой площади, которая была, к нашему удивлению, почти пустая.

Все наши отряды были расположены на Миллионной улице и под аркой Главного штаба.

Мы непременно захотели соединиться со своими. Мы почувствовали, что наступает что-то решительное. Но тут началась такая сильная ружейная перестрелка, что толпа, за которой мы шли, бросилась бежать назад.

Тут, в довершение нашей беды, подруга моя упала и подвихнула себе ногу. И я, взяв ее под руку, пошла с ней домой.

И мы всю дорогу слышали выстрелы, которые все больше усиливались.

В тот же вечер мы были на съезде и узнали, что Зимний дворец был взят.

16. СНОВА КИЕВ

На другой день к нам в общежитие явился Розенблюм, приехавший с нашей делегацией. Он был сильно взволнован. Он сказал, что нам следует немедленно ехать в Киев, так как там ожидаются события и захват власти большевиками. И что наше дело быть сейчас там.

В тот же день мы уехали из Ленинграда.

Уже на вокзале в Киеве мы узнали, что в городе идет бой, большевики заняли несколько кварталов и продвигаются на Подол.

Розенблюм нам сказал:

— Хотя меня дома ожидают жена и сын и мое сердце так к ним рвется, как я даже никогда не представлял себе этого, тем не менее нам надо, не заходя домой, вступить в ряды бойцов. Кто хочет сражаться за большевизм и против Временного правительства — идемте.

И мы, оставив на вокзале вещи, пошли на Подол.

Действительно, там уже начинался жаркий бой. Юнкера, офицеры и часть гражданского населения встретили бешеным огнем киевский пролетариат.

Это сражение, как известно, решило дело в пользу Украинской рады против Временного правительства. Киевский пролетариат занял весь город, но советская власть была утверждена в Киеве только в январе, и то ненадолго, потому что тогда Киев заняли немецкие войска.

Итак, мы вступили в бой прямо с вокзала. Я тогда не стреляла, потому что я никогда не держала винтовки в руках. Но я помогала наступавшим. Я подносила патроны и бинтовала раненых.

А когда кончился бой и весь город был в наших руках, Розенблюм мне сказал:

— Теперь ты выдержала такое большое испытание, что тебе надо вступить в ряды партии.

И вот он написал записку и послал меня в партийный комитет.

Там за столом сидела женщина и заполняла партийные билеты.

А к ней была порядочная очередь из рабочих, матросов и приехавших с фронта солдат.

Я стала в очередь и вскоре получила красную книжечку.

И с тех пор я стала партийной.

А тогда было для Киева исключительно трудное время.

Немецкие войска, гетман Скоропадский, Петлюра и Деникин вступали в Киев и устанавливали там свою власть.

И нам, большевикам, нельзя было сидеть сложа руки.

Только, может быть, месяца два или три до прихода немцев я жила сравнительно спокойно, не участвуя в походах и боях. Тогда был даже такой период в моей жизни, что я сошлась с одним человеком, и мы с ним поженились.

17. В ПОХОДЕ

Дело в том, что я там была знакома с одним революционером-студентом. Его звали Аркадий Томилин. Он был сын чиновника, но он был всецело на стороне пролетариата, когда мы сражались в Киеве. Я к нему питала большое уважение. И он был тоже в меня влюблен. И у нас, вообще говоря, возникло большое чувство друг к другу.

Он не был в партии, но он весь горел, когда дело шло об интересах народа. Он ненавидел дворянство и купечест-

во. И говорил, что каждый честный человек должен биться только за трудящихся. Он говорил, что сейчас наступил такой момент, когда народ может наконец сбросить со своих плеч всех эксплуататоров, с тем чтобы работать в дальнейшем для себя, а не для кучки паразитов. А как это будет в дальнейшем называться — коммунизм или как-нибудь иначе — это его пока не интересует. Там, в дальнейшем, разберутся и сделают именно так, как это будет полезно для трудящегося народа. А пока мы должны биться за эту ближайшую цель, хотя бы это нам стоило жизни.

Он был очень пламенный и честный человек. Он был студент-политехник. Но он курса не закончил. И мы с ним вместе вступили в партизанский отряд, когда Киев был под властью немцев и Скоропадского. А когда немцы оставили Киев (после революции в Германии), мы вступили с ним в ряды Красной гвардии.

Мы с ним вместе находились в Пластунской дивизии на Черниговском фронте.

Я была там в качестве разведчицы, а он состоял в пулеметном отряде.

Но в бою под Черниговом, когда мы брали город, он был убит белогвардейской пулей.

Я привыкла терять людей, и у меня всю жизнь были большие потери, но тут я не знаю, как я была ошеломлена. Я была растеряна и потрясена, и я так плакала, как никогда этого со мной не было и никогда, наверно, не будет в дальнейшем.

Я в то время прямо потерялась от горя, так я его любила.

А мне товарищи сказали:

— Ты, Анюта Касьянова, поклянись над его трупом отомстить за эту смерть и исполнить то, что ты наметила. И тогда тебе будет много легче, чем сейчас.

Я так и сделала.

И верно, мне тогда стало легче. Я дала себе торжественное обещание не выпускать винтовки из рук, пока не исполнятся все наши надежды.

Я тогда как с ума сошла от своего обещания. Я все время была в первых рядах сражавшихся. Я шла напролом куда угодно. Я заходила в тыл к белым и производила там опустошения. Для меня ничего не составляло тогда зайти в тыл и бросить бомбу в какой-нибудь ихний штаб. Я тогда была удивительно смелая и решительная. Для меня тогда не существовало никаких преград.

За этот период я дважды получила награды от штаба армии. Первый раз мне подарили именной браунинг, а второй раз мне подарили золотые часы. Что касается боевого Красного Знамени, то я получила его в дальнейшем.

Но тут в эти два года были такие дела, что об этом следует написать отдельную книжку из эпизодов боевой жизни.

Тут были такие боевые дела, которые, без сомнения, будут описаны историей гражданской войны.

Тут были победы и поражения. Но были и очень тяжелые моменты, когда почти вся Украина была в руках белых и когда на Ленинград наступал Юденич.

Тогда, бывало, зайдешь в штаб, чтоб посмотреть на сводки, и сердце упадет от тоски. Но зато потом мы в один месяц докатили белую армию до Крыма.

И когда мы гнали эту дворянскую Россию аж к самому Перекопу, мне тогда на ум приходили слова ротмистра Цветаева. Он тогда сказал, что приходит час расплаты и час возмездия за все то, что было. И это было действительно так.

Но в то время я еще не знала, где находится ротмистр Глеб Цветаев и где его друг Юрочка Бунаков и наша баронесса Нина Викторовна со своим генералом.

Я о них узнала только потом, когда встретилась с ними в Крыму, в Ялте. Это было перед самым их бегством за границу.

И это был незабываемый момент.

18. ПОЕЗДКА В ЖИТОМИР

В общем, когда наши взяли Житомир и стали энергично продвигаться дальше, отбрасывая белую армию к Крыму, случилось обстоятельство, которое неожиданно выбросило меня из строя на несколько месяцев. Я тогда заболела и чуть не умерла.

Это случилось таким образом. Мне начальник нашей дивизии приказал сопровождать эшелон с больными. Он меня назначил комендантом эшелона. Мне дали это назначение, чтоб я имела некоторый отдых от боевой жизни. Все мои товарищи видели, что я прямо горела на фронте и совершенно не считалась с опасностями. Кроме того, я еще не остыла от потери моего мужа.

И вот решено было переключить мое внимание.

Начальник дивизии мне сказал:

— У нас создается сейчас опасное положение на транспорте. Нужно во что бы то ни стало продвинуть поезда с больными и ранеными внутрь. Мы тебе, Анюта Касьянова, поручаем доставить пять эшелонов в Житомир и назначаем тебя над ними старшим комендантом. И ты помни, что это дело чрезвычайно важное и почетное — везти раненых.

В трех эшелонах были действительно раненые, в двух же эшелонах оказались сыпнотифозные больные. И начальник дивизии сам, наверно, не знал, что мне подсудобили эти эшелоны.

Через несколько дней я уже вполне оценила всю трудность моей задачи.

Это у меня было совершенно невероятное путешествие. Санитары все, к черту, переболели. Уборщицы — и говорить нечего. У нас даже захворали сыпняком все тормозные кондуктора, так что раненые сами тормозили состав. Поездка этим очень осложнилась. Главное, что ухода за ранеными почти не было. И мне самой на спине пришлось таскать раненых и разгружать теплушки от умерших людей.

Вдобавок, чтоб продвинуться вперед, надо было всякий раз добиваться паровозов и путевок.

Тут я поняла, что в боевой обстановке мне было гораздо приятнее, чем здесь. Я тут нажила себе невроз сердца, и у меня даже началась бессонница.

А одного начальника станции я просто даже чуть не застрелила.

Я пришла к нему в кабинет, а он не дает паровоза.

А мы тут уже стоим день. И тут у меня в эшелонах особенно много умирает. И я чувствую, что мне надо двигаться.

Я ему показываю специальный мандат, но он небрежно откидывает его рукой.

Тогда я хочу его взять на темперамент и выхватываю наган.

Я говорю:

— Скажите — будет ли мне паровоз?

Но он, не растерявшись, хладнокровно говорит:

— Глядите, она мне еще смеет угрожать. А ну-ка, спрячь свой пистолет за пазуху, или мы тебя с дежурным по станции выкинем в окно. Каждая, говорит, бабенка начнет мне пистолет в морду совать — что и будет. Вот именно за это я тебя проучу и не дам тебе паровоза.

Тогда я прихожу в такое страшное раздражение, что почти в упор стреляю в начальника станции. И пуля всаживается в стену буквально на расстоянии двух сантиметров от его лица.

И он вскакивает из-за стола и молча, без никакого крика, убегает из помещения.

Я кричу:

— Я вас всех тут, к свиньям, перестреляю.

Тут все забегали, засуетились.

Дежурный по станции говорит:

— Успокойтесь. Паровоз я вам дам во что бы то ни стало.

Действительно, минут через двадцать мне дают паровоз.

И начальник станции тоже вышел к прицепке. Но он не смотрел в мою сторону. И мне от этого было вдвойне совестно, что я так сильно погорячилась.

Я тогда перед самой отправкой велела ему отнести полбуханки хлеба. Он, поломавшись, принял этот хлеб с благодарностью и даже сделал мне приветствие ручкой.

В общем, я предпочла бы находиться на фронте, чем проталкивать поезда. Однако мне надо было исполнить задачу.

И я эту задачу с честью выполнила.

Правда, в пути у меня четверть людского состава перемерла, но могло быть и хуже.

Так или иначе, я доставила эшелоны в Житомир.

В Житомире я пошла в баню. Вымылась. Вышла на улицу. И на улице упала в обморок. И тут начался со мной страшный бред.

Меня отнесли в больницу. И оказалось, что у меня сыпной тиф в крайне опасной форме. Я вскакивала с кровати, разбивала, к черту, все стекла и так далее.

Я почти полтора месяца болела. Но потом поправилась. То есть я настолько плохо поправилась, что еле могла два шага сделать.

А в семидесяти километрах от Житомира жил дядя моей знакомой киевлянки Лели, с которой я тут неожиданно столкнулась в больнице.

Она мне предложила вместе с ней поехать в деревню к этому дяде отдохнуть немножко. И я так и сделала.

Мне в штабе дали отсрочку, дали немного денег, и я вместе с Лелей поехала в деревню, к ее дяде, который довольно мило и сердечно нас встретил.

И я там у него за две с половиной недели удивительно

быстро поправилась, подкрепилась, расцвела и снова решила вступить в дело, так как гражданская война еще не была закончена.

19. ОПАСНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Я тогда снова приехала в Житомир, но там мне в штабе сказали, что обо мне был запрос из Екатеринослава. И что я должна немедленно туда ехать, согласно полученной телефонограмме.

Я приехала в Екатеринослав и явилась в партийную организацию.

Один из работников губкома, мой однофамилец Касьянов Петр Федорович, очень внимательно меня встретил. Он сказал, что у них до меня есть большое дело. Тут он познакомил меня с двумя военными, прибывшими с фронта из-под Перекопа. И сказал, что сейчас совершается исторический момент в судьбе пролетарского движения. Он сказал, что сейчас советская Россия почти чиста от дворянских и буржуазных войск. Вся страна в руках народа, и расцвет страны — недалекое будущее. Но Крым пока еще в руках врага, в руках генерала Врангеля, в руках офицеров, дворян и помещиков. И пока это так, ни в коем случае нельзя складывать оружие.

— Этот фронт,— сказал один из военных,— надо ликвидировать к зиме во что бы то ни стало. Крым сейчас у нас — бельмо на глазу. Мы гнали барскую Россию аж по всему фронту. И не дело, что у нас тут случилось нечто вроде заминки. Пора опрокинуть в море белую армию, засевшую на полуострове.

Тогда Касьянов добавляет:

— И в связи с этим у нас есть очень ответственное до тебя дело. Нам известно твое славное прошлое, и нам хорошо известна твоя боевая готовность и преданность народной революции. Генерал Кутепов зверски разгромил рабочую организацию Симферополя и многих повесил на фонарях. И мы в настоящий момент потеряли связь с нашей подпольной организацией в Симферополе и Ялте. Туда надо каким-нибудь образом пробраться. Надо товарищам передать деньги и сообщить кое-какие инструкции о дальнейшем... Можешь ли ты это сделать? Мы наметили тебя, и никого больше, потому что сейчас в Крым можно пробраться только через линию фронта. А ты можешь в крайнем

случае назваться супругой офицера или что-нибудь вроде этого. Одним словом, тут мужчина не годится, а годится женщина...

И он поглядел на меня и одобрительно добавил:

— Такой наружности, как твоя. И такой храбрости, какая нам известна за тобой.

Для меня был не вопрос, соглашаться или нет. И я сразу ответила:

— Хорошо, я перейду к белым и все сделаю так, как нужно.

Он сказал:

— Но мы не знаем, как они отнесутся к тебе, если они тебя поймают. Вернее, тогда они...

Тут он еще раз вскинул на меня свои глаза, и я вдруг увидела, что он вздрогнул. Он как бы в первый раз на меня посмотрел. И я вижу, что он посмотрел так неравнодушно и с таким глубоким волнением, что я смутилась.

И тут я вижу, как может видеть женщина, что я так ему понравилась, как это редко случается. Тут я увидела, что у него в одно мгновение сгорело от меня сердце. Он положил свою пылающую ладонь на мою руку и так от этого застыдился, что не знал, что сказать. И тут все присутствующие увидели, что происходит что-то не то. Все закашлялись. И он тоже закашлялся, встал со стула и прошелся по комнате.

Мы все ждали, что он скажет. И я подумала: «Только бы он не сморозил какую-нибудь несообразность».

Но он сказал:

— А если твое здоровье, товарищ Анна Касьянова, не в порядке, то тебе ни в коем случае на это не надо идти. Мы тогда найдем еще кого-нибудь на этот предмет.

Я сказала:

— Здоровье мое теперь вполне порядочно. И то, что сказано, я исполню с большой охотой и радостью.

Один из военных сказал:

— Давайте так условимся: мы доставим вас завтра на передовые позиции, изучим с вами план, и потом уж можно будет перейти.

Касьянов пошел проводить меня до лестницы, и там он мне сказал:

— Когда ты вернешься из Крыма, то, если можно, я бы хотел тебя увидеть... Я,— говорит,— смущаюсь об этом говорить, но ты перед собой видишь человека, который, кажется, полюбил тебя с первого мгновения. Я сам

удивляюсь, что это так произошло. но ты именно такая женщина, какая отвечает моим представлениям. И для меня, говорит, была бы большая и непоправимая потеря в жизни, если б я тебя потерял из виду.

Если говорить откровенно, то я была взволнована его словами. Я не могу сказать, что он, этот сорокалетний мужчина, мне тогда понравился, но я тем не менее, сама не знаю почему, согласилась с ним увидеться после возвращения. Хотя это было не в моем принципе. Уж если человек мне предельно не понравился, так это было не в моем характере что-нибудь ему обещать.

В общем, мы с ним попрощались и дали друг другу обещание не забывать сегодняшнего дня.

20. НОЧНОЙ ПЕРЕХОД

В этот же вечер мне дали пояс с деньгами, которые я должна была передать подпольной симферопольской организации. Потом мне дали точные инструкции и велели наизусть запомнить два адреса — в Ялте и в Симферополе. По этим адресам я должна была явиться и передать инструкции и распоряжения о возможных стачках в Крыму.

Затем я потребовала, чтоб мне выдали самое лучшее шелковое белье, хорошее платье и все, что полагается к наилучшему гардеробу. Мне хотелось быть подкованной до мелочей. И, на случай ареста, я решила выдать себя за женщину, бежавшую из советской России. Я решила сказать, что я жена офицера или что-нибудь вроде этого.

Мне выдали из конфискованных вещей такие дивные вещи, какие я только видела у баронессы Нины Викторовны.

Кроме того, мне дали для дворянского шика одно кольцо с розовым камешком и одну браслетку.

Но когда я стала эти украшения надевать на свои руки, загрубелые от кухни, то я поняла, что версия об офицерской жене, пожалуй, мне не пригодится.

Но я пока не стала обдумывать, за кого я себя выдам. Я почему-то надеялась на полный успех. Я надеялась, что я, пользуясь своим опытом разведчицы проникну без ареста на территорию белых.

Я вызубрила два адреса. Надела пояс таким образом, что в случае чего я могла его в один момент сбросить.

Я еще хотела непременно надеть лорнетку с цепочкой, как это бывало у высшей аристократии, но лорнетку мне

не нашли и вместо этого дали хорошенький перламутровый бинокль, тоже дивной художественной работы.

На другой день меня доставили на позиции к самому Перекопскому перешейку.

Сначала я решила было переходить в районе железнодорожного моста, но начальник дивизии товарищ Грязнов отсоветовал мне это делать. Он сказал, что вся линия полотна особенно тщательно проверяется и что надо поискать иных ходов, потому что тут нет ни одного шанса пройти незамеченной.

И тогда, изучив план всего фронта, мы решили, что следует перейти в другом месте, около укреплений, которые, кажется, если я не забываю и не путаю, называются Юшуньскими.

Это место было до удивительности открыто. То есть тут было почти сплошное ровное место вроде степи. Так что в смысле перехода тут, казалось, до поразительности трудно было что-нибудь сделать. Однако тут имелось болото. И местами оно было как бы даже скрыто от глаз. И я, как разведчица, сразу оценила это обстоятельство. Тут, видимо, и охраны было наименьше всего, и переход был отчасти возможен. Во всяком случае, все другие места не выдерживали критики в сравнении с этим.

Интересно, что через четырнадцать лет, в 1935 году, в этом болоте были найдены остатки трупа красноармейца. Он был с большими почестями похоронен. Это одно говорило за то, что, несмотря на ровную позицию, тут были места, до некоторой степени укрытые от глаз.

Еще была возможность перейти по самому берегу Сивашского Гнилого моря. Но это меня менее устраивало, потому что там надо было около двух километров шлепать по соленой воде.

Так что я со спокойной душой решила остановиться именно на выбранном болотистом месте.

Я два дня изучала план неприятельских позиций. Вся моя задача заключалась в том, чтобы под покровом ночи постараться незаметно пройти через неприятельскую укрепленную линию. Для этого мне надо было перерезать проволочные заграждения и пройти в том болотистом месте, которое наименьше всего охранялось. И если бы я в том месте попалась, тогда мне пришлось бы начать свое вранье о бегстве от советского режима. Но это было бы уже плохо. Только дурак поверил бы, что я для этой цели

могла пройти через красных. Тем не менее иного выхода для перехода к белым не было.

В общем, если я пройду в тыл незамеченной, то дальше было бы просто — у меня в поясе были такие документы, что сам барон Врангель ахнул бы от удивления.

Я много мучилась с костюмом. Я их переменила несколько штук. Мне все хотелось, чтобы было естественно. Но особенно естественно не получалось. Тогда я остановилась на своем обыкновенном потрепанном платье. Но зато под платье я надела шелковое белье. И теперь я была более похожа на тоскующую женщину, бежавшую от советской власти.

Но вот наконец все было готово, и в ночь на двадцать восьмое сентября, в одиннадцать часов ночи я вышла из наших окопов.

Наш патруль провел меня шагов двести и оставил в поле с одним разведчиком, который в совершенстве знал всю эту местность.

Было ужасно темно. Луны не было. Неприятельские ракеты по временам ярко освещали поле. Сердце мое учащенно билось. Но страха я не чувствовала. Наоборот, был прилив энергии и желание поскорей и наилучшим образом все сделать.

Мой разведчик тронул меня за руку, и мы с ним медленно и осторожно пошли.

Наконец мы наткнулись на проволочные заграждения. Мы с разведчиком ножницами перерезали колючую проволоку и пошли дальше. Кое-где раздавались выстрелы. И снова кверху стали взвиваться ракеты.

Наконец, пройдя еще шагов сто, мой разведчик дал наставление, куда мне идти дальше, и, попрощавшись со мной, удалился.

Я осталась одна. Кругом меня было болото. Я шла страшно медленно и с таким трудом, что, казалось, теряла силы. Я шла по направлению звезды, указанной разведчиком.

В одном месте я лежала на кочках минут двадцать. Я так устала и утомилась, что мне вдруг захотелось тут заснуть. Я с трудом прогнала это сонное настроение и пошла дальше. Но тут вскоре я увидела, что ракеты взвиваются к небу позади меня. Значит, я миновала уже неприятельские позиции. Это был невероятный случай, но это был факт, и эта честь принадлежала нашему опытному разведчику.

21. АРЕСТ

Я шла теперь по ровному полю. Прошла немного более версты и вдруг наткнулась на какую-то деревянную будку.

Это было настолько неожиданно, что я чуть не вскрикнула.

Я шарахнулась в сторону. Но в этот момент кто-то закричал:

— Стой! Кто идет?

Я знала, что молчать нельзя. Я сказала:

— Вот что — я пробираюсь к белым.

Тут раздались быстрые шаги, ко мне подбежали двое.

К моему удивлению, это были офицеры. Я была готова к аресту, но я предполагала, что меня арестуют солдаты. Мне было бы с ними легче договориться. Но тут были офицеры в золотых погонах и с шашками. Это меня неприятно поразило.

В этот самый момент на небе появилась луна, и стало довольно светло.

Один из офицеров схватил меня за плечо и стал трясти. Он был, видать, испуган неожиданностью и взбешен. Он закричал:

— Так кто такая? Ты как сюда попала?

Другой офицер сказал:

— Ясно, что это красная дрянь. Больше тут некому шляться.

Я спокойно ответила:

— Пойдемте, господа, в штаб. Я там скажу.

Мне хотелось выиграть время. И сама не знаю, на что я тогда надеялась.

Я сказала офицерам:

— Я пробираюсь, господа, в Симферополь по своим личным делам. Я бежала от красных.

Они засмеялись и сказали:

— Что-то не похоже. Пойдем, однако, в штаб дивизии.

Но они стали уже более вежливы.

И мы с ними пошли в штаб.

Моей усталости как не бывало. Я лихорадочно обдумывала план действия. Ни о каком бегстве не могло быть и речи. Офицеры с наганами шли плечо к плечу.

Прежде всего мне надо было освободиться от пояса.

Пояс находился у меня под платьем, и он был так устроен, что его легко можно было сбросить.

Я незаметно провела рукой по животу. Пояс скользнул

по моему шелковому белью и по ногам и мягко упал на траву.

Офицеры не заметили.

Мне стало вдруг так жалко денег и документов, что я чуть не расплакалась. Но делать было нечего. надо было спасать шкуру для дальнейшего.

Тут я подумала, что надо бы, на случай, запомнить место, где упал пояс. Но как это, черт возьми, сделать?

Я стала считать шаги. Мне хотелось сосчитать шаги вплоть до какого-нибудь особенно характерного места, которое я могла бы запомнить.

Я сосчитала семьсот пятьдесят шагов, и вдруг мы вышли на полотно железной дороги. Я снова стала считать шаги. И до столба с номером семьдесят шесть я сосчитала сто шагов.

После чего я стала думать о своем предстоящем вранье.

Мне вдруг вспомнился интересный факт из моего недавнего боевого прошлого.

У нас на фронте под Черниговом был задержан белый офицер, некто полковник Калугин. Он был молодой, лет тридцати. И он нас удивил своим поведением.

Он держал себя очень смело и непринужденно, когда его привели в штаб.

Его спросили, для какой цели он перешел к нам.

Мы ожидали от него услышать всякое вранье, но он так сказал:

— Да, я по убеждению белый офицер. Я скрывать от вас не буду, что я с революцией ничего общего не имею. Но в данном случае я прошу поверить моему честному слову — я перешел к вам отнюдь не по делам военным или политическим. Я питаю большую любовь к одной женщине, которая осталась при отступлении в Орле. И у меня такое к ней неудержимое чувство, что я решил повидать ее. Если вы меня отпустите с ней назад — я по-человечески вам буду исключительно благодарен и не буду с вами сражаться. Если нет — я останусь тут с ней. Если вы, конечно, помилуете меня и не расстреляете. Я знал, на что шел.

Эти речи нас всех привели в удивление, и мы не знали, что подумать.

На полевом суде этот полковник Калугин на все вопросы отвечал с достоинством, но настаивал на своей любовной версии.

Однако суд не нашел причин для помилования и при-

говорил полковника к высшей мере. Причем прокурор ему сказал:

— Мы хотели бы, полковник, уважить вашу последнюю просьбу. И, если вы найдете нужным, мы передадим вашей любимой женщине то, что вы захотите,— карточки, вещи и последний привет. Это делает вам честь так любить. Но вы наш враг, и мы не имеем права поступить сейчас иначе.

На это полковник рассмеялся и сказал:

— Неужели вы могли думать, что в такой момент, когда решается судьба России, русский офицер мог пришиться к бабьей юбке?.. Никакой женщины нет... Это была моя выдумка, чтоб вас провести... Не удалось — не надо. Я готов умереть.

Это так нас всех удивило, что мы были ошеломлены. И мы тогда поняли, что поражение белых под Черниговом нельзя рассматривать слишком просто. Враги, несмотря на свою дряблость, имели сильных и весьма мужественных людей. И было бы политической ошибкой думать, что там были только сор и мусор.

И вот, когда меня офицеры вели в штаб дивизии, я подумала об этом случае. И мне показалось, что было бы хорошо рассказать в штабе о какой-нибудь подобной любовной истории. И если мы поверили, то, может быть, и тут поверят.

И, когда я пришла к решению рассказать в штабе что-нибудь из любовных приключений, мне сразу стало на душе легко, и я уже не сомневалась в успехе.

В это время один из офицеров грубо схватил меня за плечо и велел остановиться. Мы стояли теперь у какого-то домика. Вероятно, тут был штаб дивизии.

Было еще темно, но небо начинало немного проясняться. Вероятно, было около пяти часов утра.

22. ПЕРВЫЙ ДОПРОС

Меня почему-то не стали тут допрашивать. Меня только тут обыскали в высшей степени грубо и нечутко. Но ничего не нашли.

А после обыска я полчаса сидела на ступеньках, а против меня стоял офицер с наганом и в упор меня разглядывал. А другой офицер куда-то ушел.

Наконец он явился и сказал:

— Генерал велел отвезти ее в Джанкой. Один из нас должен ехать. Если хотите, поручик, то поезжайте.

Мы прошли с этим поручиком несколько километров пешком и наконец сели в товарный состав, который и доставил нас в Джанкой.

Откровенно говоря, я была так утомлена ночной передрягой, что сразу, как камень, заснула на полу теплушки. И когда проснулась, мы стояли уже в Джанкое.

В общем, минут через десять я была уже на допросе. Меня допрашивал некто полковник Пирамидов, перед которым навытяжку стоял приехавший со мной офицер.

По-видимому, этот полковник был начальником контрразведки или что-нибудь вроде этого.

Узнав от офицера подробности, он отпустил его и, оставшись со мной в комнате, любезно начал беседовать. Но его любезность меня не успокоила. Я увидела, что он даже не посмотрел на меня сколько-нибудь внимательно. И это меня отчасти устрашило. Это была игра без козырей. Наверно, после ночной передряги я выглядела ужасно. Я чувствовала, какая я была грязная и растрепанная, как ведьма.

Полковник расспрашивал меня о том о сем, и я ему на все отвечала как находила нужным.

Я ему собиралась сказать что-нибудь правдивое, соответствующее моменту. Я хотела сказать, что я ищу офицера, которого люблю больше жизни, и благодаря этому перешла сюда. Но в последний момент, несколько растерявшись, не совсем так сказала. Я сказала, что я жена офицера, который тут, в Крыму.

Он спросил: «А как его фамилия?» И я отвечала: «Он носит фамилию Бунаков, Юрий Анатольевич».

— А какой он воинской части?— спросил меня полковник.— Что-то мне знакомая фамилия.

Я сказала:

— Он поручик лейб-гвардии конной артиллерии.

Полковник Пирамидов, засмеявшись, сказал:

– Вы это хорошо изучили. Только извините меня — быть того не может, чтоб вы были его жена.

И он посмотрел на мои мужицкие руки.

Я сказала:

— Вернее, я его любовница. Он меня бросил. Но я его так люблю, что я решила его обязательно найти. Я с ним два года жила. И теперь так по нем тоскую, что места себе не нахожу.

Тут я увидела, что полковник Пирамидов мне не особенно верит. Он начал со мной шутить, задавать забавные вопросы и выспрашивать мое прошлое.

Потом он грубо сказал:

— Я тебя посажу в подвал. И ты подумай хорошенько, что именно тебе следует рассказать. А если ты, скотина, ответишь мне по-прежнему враньем, то это факт, что я тебя пошлю путешествовать на небо. Мне наконец надоела твоя наглая ложь. Уж за одно, что ты назвалась женой гвардейского офицера, тебе следует хорошенько всыпать.

Он позвал вестового. И тот отвел меня в соседний дом и там меня бросил в подвал.

А когда меня вели к подвалу, один какой-то белобрысый офицер с огромным любопытством посмотрел на меня. И я видела, что он хотел даже подойти ко мне, но конвойный не разрешил ему это сделать. Мне было тогда не до того, и я не обратила на это особого внимания.

Подвал, куда меня сунули, был с крошечным оконцем, в которое едва могла пройти кошка.

Я была ошеломлена и растеряна. Я понимала, что дело со мной исключительно плохо и все, вероятно, кончится расстрелом. Я себя ругала за нетвердые и дурацкие ответы. И за то, что не могла сочинить поскладнее любовную историю.

Однако надо было выпутываться. Я решила ни в коем случае не признаваться, так как тогда моя гибель была бы неизбежна. Я решила настаивать на любовной версии.

Я сидела в подвале на куче мусора и камней и обдумывала, как мне вести себя и что говорить при следующем допросе.

Вдруг я услышала музыку. Кто-то играл на баяне.

Я подошла к окну и увидела, что по двору гуляет сам полковник Пирамидов.

Он сентиментально гулял, заложив свои барские руки за спину. Он был очень такой, что ли, задумчивый и грустный.

Позади него шел солдат, который на ходу играл ему на баяне.

Солдат играл исключительно хорошо. Он играл народные песни.

Потом он заиграл такую песню, от которой я неожиданно заплакала. Я не знаю, что это за песня. Я ее раньше никогда не слышала. Она начиналась со слов:

В голове моей мозг иссыхает,
Сердце кровью моей облилось...

И так далее, что-то в этом духе.

Это было совершенно не в моем характере — плакать. Но у меня после допроса нервы были до того расшатаны, что я разрыдалась от этой песни. Очень уж она была какая-то особенная. И солдат пел таким тонким голосом, что у меня сердце переворачивалось.

Но, поплакав, я снова взяла себя в руки. Эта моя минутная слабость сыграла даже хорошую роль. Я дала себе слово не падать духом ни при каких обстоятельствах Что из того, что я буду плакать и убиваться. Лучше я буду бороться до самой последней возможности. И подороже и с пользой продам свою жизнь, которая принадлежит не мне, а революции.

Эти мысли меня успокоили. Мне снова стало легко и просто.

Поздно вечером за мной зашел какой-то молодой офицер. Он был со мной до неприятности вежлив. Он сказал:

— Сударыня, вас приглашает полковник Пирамидов. Идемте за мной.

23. ВТОРОЙ ДОПРОС

Полковник Пирамидов начал со мной говорить сначала весьма любезно. Он мне предложил сесть и велел подать чашку чаю.

И я начала пить чай и слушала, что полковник мне говорит. Он говорил мне о слишком ответственном моменте, когда поставлена на карту судьба всей России, и сказал, что если им придется покинуть Крым, то страна будет растерзана на части другими государствами.

Я ему хотела возразить, но сдержалась. На этом он меня бы поймал.

Когда я кончила пить чай, полковник Пирамидов ударил кулаком по столу. Он вскричал:

— Ты обманщица и негодяйка! Теперь мне совершенно ясно, что ты подослана к нам. Я непременно тебя сегодня расстреляю.

Я сказала:

— Вы, полковник, опрометчиво решаете.

— Я тебе дал чай,— закричал полковник,— с тем, чтобы

тебя испытать. Это вранье, что ты была два года любовницей гвардейского офицера. Ты пила чай как мужичка. Я велел тебе подать сахарный песок вместо рафинаду. И ты его брала ложкой, вместо того чтобы положить в чай. Ты никогда не сидела за одним столом с порядочным человеком. Я даже не могу допустить, чтоб штаб-ротмистр Бунаков два месяца с тобой жил. Давай прекрати это бесстыдное вранье и скажи так, как есть. Ты зачем перешла позицию?

Я была ошеломлена до последней степени, потому что выводы полковника были абсолютно неправильны. Я сахар не положила в чай не потому, что я не знала этих великосветских правил. На это я достаточно насмотрелась в бытность свою у баронессы. А я не положила сахарный песок в чай потому, что я привыкла его экономить. Тогда был голод, и у нас вообще ни у кого не было привычки пить внакладку. Я ела сахар с ложечки и пила чай как бы вприкуску. И то, что полковник построил свои выводы на чепухе, это меня почему-то в особенности оскорбило. Я была до того этим ошеломлена, что буквально не нашлась что-либо сказать.

И мое молчание меня отчасти погубило.

Полковник Пирамидов закричал:

— Я тебя спрашиваю, нахалка, зачем ты перешла позицию?

И хотя я была ошеломлена, но сказала твердо:

— Я перешла позицию, чтобы встретиться с человеком, которого я люблю больше жизни.

Полковник закричал на меня страшным голосом:

— Ты врешь, негодяйка! Твои мужицкие руки выдают тебя с головой. Ты этими грязными руками подбираешься схватить нас за горло. Ты такая некрещеная тварь, какой свет не видел... А то, что ты мне позволяешь так с собой говорить, еще раз убеждает меня в моем подозрении. Ты большевичка. На тебе даже, я уверен, креста нет.

И он с такой силой рванул мое платье, что разорвал его до живота. И сам он был такой страшный, что я подумала — он меня убьет.

Но я сама почему-то была взбешена, когда он меня назвал некрещеною тварью, хотя мне это было, в сущности, решительно все равно и на это было в высшей степени смешно обижаться. Но мне надо было на чем-нибудь сорвать свою злобу. И поэтому я ему сказала:

Меня крестили, а тебя, я вижу, в помойную яму опустили.

Он рванул меня за плечо и другой рукой со всей силы ударил по лицу. Кровь брызнула у меня из носа и изо рта. И я выплюнула два зуба.

— Боже мой!— закричал полковник.

Он упал в свое кресло и схватил свою голову руками.

Он сказал:

— Боже мой! Если бы пять лет назад кто-нибудь посмел сказать, что я ударю женщину, я бы застрелил такого негодяя... Слушай ты...— сказал он мне.— Ты своим наглым упорством довела меня до сумасшествия... Я не должен бы тебя бить таким образом, как бьют мужчину. Вот за это я тебе никогда не прощу.

Я молчала.

Он снял со своей руки кольцо и с дикой злобой бросил куда-то в угол.

Он сказал:

— Негодяйка! Я на этом кольце носил такой девиз, которые воспрещал мне грубое физическое воздействие над женщиной. Я окончил Павловское военное училище, и этим все сказано. Ты меня толкнула поступить против девиза. И теперь я тебя во что бы то ни стало велю расстрелять.

В этот момент в дверь кто-то постучал.

— Нельзя!— диким голосом закричал полковник.

За дверью кто-то сказал:

— Слушай, Пирамидов. Одну минуту. Крайне важное сообщение.

Дверь открылась. В комнату вошел офицер. И тут я увидела, что этот офицер — ротмистр Глеб Цветаев.

Он был в таком же виде, как и всегда. Он был красивый и чудно одетый, и черные усики оттеняли его лицо. Он поморщился, когда меня увидел. Но он не узнал меня. Мое лицо было разбито и в крови, платье разодрано, и вся я была грязная и выпачканная, как черт.

Он сказал улыбаясь:

- Фи, полковник. Ну как можно так. Что за методы...

Он вытащил из кармана батистовый носовой платок и бросил мне, чтоб я вытерла лицо. Я не стала этого делать. Я боялась, что он меня узнает. И тогда мое вранье о Бунакове окончательно обнаружится. Я сидела на лавке, закрыв лицо руками.

Полковник сказал:

— Это красная. И я в этом совершенно уверен... Наше

положение столь напряженно и тревожно, что я немного понервничал.

Ротмистр Цветаев сказал:

— Ты знаешь, меня назначили начальником контрразведки в Ялту. Сейчас еду... А что касается нашего положения, то оно хуже, чем ты думаешь... Я сейчас от Кутепова. Тот взбешен и в ужасном виде... Как страшно все это, Пирамидов! Какой жуткий исторический момент. Мы, крошечная кучка цивилизованных людей, отступаем под натиском мужицких войск... Мы пока держимся на маленьком полуострове... Но сколько это может продолжаться...

Полковник сказал:

— Я тоже думаю, что наша судьба решена. Да, мы — последние римляне. Мы последний оплот цивилизации. Дальше — мрак и средневековье. Хорошенький момент, черт возьми.

— Кажется, пришло возмездие,— сказал ротмистр Цветаев.

И он снова повторил фразу, которую я слышала от него: «Деды ели виноград, а у нас оскомина».

У меня вертелось на языке возразить этим офицерам. Мне хотелось сказать о новой, прекрасной цивилизации, которую несет трудящийся мир. Мне хотелось сказать: да, господа, пришло возмездие, пришел час расплаты за все беды, за все несчастья, которые терпел народ от своих притеснителей, от своих бар и помещиков.

И хотя я сама тогда была не слишком-то подкована в этих вопросах, но мне захотелось им сказать, как они ошибаются в своих воззрениях.

Но я, конечно, не посмела ухудшить свое положение. Моя жизнь принадлежала не мне. И поэтому я молчала. Хотя меня раздирали слова и я еле сдерживалась, чтоб молчать.

Полковник Пирамидов крикнул вестового. Потом пришел какой-то офицер, которому Пирамидов шепотом отдавал длинные приказания.

Этот офицер сказал мне: «Идемте».

И мы вышли из помещения.

24. НЕОЖИДАННОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ

Через полчаса они со мной разыграли весьма некрасивую комедию. Они разыграли сцену расстрела. Они хотели выпытать от меня то, что я от них скрывала. Они подумали,

что перед дулом винтовки я непременно упаду духом и тогда им во всем покаюсь.

Они отвели меня в какой-то сад и там поставили к дереву. И скомандовали: «Пли!»

А перед этим они сказали, что помилуют, если я им признаюсь. Причем они били меня плетью и шомполом, чтоб я им все сказала. Они меня били по плечам и по спине. И я молча сносила эти удары.

Я рассчитывала, что если я сейчас признаюсь, то тогда-то уж непременно мне будет крышка. И поэтому, когда они задавали вопросы, я снова настаивала на своем, хотя под конец я уже теряла силы и сознание. Я еле стояла от боли, негодования и страха смерти.

Они мне сказали, наведя на меня винтовки:

— А ну, произноси свое последнее слово. Уж теперь-то тебе все равно крышка.

Я им ответила:

— Свое последнее слово я вам уже сказала. Но если тем не менее вы меня теперь все же решили пристрелить, то вы есть подлые негодяи. И это есть самое наипоследнее мое слово, произнесенное в этом мире.

Они страшно поразились моему упорству. Я видела, как они пожимали плечами и недоумевали, и я уж не знаю, что они подумали. Они выстрелили в меня поверх головы. И я упала. Я думала, что я убита или ранена. Но оказалось, что не то и не это. И они меня снова отвели в подвал и там бросили.

Первые два дня я, откровенно скажу, лежала почти без движения. Я не прикасалась даже к еде и только пила воду

Но потом мне стало лучше. Я, сколько возможно, привела себя в порядок. И тогда почувствовала такой прилив энергии, что мне захотелось убежать.

Я попробовала раскачать камень у подвального окошечка. Он не поддавался моим усилиям. Но я не теряла надежды.

Вдруг я увидела, что кто-то на оконце положил ветку винограда.

Это меня удивило. И я подумала — неужели среди тигров нашлась мягкая душа?

Так или иначе, я скушала этот виноград. И снова стала готовиться к побегу.

Но вот кто-то из офицеров подошел к подвалу и мне сказал:

— Выйдите наверх, мне надо с вами поговорить... А если вы так слабы, что не можете подняться, то я вам помогу.

Меня рассмешили эти слова. И я, забывши о своем надуманном положении, сказала:

— Мерси, я не нуждаюсь в посторонней помощи. Это ваши офицерские дамы не могут обходиться без поддержки, а я,— говорю,— еще чувствую себя довольно порядочно.

Однако я слишком понадеялась на свои силы. И когда я вышла из подвала и очутилась в саду, у меня так голова закружилась, что я чуть не упала. Но я не хотела перед своим врагом показать свою слабость. Это было не в моих привычках. И, чтобы скрыть свое головокружение, я нагнулась и сорвала два каких-то цветочка.

Офицер сказал:

— На вас приятно глядеть — какая вы здоровая, энергичная и сильная женщина. Другую совершенно бы подломила вся история, подобная вашей. А вы вышли из подвала и стали цветы собирать как ни в чем не бывало. Эта живость меня восхищает до последней степени.

Я говорю:

Если вы, господин офицер, решили мне тут делать комплименты, то я удивляюсь, что вы избрали такой момент. Лично,— говорю,— мне не до этого.

Офицер, засмеявшись, сказал:

— Мне и эти ваши резкие слова весьма нравятся, и они находят отклик в моем сердце. Они опять-таки показывают вашу большую моральную силу.

Тогда я с удивлением посмотрела на моего собеседника.

Я увидела перед собой офицера лет тридцати. Это был тот самый офицер, который хотел ко мне подойти, когда меня вели в подвал. Он был белобрысый и некрасивый. У него были маленькие свинячие глаза и физиономия одутловатая и нездоровая, со шрамом на щеке.

Он сказал:

— Если говорить откровенно, то я наблюдал за вами все эти дни. Я не скрою от вас, вы мне понравились с первого же момента. Вы мне напомнили мою жену, которая бросила меня в Киеве... Она была вроде вас, такая же сильная и непреклонная. И я единственно уважаю в жизни — это силу и здоровье. Все остальное меня не волнует... Я сам крестьянский сын, сын полей и природы... Но что вы видите в настоящий момент перед собой? Я дня не могу прожить, чтобы не заправиться кокаином. И без этого я весь развинченный и в таком виде, что вы бы удивились... Да, я где-то

потерял свою силу, но я продолжаю восхищаться, когда это вижу у других.

Я сначала подумала, что этот человек что-то вроде провокатора и что он, наверно, подослан меня испытать. Но с каждым его новым словом я видела, что это вроде бы как одержимый. Не то чтобы это был ненормальный, нет, он был просто во власти своих психических представлений, занюханный кокаином и ослепленный своей идеей.

Он сказал:

— Я прошу вас, мадмуазель, не удивляться моим словам. Мне полковник Пирамидов обещал освободить вас в том случае, если вы...

И он, замявшись, добавил:

— Если вы... в общем, он освободит вас, если кто-нибудь из господ офицеров будет с вами жить... вместе... Он имеет к вам подозрение... Он хотел, чтобы вы были под присмотром... И если вы согласитесь, чтоб мы были вместе, то все закончится к общему благополучию.

Я была так поражена этим предложением, что даже не сразу поняла, о чем идет речь.

Он снова повторил свои слова и добавил, что никакого принуждения он не хочет. Он мог бы, конечно, поступить иначе, но он хочет настоящих чувств, а не насилия.

Вероятно, в моем положении надо было на это согласиться, но я не могла. Мое сердце женщины разрывалось от чувства возмущения и досады. И я отклонила это странное предложение быть его любовницей.

Он сказал:

— Я не знаю, кто вы такая, и не хочу об этом знать. А что касается меня, то я не боевой офицер. Я благодаря ранению заведую хозяйственной частью. Я прапорщик и вот уже четвертый год нахожусь в этом чине без малейшего желания стать генералом.

Я спросила его:

— Что же, вы сами, что ли, обратились к полковнику, или он вам предложил меня?

Прапорщик сказал:

— Я чувствую, что я упал в ваших глазах, но, если хотите знать правду, я просил его о вас. И он сказал: «Можете ее забирать, только чтоб она не наделала нам делов. Вы за нее ответите».

— И вы согласились?

— Да, я согласился...

Я сказала:

— А я все же несогласна. Я не продажная бабенка, которую вы, офицеры, привыкли покупать на улице. Передайте вашему полковнику, что он хам. И что пусть он поищет развлечений для своих подчиненных где-нибудь в другом месте.

Прапорщик был смущен до последней крайности. Он сказал:

— Хорошо. Я скажу полковнику, что я с вами договорился, а вы можете идти куда хотите.

Мне показалось это фальшью и показным благородством. Но я сказала:

— А если я этим воспользуюсь?

— Хорошо. Воспользуйтесь. Только я прошу вас запомнить, где вы меня можете найти, если вы в Симферополе не найдете вашего любовника. Позвольте представиться — я прапорщик Василий Матвеевич Комаров, заведующий хозяйственной частью комендантского управления в Симферополе. Там вы меня можете очень легко найти... И, вероятно, вам придется это сделать. Вы без денег, без паспорта, без квартиры... Так что я вас отпускаю с полной уверенностью, что наши пути еще сойдутся. Я верю в судьбу и знаю, что вы мне посланы вместо моей первой жены, которая меня бросила ради какого-то негодяя... Она не понимала ни меня, ни моего сердца... Итак, вы свободны. Идите!

И прапорщик Комаров сделал рукой театральный жест.

Я не знала, что мне думать. Я снова стала предполагать, что нет ли тут провокации. Но, как бы то ни было, я была благодарна случаю, хотя и не могла верить в благополучный конец.

Я сказала:

— Значит, я могу вас так понять, что я свободна?

Он сказал:

— Да, вы свободны. Только если вас спросят, вы скажите, что вы договорились со мной.

От радости и счастья, что я свободна, я вскочила на ноги и почувствовала такой прилив сил, как в дни самого большого счастья.

25. В СИМФЕРОПОЛЕ

Вскоре я привела себя в порядок, вымылась и поправила разорванный туалет. Но, когда я взглянула на себя в зеркало, я пришла в большое огорчение. Лицо было избито и

в синяках. Только что мои голубые глаза по-прежнему сияли. Все остальное не было в порядке. И нужно было недели две, чтоб все пришло в свою норму.

Но все же я решила идти в Симферополь.

Я попрощалась с прапорщиком Комаровым. И с удивлением на него поглядела — зачем он меня отпускает неизвестно куда. Я ему сказала об этом. Он, засмеявшись, ответил, что он очень рад, если я оценила его благородство. Что не все женщины так чутки и не все женщины умеют разбираться в сердце мужчины.

— Кроме того,— добавил он,— я непременно вас найду. Я совершенно уверен, что далее Симферополя вам не уйти без моей помощи... Ну, а если уйдете — значит, не судьба, и, значит, не вы предназначены заменить мою потерянную жену.

Тут я увидела, что мои шансы возросли, если он заговорил чуть ли не о женитьбе. Но все же я поспешила в Симферополь. Меня там ждали дела. И мне не к лицу было выходить замуж за своего врага, за этого белобрысого прапорщика из белой армии, ищущего, как в бреду, возвышенных чувств в стенах контрразведки.

Я добралась до Симферополя на другой день.

Симферополь был как осажденный город. На вокзале на фонаре висел повешенный. Всюду проходили войска и везли пушки. Я поняла, что положение мое будет печальным, если я кого-нибудь не найду из указанных мне лиц. Но вместе с тем я чувствовала, что вряд ли тут кого-нибудь можно найти.

И когда я подошла к нужному мне дому, я там увидела кавалерийских лошадей. И в саду стояла военная палатка.

Поэтому я, конечно, сразу не рискнула туда зайти. Это был номер, если бы меня там захватили как явившуюся в подпольную организацию.

По всему видно было, что конспиративная квартира тут была разгромлена. Однако надо было проверить.

Я стояла на улице, недалеко от этого дома, и вдруг увидела, что идет женщина — гонит корову. Я разговорилась с ней, и как-то так вышло, что женщина предложила мне пожить у ней — поработать.

Мое положение было ужасно. Без денег и без ничего — я могла просто пропасть. Вдобавок изуродованное лицо мне не позволяло идти на дальнейшее. Я согласилась. И пошла с ней.

Оказывается, она жила через дом от нужной мне квартиры.

И вот я стала у нее жить. Я прожила у нее больше десяти дней. И за это время мое лицо пришло в себя. Я снова стала такая же, как прежде. И я подумала, что прапорщик Комаров вряд ли так легко отпустил бы меня, если б снова встретил.

Кроме того, за эти десять дней я узнала все подробности. Я узнала, что генерал Кутепов своими действиями навел прямо ужас на весь Симферополь. Тут еще недавно десятки повешенных висели на уличных фонарях. А что касается нужной мне квартиры, то там была какая-то целая история со стрельбой. И что там многие были арестованы и расстреляны.

Короче говоря, создавалось такое положение, что мне в Симферополе делать было нечего. Мне надо было пробраться в Ялту. Но как это сделать — это был большой вопрос. Туда попасть было нелегко, а в моем положении просто невозможно, так как я не имела никакого положения и никакого, хотя бы даже плохонького, удостоверения личности.

Вместе с тем я чувствовала, что мне надо действовать. Мне нужно было пробраться в Ялту и там завязать отношения. А между тем прошло уже три недели со дня моего перехода, и я ничего не сделала. Да еще вдобавок потеряла пояс с казенными деньгами. Все это меня приводило теперь в глубочайшую меланхолию. Я буквально не знала, с чего мне начать.

Был такой момент, что я даже хотела обратиться к прапорщику Комарову. Я хотела через него что-нибудь сделать. Но когда подумала о нем, то отложила эти мысли. Мне было бы очень нелегко сойтись с этим прапорщиком. Он меня раздражал своим показным, фальшивым благородством и пьяным бредом.

Я решила обойтись без его помощи.

26. РУКА И СЕРДЦЕ

В расхлябанном состоянии я шла однажды от вокзала к своему дому.

И вдруг неожиданно столкнулась с прапорщиком Комаровым.

Я вскрикнула от удивления. Хотела быстро уйти. Но

он догнал меня и схватил за руку. Я увидела, что он был как в бреду и занюханный кокаином.

Он сказал:

— Я от одиночества опять стал сильно нюхать кокаин. А у меня порок сердца, и мне это абсолютно нельзя... И я знаю, что только вы, сильная и здоровая женщина, можете меня вполне спасти от ужасной гибели... И если я вас потеряю, то я пропаду, потому что тут у нас сейчас нету женщин, сколько-нибудь похожих на вас. У нас тут все сами нуждаются в поддержке... А вы такая, что когда я рядом с вами стою, и то мне делается легко и весело. Ничего подобного я не испытывал с тех пор, как мы расстались с женой... Не оставляйте меня, потому что я без вас пропаду.

У меня вертелось на языке ему сказать: «Ну и пропадай к дьяволу, мне-то что!»

Но я, конечно, этого не сказала. Я попросила у него отсрочки для решения.

Я сказала:

— Через два дня я зайду к вам и скажу, что я думаю. Но сейчас я ничего не могу сказать. У меня еще в моем сердце осталась любовь к тому человеку, которого я разыскиваю. Но если за эти два дня я его не найду, тогда я на что-нибудь соглашусь.

Он ни за что не хотел меня отпускать. Но я на своем настояла. Я только согласилась с ним немного посидеть в кафе. Там мы ели фрукты, и он болтал мне всякую чушь насчет своей любви, которая у него зародилась ко мне.

Но он мне был так неприятен, что я еле сдерживалась не наговорить ему обидных слов.

Наконец я встала и пошла и не позволила ему сопровождать себя.

Я сказала на прощанье, что я сама зайду к нему в комендантское управление.

Но между тем прошло два дня и еще два, и я не пошла. Я решила пробраться в Ялту без его помощи, под видом проститутки.

Я уже смастерила себе особое легкомысленное платьице и достала у одной девушки красный карандаш для губ. Устроила себе эффектную прическу. И в таком наряде действительно стала похожа на уличную фею недурненькой наружности.

Своей хозяйке я сказала, что на несколько дней мне нужно съездить в Ялту. И та мне позволила. Она мной до-

рожила, потому что я все умела делать и даже стирала ей белье.

И вот я, приодевшись, верчусь перед маленьким зеркальцем и решаю проблему, как я буду вести себя в Ялте. В это время к нам в помещение входит прапорщик Комаров.

Он, оказывается, в прошлый раз пошел за мной и выследил, где я живу. И теперь, не дождавшись моего прихода, явился.

Он был в очень расстроенном и нервном состоянии. Но он был настолько занюханный, что не разобрался в моем туалете. Он даже, сослепу, нашел, что я в таком виде похожа отчасти на английскую леди.

Он вдруг упал передо мной на колени и стал умолять меня, чтоб я ответила на его чувство.

И тут в одно мгновение я оценила общее положение. Я подумала, что если он в таком размягченном состоянии, то я могу из него веревки вить, я могу очень много через него достигнуть.

Я только не знала — этично ли сойтись с ним для достижения нужной цели. Этот вопрос вообще меня мучил долгое время. И, главное, мне не у кого было спросить, допустим ли такой момент: сойтись со своим врагом и через него добиться нужной цели.

Вообще-то говоря, он не был в полной мере сознательным врагом. Он был недалекий субъект. Видимо, его просто захлестнули обстоятельства, и он механически очутился в рядах белой армии.

Так или иначе, у меня в одно мгновение созрел в голове план действий. И, главное, я подумала — почему же этично пойти под видом проститутки и неэтично сойтись с ним, тем более, что я могу с ним фактически не сойтись, а просто постараюсь надуть его. И мне эта перспектива стала больше улыбаться, чем положение проститутки, которую ожидают всякие неожиданности и пьяные происшествия.

И когда прапорщик Василий Комаров снова повторил свои слова о том, что без меня он чувствует большую пустоту и что без меня он занюхается кокаином, окончательно пропадет, я сказала:

— А что же вы хотите?

Он схватил меня за плечи и от неудержимого чувства обнял меня.

Он сказал:

— Я предлагаю вам руку и сердце. И если хотите, то мы поженимся хоть завтра.

Мы с ним опять прошли в кафе и там стали есть фрукты.

Он таял от моих взглядов и поминутно целовал мои руки. И я удивлялась, как он в своем ослеплении не видит, какие загрубелые, мужицкие руки он целует.

В общем, я сразу поняла, что поступила правильно. Я могла с ним что угодно сделать. У меня даже мелькнула мысль о том, что надо будет заняться розысками пояса. Но пока — Ялта.

Я ему сказала:

— Только я ставлю условие поехать в Ялту. А потом я хотела бы немножко освежиться и попутешествовать по Крыму.

И он сразу согласился. Он сказал, что в Ялту он может в два счета перевестись, у него столько связей и знакомств, что это просто не вопрос. После чего мы можем поездить по всему берегу Крыма, пока он в наших руках.

Он сказал, что мы непременно послезавтра переедем в Ялту.

У меня упало сердце, когда он назвал меня своей женой. Мне показалось ужасным, что я согласилась на его предложение. Мне теперь показалось, что я и двух дней с ним не смогу провести.

Но игра была сделана, и отступать, мне казалось, не следовало.

27. СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

По-моему, он был большой авантюрист, этот прапорщик Васька Комаров.

У него действительно кругом были большие связи и знакомства. Кроме того, он был сказочно богат. Наверное, он накрал денег со всех сторон. Для него деньги были не вопрос.

Он моментально справил мне три платья и шляпу. Подарил браслетку и часы. И объявил, что он сделает мне сказочную жизнь.

Он меня познакомил со своей обозной бражкой. Это были раненые офицеры-инвалиды. Очень большие пьяницы и, видать, себе на уме.

Двое из них были его близкие друзья.

Прапорщик Комаров торжественно меня им представил. Он сказал, что я та женщина, которая отныне заменит ему его бессердечную жену. Офицеры, соблюдая дворянские

манеры, подходили к нам и, щелкая шпорами, от души нас поздравляли с новой жизнью.

Потом мы вчетвером отправились на квартиру, и там вскоре все, кроме меня, перепились. И пели песню, над которой они плакали. Там, в этой песне, были слова о том, что наступает последний момент, что близок враг со своей винтовкой и что их всех расстреляют. Там были удивительные слова:

Что-то солнышко не светит,
Над головушкой туман.
Либо пуля в сердце метит,
Либо близок коммунар...

И, напившись, эти офицеры пели эту песню не меньше десяти раз. И всякий раз навзрыд плакали. И говорили, что действительно близок конец крымской эпопеи. Что белые не удержат Крыма, хотя Перекопский перешеек сам по себе достаточно неприступен.

Я, конечно, не стала обсуждать с ними эти вопросы. Я уложила Комарова спать. И он как мертвый заснул от вина и кокаина, который он нюхал весь день, чтоб приободриться.

Он встал на другой день зеленый и больной. И ему снова надо было заправиться кокаином, чтобы прийти в норму.

Я с удивлением на него взирала. И я отчасти даже не понимала, как крестьянский сын, по природе своей здоровый и крепкий человек, мог за короткое время дойти до такого нервного, развинченного состояния. Но вскоре он мне признался, что он, «сын полей и природы», был вдобавок сыном сельского дьякона — ужасного алкоголика и не совсем нормального человека, повесившегося в церкви.

Со мной этот сын полей был исключительно вежлив и любезен. Но он чуть ли не силой заставил меня надеть шляпку, когда мы вышли на улицу. Он сказал, что иначе нельзя. Что этого требует этикет. Мне же в шляпке было нелегко ходить. Я не имела привычки к этому и теперь страшно стеснялась, что шла как барыня.

Но он сказал, что в этом моем наряде он готов со мной пойти хоть в Академию наук, что я выгляжу хорошо, грациозно и имённо так, как это вообще требуется в высшем обществе.

А это верно, я в это время страшно загорела. Мои руки сровнялись, и в них не было обычной красноты. И лицо

мое было как у арапки — настолько я чудесно загорела. Так что действительно в моем новом туалете меня можно было принять за какую-нибудь там, может быть, бежавшую фон-баронессу.

И многие оборачивались на меня, когда мы с Комаровым проходили по улицам Симферополя. На мне было, помню, какое-то светленькое клетчатое дворянское платьице исключительной красоты и плюшевая шляпа с эгреткой и с разной бузиной. И хотя был октябрь, но в тех местах было удивительно тепло. Все ходили без пальто.

И мой Комаров был от меня просто без ума. Он согласен был весь день водить меня по улице, так ему нравилось, что все смотрят на меня — какая я была нарядная и хорошенькая.

Но эта великосветская жизнь не заслонила моих интересов. Я не забывала о своей цели и только об этом и думала.

И я велела Комарову поскорей устроиться в Ялте.

Через два дня мы с ним поехали туда на машине.

И у нас было столько вещей, нагруженных на две подводы, что я рассмеялась, что он так много накрал. У него были шубы, картины, фарфоровая посуда, мебель и так далее.

Сами же мы поехали впереди на машине. И вскоре были в Ялте.

28. В ЯЛТЕ

На меня Ялта произвела исключительно сильное впечатление. Мне там понравилось голубое море, славные домики и набережная.

В те дни на море было большое волнение, и волны разбивались так, что заливали всю улицу.

Мы остановились с Комаровым в ялтинской гостинице «Франция». Сначала он хотел, при своих средствах, остановиться в лучшей гостинице «Россия», но там стояла высшая знать и там все было занято.

В первый же день приезда я немного подпоила моего благоверного, и он, свалившись, уснул. А я тотчас пошла по нужному адресу.

Я буквально горела, когда шла. Мне казалось, что если и тут я потерплю поражение, то мне грош цена и, значит, я не оправдала возложенных на меня надежд.

Когда я шла по набережной, я поразилась, какая вокруг

меня была толпа. Мне навстречу шли люди, о которых я позабыла и думать. Тут кипела жизнь иная, чем у нас.

Тут шли разного рода барыньки, которые раздражали меня своими кружевными зонтиками и невероятным кривлянием. Шли толстоватые потомственные помещики и генералы. Масса была офицеров, барышень и кокоток. Все гуляли по набережной, наслаждаясь чудным солнцем. И казалось, никто и не помышлял о войне и не думал, что тут у них на пороге Красная Армия.

Я миновала базар и прошла на старую часть города. И там я без труда нашла то, что мне было нужно.

Правда, мне там долго не доверяли и водили меня из ворот в ворота, но потом мы договорились. У некоторых товарищей слезы выступили на глазах, когда они узнали, что я к ним послана. Они меня горячо расспрашивали и всем интересовались. Я передала им на словах то, что было нужно, а что касается денег, то я рассказала, в чем тут запятая. Но я обещала этот пояс непременно найти.

Они не советовали мне рисковать головой ради этого, но я уже в душе решила, что так будет.

Они мне поведали о своем трудном положении и о Кутепове, который разгромил весь рабочий Симферополь. Но мы пришли к мысли, что осталось ждать недолго. Они мне сказали, что белая армия страшно нервничает и уже не надеется на успех.

Это меня поразило и обрадовало, и в своем душевном подъеме я решила сделать попытку поискать мой пояс с деньгами. Хотя эта задача казалась бесплодной и обреченной на неудачу.

С этими мыслями я вернулась к себе в гостиницу.

Мой Комаров уже проснулся и тревожно меня ожидал. Но когда меня увидел, то позабыл обо всех своих треволнениях и так обрадовался, что снова начал одаривать меня всякими драгоценностями, которые он понемножку вытаскивал из своего саквояжа. И я, конечно, делала вид, что радуюсь этим подаркам.

Мы с ним пошли погулять по набережной. И я ему сказала, что, может быть, завтра с утра я съезжу в Симферополь к своей знакомой хозяйке. Он вызвался меня проводить, так как сам в эти дни был свободен, не получив еще назначения. Но я отказалась, и он с подозрением на меня посмотрел.

Но тут я ему пожала руку, и он, как дурак, растаял от этой моей незначительной ласки. Он начал при всех меня

обнимать и даже хотел поцеловать, но я уклонилась.

Мы шли теперь по набережной. Был чудный день, уже близкий к вечеру. Мы с Комаровым шли под руку и тихо беседовали.

Вдруг я вздрогнула и побледнела. Комаров сказал: «Что с тобой? На тебе лица нет...»

Но я не могла ничего сказать. Нам навстречу шла Нина Викторовна, и с ней рядом, подрыгивая ножками, шел Юрий Анатольевич Бунаков. Позади них плелся генерал Дубасов, и с ними какая-то перезрелая особа.

Я буквально не знала, куда деваться. Я заметалась и хотела свернуть в сторону, но Комаров меня удержал. В этот миг мы поравнялись, и они своей компанией проследовали мимо нас. Они не узнали меня. Мой прапорщик Комаров козырнул генералу, и мы пошли дальше.

Но я обернулась. В этот момент они тоже остановились у перил набережной и взглянули на море — там кувыркался дельфин.

А я посмотрела на Бунакова — меня заинтересовало какой он сейчас. Но он был такой же, как всегда. Только он стал немного смуглее, находясь под южным солнцем.

Я подумала об его песенке «Все на свете». И тут вдруг мои мысли странным образом ему передались. Он вдруг сказал:

Все на свете, все на свете знают —
Счастья нет,
И который раз в руках сжимают
Пистолет...

И я так засмеялась, когда он произнес эти стихи, что вышло прямо как-то неудобно с точки зрения ихних правил поведения. На меня все посмотрели, но я отвернулась. И они опять не узнали меня.

А мой дурак Вася Комаров почувствовал вдруг сильную ревность к тому, на кого я смотрела. Он подумал, что я в одно мгновение увлеклась этим хорошеньким офицером, похожим на куклу.

Он грубо дернул меня за руку, и мы снова пошли. Но мне не гулялось больше, и мы тогда зашли в кафе-шантан «Одеон», который находился у них в полуподвальном помещении. И там мы слушали пение шансонеток. И смотрели, как они пляшут под лозунгом «Нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет».

29. НАХОДКА

На другой день, поздно вечером, по моей инициативе мы устроили у себя дома тожественный ужин на двоих. Мне хотелось, чтоб мой Комаров нахлестался так, чтоб завтра он подольше не встал.

Он был до крайности тщеславный, и мне ничего не стоило его раззадорить. Я попросила показать, как нужно заниматься кокаином, и он при мне вынюхал целый порошок. Потом ночью мы в ним выпили большое количество вина. Я пила мало, а он тянул, как лошадь. У него были какие-то сумасшедшие мысли. Он меня любил, но стоило ему немного выпить, как он терял себя, забывался и глядел на меня с изумлением.

В общем, мы с ним пили до утра. И под утро он свалился без чувств. А я взяла документы, оделась по-дорожному и, договорившись заранее с одним шофером, выехала в Джанкой.

По дороге ко мне несколько раз обращались патрули, но я показывала документ и говорила: «Еду к мужу». И меня беспрекословно пропускали, потому что на документе мужа стояла подпись «Врангель».

Шофер довез меня до Симферополя. Там я пересела на паровоз и доехала до семьдесят шестой версты. Потом пошла пешком. И там отсчитала такое количество шагов, как мне было нужно, но пояса, как ни странно, не нашла. Я несколько раз производила счет, но безрезультатно. Это меня взбесило, потому что я была разведчица и такие вещи были непростительны.

А начинался уже вечер, и надо было поиски отложить, тем более, что тут небезопасно было в смысле ареста.

Но когда я решила вернуться домой, я наткнулась в траве на мой пояс. Я задела его ногой. Я, кажется, даже закричала от радости.

Я вынула из пояса деньги (белогвардейского казначейства) и переложила их в карман. А пояс бросила.

Потом я с большим трудом добралась до Джанкоя. И там за очень крупную сумму я наняла себе подводу — арбу.

Только через день утром подвода привезла меня в Ялту.

Я с трепетом вошла в наш номер. Прапорщик Комаров спал. Вероятно, он, ожидая меня, все время пьянствовал.

Всюду валялись бутылки и стоял полный кавардак. Я спрятала деньги и легла спать.

Через несколько часов, после бурного объяснения мы помирились.

У Комарова все же осталось подозрение, что я замешана в каких-то политических или любовных делах.

Но мое небольшое ласковое внимание снова обезоружило его.

Однако теперь он был осторожен и старался никуда меня больше не отпускать. Так что я с трудом ухитрилась сбегать в город и передать там деньги. И после этого я вздохнула с облегчением. Наконец-то моя миссия была исполнена. Наконец-то после таких передряг я полностью выполнила задание.

В тот вечер я была так довольна, что мой Комаров удивился и снова стал меня подозревать в подпольных делах.

Меня же этот человек снова стал ужасно раздражать своей глупой пустотой и самомнением. И я снова еле могла терпеть с ним вместе находиться.

И чтоб уйти от него, надо было ждать подходящего момента.

30. ЭВАКУАЦИЯ

Между тем в Ялте становилось все более неспокойно.

Многие на улице открыто говорили, что белой армии не удержать Крыма.

Мой Комаров, пойдя однажды за назначением, вернулся бледный и расстроенный. Он сказал, что предстоит эвакуация, что некоторые учреждения должны незаметно покинуть Ялту уже сегодня.

Он не знал еще, в чем дело там, на фронте, но, кажется, там дело было близко к катастрофе.

И действительно, в Ялту вдруг прибыло несколько пароходов, и началась посадка.

Нельзя сказать, что произошла большая паника. Многие и без того были готовы к этому. Но все же в городе наступил какой-то острый, напряженный момент. Кругом были напуганные и тревожные лица. И все спешили туда и сюда.

В порту образовалась большая толпа за билетами на пароход. Но еще никто в точности не знал, что именно произошло — пал ли Перекоп, или еще белые войска держатся. Только доходили слухи, что была страшная атака

красных и был прорыв. Но насколько это опасно, никто не знал.

На другой день в Ялту прибыло еще несколько пароходов.

И снова в порт заспешила буржуазия и офицерство с чемоданами и саквояжами.

Ехали подводы с вещами учреждений, и шли разного сорта барыни, тяжело дыша от страха и волнения.

На молу стояла невообразимая путаница. Рассыпанное сено и мусор довершали картину суматохи и бегства.

Я с большим волнением наблюдала этот отъезд.

Я ко всякому пароходу приходила в порт и смотрела, как дворянская и купеческая Россия спешно покидала берега своей бывшей родины.

Чувство оскорбленного народа кипело во мне. Я видела расстроенные и плачущие лица. Я видела страх и смятение. Но не жалость, а восторг был у меня на сердце. Потому что я своими глазами видела час расплаты и наблюдала, как уходила прежняя жизнь, унижавшая народ во всех его чувствах.

Это было неповторимое зрелище.

Это был исторический момент — бегство барской России, бегство притеснителей народа. Это был момент бегства — когда им дальше и бежать было некуда! И вот они садились на пароход и ехали в Турцию.

И от этого зрелища меня охватывал такой восторг, что я все время стояла с улыбкой, так что все обращали на меня внимание. Но я нарочно махала платочком и бормотала: «До свиданья, милые друзья, до свиданья!»

Между тем на берегу происходили разные трагикомические сценки. Некоторых не пропускали на пароход с большим багажом. Те хорохорились, кричали, называли всякие светлейшие имена, но все это стоило теперь три копейки. И разные генералы и фон-бароны смиренно подчинялись правилам и, очутившись на пароходе, облегченно вздыхали.

Некоторые из них плакали, а некоторые говорили: «Через две недели вернемся». А один генерал крикнул кому-то:

— Они все равно нас позовут. Ведь у них, кроме мужичья, людей теперь не осталось.

Я очень хотела схватиться с этим типом, но, конечно, сдержалась. Между прочим, я непременно хотела увидеть, как отъезжала моя бывшая барыня, баронесса Нина Викторовна, но почему-то этот незабываемый момент пропустила.

Я увидела их только тогда, когда пароход отчалил и они стояли на палубе. Баронесса слиняла и, бледная как покойница, стояла, опираясь на генерала. Бунаков задумчиво смотрел вдаль. Я шутливо помахала им платочком. И мне кажется, что они меня узнали. Юрочка показал на меня пальцем, и они стали разглядывать меня в бинокль.

Но пароход уже отъезжал. И я пошла в гостиницу.

Вдруг в Ялту пришли белые войска. Это был, как нам сказали, Изюмский полк, отступивший от перекопской позиции. Некоторые из солдат шли без винтовок. И все были в растерзанном виде. И тогда стало ясно, что там на фронте произошло.

Волнение достигло наивысшего напряжения. Магазины закрылись, и на набережной моментально исчезли все гуляющие.

В довершение всего прибывший Изюмский полк, не найдя в Ялте продовольствия, разбил в городе два магазина и разграбил их.

В порт прибыло еще несколько пароходов. Чувствовалось, что какая-то рука организует бегство.

31. СЕМЕЙНАЯ ДРАМА

Между тем мой прапорщик Комаров предупредил меня, что мы едем с пароходом «Феодосия». Что это, по-видимому, вообще последний пароход. И что больше откладывать отъезд нельзя.

Я спросила:

— Куда мы едем?

Он сказал:

— Мы едем в Константинополь. О будущем не беспокойся. Я подумал о нашей судьбе.

И он побренчал по своим карманам, набитым всякой всячиной.

Тут наступил момент распутать узел. Но я поняла, что ни к чему устраивать «семейные сцены». И поэтому я не сказала ему, что я не еду.

Я ему сказала:

— Ты, Комаров, пройди в порт, а я сейчас приду — попрощаюсь кое с кем.

И он по дурости своей так и сделал.

А я побежала в другую сторону. Я вошла в какой-то открытый настежь и покинутый дом и села в комнате у окна.

И стала глядеть на море.

Я была довольна, что я так сделала, потому что мне хотелось избежать объяснений. Это было ни к чему. Этот человек мне чужой. Он мой враг, которого я использовала как мне было нужно. И пусть он теперь уезжает, к черту, в Константинополь без всяких со мной объяснений.

Я сидела в комнате больше получаса. Наконец я услышала два пароходных гудка. Значит, все в порядке. Мой Комаров, пометавшись, наверно, успокоился и со своими драгоценностями сейчас уедет.

Но вдруг я услышала крики. Я взглянула в окно и, к ужасу, заметила Комарова, бежавшего к моему домику, на который ему пальцем показывала какая-то женщина.

Скажу откровенно — я так растерялась от неожиданности, что минуту не могла двинуться.

Комаров вбежал в дом и остановился на пороге. Он был страшен в своем диком волнении. Он тяжело дышал.

Увидя меня, он с грубой бранью выхватил револьвер и выстрелил в меня. Но в одно мгновенье я сообразила его намерение и присела на корточки, так что пуля ударила много выше моей головы.

Он хотел стрелять еще раз, но я ему сказала:

— Вася, зачем ты в меня стреляешь?

Он сказал:

— Я в тебя, негодяйка, стреляю не как в классового врага, которого я в тебе подозреваю, а как в женщину, которая предательски меня хочет бросить.

— Ты сам негодяй!— сказала я. И вдруг, в одно мгновение я рванулась к нему и отняла у него револьвер.

И он почти без сопротивления отдал мне его.

Теперь я стояла у стены с револьвером, а он блуждающим взглядом смотрел на меня.

Но я не могла в него стрелять, потому что он был жалкий и растерянный.

— Слышишь ли ты, негодяй,— закричала я,— понимаешь ли ты своей дырявой головой — кого ты видишь перед собой?

— Боже мой!— сказал он.— Я теперь вижу, кто ты такая... И вы там, наверно, все такие же сильные и здоровые. И вот почему наша армия проигрывает сражения.

И он вдруг опустился передо мной на колени и сказал:

— Нет, я не боюсь, что ты меня застрелишь. Я боюсь, что ты меня покинешь и что ты меня уже покинула и нет ни одного шанса вернуть тебя.

— Ты такой слабый и разложившийся,— сказала я,— что мне в тебя и стрелять досадно.

Я с сердцем бросила на пол револьвер. И он вдруг от падения выстрелил.

Комаров сказал:

— Нет, я не такой слабый, как ты думаешь, но я оступился, и ты мне должна помочь.

— Нет, мой друг,— сказала я,— моя жизнь не предназначена для спасения людей. Моя жизнь принадлежит народу. И я послана исполнить дела, слишком далекие от душеспасительной деятельности. Ты можешь остаться тут, если хочешь, но я с тобой жить не буду,— это так же верно, как ты, собака, в меня стрелял сегодня.

Его вдруг рассердили эти мои слова и то, что я назвала его собакой, и он, как человек неуравновешенный, моментально перешел от тихого состояния к бешенству.

— Ты подлая большевичка!— закричал он.— Ты еще в моей власти. Я велю солдатам веревками скрутить тебя. Я слишком с тобой миндальничаю. Я велю тебя выдрать плетьми.

И он с бешеной злобой потянулся к лежащему на полу револьверу.

Но в одно мгновение я ударила его ногой по руке, как по футбольному мячу. И он с воплем повалился на пол.

И тогда я спокойно подняла револьвер и направила его на прапорщика.

Я ему сказала:

— А ну, моментально ступай в порт и уезжай к чертовой матери в Константинополь. Или я тебя сейчас сама отправлю туда, но уже небесным маршрутом.

Комаров понял, что это далеко не шутки, мои слова. Он встал и как-то по-ребячески сказал:

— Пароход же, Аннушка, ушел. Куда же я пойду?..

Я сказала:

— Ты пойди в порт и посмотри — может быть, там еще что-нибудь будет. И тогда ты поезжай с богом.

Он сказал:

— Хорошо, я пойду посмотрю. Но если ничего не будет, то я вернусь и останусь тут с тобой. А если будет, то я уеду. Пусть за меня решит судьба.

И он как ненормальный побежал в порт, а я осталась сидеть взволнованная происшествием.

Я не знаю в точности, что именно случилось в порту. Мне только потом сказали, что Комаров, идя по трапу на

рыбачью шхуну, вдруг покачнулся и упал в воду. Причем, падая, ударился головой о камни. И его, сильно раненного, внесли на судно и увезли как будто бы в Феодосию.

Но что с ним было дальше, я так никогда и не узнала. Возможно, что его отправили в Константинополь, если он почему-либо не умер.

Мне не было жалко этого человека, потому что он и без меня был уже потерянный и погибший. И не мое дело было восстанавливать его на путь истины.

32. ЭПИЛОГ

Мы ожидали, что Красная Армия войдет в Ялту в тот же день. Но этого не случилось. Первые красноармейцы вошли в город только через три дня.

Это был радостный и торжественный момент. Это был день торжества народа, освободившегося от рабства.

Мне, правда, омрачили этот день тем, что на меня кто-то донес, будто я жена белогвардейца, шпионка и контрразведчица. Конечно, это почти сразу было рассеяно, и все выяснилось. Но мне было неприятно, что я была на целые два часа арестована.

Меня привели в дом эмира бухарского, где происходил допрос арестованных, и там один из товарищей сгоряча наорал на меня, и он хотел даже пристрелить меня как врага. И был момент, когда я ужаснулась, что погибну от своей же пули. Но потом пришел один наш ялтинский товарищ, и все сразу разъяснилось.

И тогда все, узнав обо мне, приходили меня поздравлять, жали мне руки и с нежностью меня целовали и поздравляли с великой победой.

* * *

Что же касается моей дальнейшей жизни, то вкратце я могу вот что сказать. В том же году я вышла замуж за моего однофамильца, товарища Касьянова, с которым я познакомилась в Екатеринославе. И мы с ним очень счастливо и задушевно жили вплоть до его смерти.

Мне было очень жаль потерять этого чудного человека — прекрасной души товарища. И я, кажется, так же сильно горевала, как и тогда, когда на фронте потеряла моего первого мужа.

Да, я действительно многих прекрасных людей потеряла

в жизни за время революции. Но зато я нашла то, что каждый день составляет мое счастье и гордость.

Ах, как трудно и как оскорбительно представить себе иную жизнь, чем ту, что у нас сейчас строится. Как ужасно представить иных людей и иные, буржуазные отношения — те, которые были у нас до революции. Как невыносимо было бы вдруг увидеть купцов, шикарных барынь, сиятельных князей, помещиков и бедный, нищий народ, угнетенный в своем достоинстве.

И меня нередко охватывает восторг, что мой народ сумел совершить великую народную революцию и сумел создать новую жизнь, которая с каждым годом будет все лучше и лучше.

И вот что я нашла вместо всех моих потерь.

А какой далекой и забытой страницей кажется сейчас прошлая жизнь. Вот, например, четыре года назад я случайно от одного знакомого, долго жившего за границей, узнала некоторые подробности о бежавшей эмигрантке баронессе Нине Викторовне. Она, оказывается, в Париже открыла «Ателье мод», сильно разбогатела и стала там чем-то вроде модной портнихи. Со своим генералом она там разошлась. И он, несмотря на дряхлость, служит метрдотелем в одном заграничном кабачке.

Юрий же Анатольевич Бунаков застрелился, когда они еще были в Югославии. Он был действительно слабый и неприспособленный к жизни, как тепличный, искусственный цветочек, неизвестно для чего выращенный в садах буржуазной жизни.

Что же касается ротмистра Глеба Цветаева, то он в Париже долгое время служил шофером, но потом женился но одной богатой семидесятилетней американке.

Заканчивая этим свой рассказ, А. Л. Касьянова сказала:

— Канула в вечность эта барская и купеческая Россия. И я была свидетельницей этой страницы истории. Вот почему я позволила себе рассказать о своей жизни несколько, может быть, больше, чем вы предполагали.

1936

КЕРЕНСКИЙ

1. ГРОМКОЕ ИМЯ

В 1917 году, во время февральской революции, А. Ф. Керенскому было тридцать шесть лет.

Это был возраст государственного мужа. Это был тот счастливый возраст, который соединяет в себе молодость и опыт, зрелость и энергию, радость жизни и практическую философию.

В эти годы человек нередко пробует свои силы на государственном поприще. Ранее этого возраста греческая мудрость запрещала занимать высокие общественные должности.

История, впрочем, знает примеры, когда человек и в более молодые годы прославлял свое имя блестящими государственными делами. Но это имя обычно принадлежало гению.

Головокружительная карьера А. Ф. Керенского заставляет с любопытством присмотреться к этому человеку, чье имя так или иначе неразрывно связано с февральской революцией и с попыткой вооруженного сопротивления Октябрю.

Это громкое имя в памяти современников еще более неразрывно связано с бумажными деньгами, которые в то время выпускало Временное правительство. Эти деньги повсеместно назывались «керенки». И они, видимо, еще в большей степени упрочили популярность главы правительства.

Многие поступки и государственные шаги премьера весьма давно позабыты, но деньги его до сего времени свежи еще в памяти.

Это были, в самом деле, до некоторой степени удивительные деньги. Это были громадные полотнища, на которых печатались крошечные дензнаки. Их надо было резать ножницами или отрывать пальцами, по усмотрению.

Уже один вид этих денег вызывал удивление и вселял недоверие к власти, выпустившей их. Видимо, крайняя спешка и миниатюрность дензнаков не позволяла разрезать их соответствующим образом.

Некоторый комический элемент присутствовал в этом немаловажном государственном акте.

Впрочем, помимо денег, память о Керенском в народе осталась крайне прискорбная для него. Фигляр, позер, ис-

терик — вот какие наименования давались ему его же собственными современниками.

Скорее забавные, чем трагические сценки, в которых он участвовал, зарисованы в воспоминаниях и мемуарах.

Но нам думается, что зря ничего не бывает. И если человек выдвинулся на столь высокую ступень жизни, то, вероятно, были еще какие-то весьма серьезные причины, коих можно сразу не увидеть.

Давайте посмотрим через головы современников, что это был за человек, который из скромного, незаметного присяжного поверенного и судебного оратора стал верховным главнокомандующим и первым государственным деятелем страны.

Нам кажется, что события будут видны более отчетливо, если мы познакомимся с верховным вождем армии, пожелавшим вести ее в бой против пролетарской революции.

2. А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

Александр Федорович Керенский — сын небогатого дворянина, учителя. Он окончил гимназию и получил высшее образование в университете. Он был адвокат, присяжный поверенный. Он вел главным образом политические процессы и считался весьма способным юристом и хорошим оратором.

Наружность он имел не совсем заурядную. Рыжеватые волосы он носил бобриком. Большая его голова при среднем росте казалась слишком несоразмерна туловищу. И лицо он имел бледное, с нездоровой и дряблой кожей.

В своем физическом облике он был сын своего времени — типичный представитель дореволюционной интеллигенции: слабогрудый, обремененный болезнями, дурными нервами и неуравновешенной психикой.

Он был сын и брат дореволюционной мелкобуржуазной интеллигенции, которая в искусстве создала декадентство, а в политику внесла нервозность, скептицизм и двусмысленность.

Он был слабый и безвольный человек.

Изучая по материалам и документам его характер, видишь, что ему, в сущности, ничего не удавалось сделать из того, что от задумал. Его слабая воля не доводила до конца ни одно из начинаний.

Он хотел спасти Николая II и не спас его, хотя много

старания приложил к этому. Он хотел вести войну до победного конца, но создал поражение. Хотел укрепить армию, но не мог это сделать и только разрушил ее. Хотел лично двинуть войска против большевиков, но не собрал даже и одного полка, хотя был верховным главнокомандующим. Он с горячими речами выступал против смертной казни, а сам ввел ее.

Все его шаги, все замыслы и начинания гибли, извращались им и не доводились до конца.

Несмотря на свой высокий пост, казалось, что он всего лишь бежал в хвосте событий. И это было именно так.

Он, в сущности, был крошечной пылинкой в круговороте революционных событий. Правда, за его спиной таились значительные силы контрреволюции. Но этими силами Керенский не располагал по своему усмотрению. Даже больше — эти силы, как мы увидим, сами стремились уничтожить его.

Его же личная воля ни в какой мере не могла противодействовать движению революции. Он ничего не сделал для того, чтобы остановить или задержать какое-нибудь событие. Он лишь ускорил собственную политическую гибель и гибель Временного правительства. И мы доподлинно увидим, как это произошло.

Просматривая материалы, иной раз удивляешься — каким же образом человек со столь слабой волей мог занять первое место в государстве.

Но надо знать среду, надо изучить характер этой среды.

Он был представитель мелкобуржуазной, весьма вялой интеллигентской прослойки, которая вообще не могла играть самостоятельной роли в революции. Она лишь могла служить буржуазии или пролетариату. Она выдвинула то, что было в ее ресурсах. Конечно, она могла иметь более сильного и более мужественного человека, но в пылу революции она выдвинула то, что в силу крикливости казалось наиболее энергичным и действенным. И это было заранее обречено на гибель.

Но если бы эта мелкобуржуазная прослойка и крупная буржуазия в целом выдвинула и более сильного человека, человека, предположим, с могучей волей, то результат был бы одинаковый, ибо и такому человеку не на что было бы опираться. Народ в огромном своем большинстве пошел за партией большевиков, которой руководил В. И. Ленин.

Каким же образом Керенский все же оказался во главе государства?

Керенский занял столь высокое место не по своим личным качествам. Представители крупной буржуазии — министры-капиталисты — сами «посторонились», чтоб дать ему первое место. Керенский, казалось, был выгодной фигурой, которая могла связать крупную и мелкую буржуазию. Он, казалось, мог повести за собой целый слой, представителем которого он был. Но этого как раз и не случилось.

Ставка на Керенского была сделана без учета всей сложности вопроса.

3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЖ

Керенский был человек среднего ума. Про него нельзя сказать, что он вовсе неумен. Достаточная ясность мышления, подчас некоторая даже острота в суждениях, говорили за то, что он неглупый человек.

Но вместе с тем удивительная недальновидность, поверхностность, неглубокость и, пожалуй, наивность зачеркивала положительные качества его ума.

Он был в достаточной мере умен для своей основной профессии, но он был решительно неумен на посту руководителя страны.

Он был то, что называется человеком негосударственного ума. Это был не государственный муж.

Если позволительно сравнивать государственную деятельность с игрой в шахматы, то он был игрок, который более одного хода вперед не обдумывал.

Целый ряд его поступков был в этом смысле чрезвычайно характерен.

Он, получив, например, пост министра-председателя, тотчас переехал на жительство в Зимний дворец. Он поселился в покоях Николая II.

Раздираемый честолюбием, он не увидел в этом ничего особенного.

Он, как неожиданно разбогатевший обыватель, переехал на другую, более шикарную квартиру. Он не видел в этом политического шага. Но это был именно политический поступок, который тотчас был использован его врагами.

По рукам населения стали ходить сатирические стихи под названием «Александр IV». Эти стихи, размноженные на гектографе, проникли и в армию и произвели там должное впечатление.

Отношение Керенского к людям, все его поведение с

людьми также было далеко не государственным.

Вознесясь столь высоко, он счел нужным иметь величественный тон. Он стал почти декламировать, разговаривая с простыми смертными.

Он торжественно, как в театре, выспренним тоном беседовал со своими подданными.

— Генерал, подойдите сюда. Доложите мне, как ваши дела!— величественно приказывал он кому-нибудь из своих военных специалистов.

Все отлично понимали, что тон неестествен и фальшив, что этому штатскому человеку более было прилично держаться обыкновенного тона, какой он имел, будучи адвокатом. Все видели в этом нечто комическое и неумное. Тем более, что он и сам не выдерживал долго своей роли, и, срываясь, не раз заканчивал беседу обыкновенным, бытовым голосом.

Подобная фальшивая величественность была одной из причин, наложивших некоторую, что ли, опереточную тень на фигуру министра-председателя и верховного главнокомандующего.

Даже такая, в сущности, мелочь — его обычная поза — имела в своей основе также нечто юмористическое и непростительное для государственного человека.

Его правая рука обычно лежала за бортом френча, левая рука помещалась сзади. То есть это была классическая поза Наполеона, слишком всем знакомая.

Но у Наполеона это было весьма естественно — его левая рука помещалась иной раз в заднем кармане, или же этой рукой он держал свою треугольную шляпу. И это было, вероятно, до некоторой степени удобно. Наш же несчастный Керенский сзади своего френча кармана не имел, шляпы не носил, и рука его неестественным образом без всякого почти упора болталась в воздухе.

Тут были слишком очевидны рисовка и позирование под Наполеона, возможно даже не в полной мере осознанные. «Несчастный», может быть, даже не понимал, что с ним и куда его влекут неведомые силы.

У него не было того основного, что делает человека вождем или хотя бы руководителем. У него не было умения видеть события, умения философски обобщать их, не было даже элементарного знания людской психологии. Он принимал за чистую монету все изъявления восторга при встрече с его особой. И вел государственные дела, как

нервный и крикливый председатель жакта ведет дела своего дома.

История знала более недалеких правителей, но он выгодно отличался от них тем, что весьма недолго стоял у государственного руля.

Что касается недальновидности Керенского, то возможно, что мы тут несколько преувеличиваем. После бегства Керенского за границу на его текущем счету в Международном банке была обнаружена сумма в 350 тысяч золотом. Все-таки он предвидел свою дальнейшую судьбу. И, заняв первое место в государстве, не замедлил «кое-что» отложить на черный день. Надо полагать, что эту кругленькую сумму скопил он не из жалованья. А достиг он этих денег каким-нибудь иным путем.

4. ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА

Итак, слабый, нездоровый и безвольный человек, человек вовсе не государственного ума, становится во главе армии и правительства.

Начало его неслыханной карьеры нужно отнести к его адвокатской деятельности.

Ведя главным образом политические процессы, он судебными речами сумел создать себе некоторую популярность в общественных кругах. Он был выбран в 1912 году в члены Государственной думы. И там его красноречие было вполне замечено.

В 1917 году, после февральской революции, он получил портфель министра юстиции.

Спустя два месяца он стал военным и морским министром. А в августе того же года он достиг высшей власти, сделавшись министром-председателем и верховным главнокомандующим.

Все это дало ему его судебное красноречие, его умение говорить речи.

Просматривая его речи, мы не можем сказать, что он тут был на недосягаемой высоте. Его речи далеко не были шедеврами красноречия. Стертые образы и шаблонное построение не делали его речи литературными произведениями.

Но некоторая смелость по тогдашнему времени выдвигала его на передовые позиции.

Впрочем, секрет его речей был не только в этом. Речи

произносились, так сказать, «от всей души». Он вкладывал в них тот нервный подъем, который обычно зажигает слушателей. При этом он, как артист, прибегал к театральным приемам. То доводил речь до шепота, то, напротив, выкрикивал отрывистые фразы, эффектно жестикулируя.

Эта его театральность и вместе с тем некоторая, что ли, горячность создали ему успех и, несомненно, незаслуженно выдвинули в ряды первых ораторов.

Эти его речи и были главным и, пожалуй, единственным козырем, с которым он занял первое место в стране.

Любопытно и показательно отметить, что именно при помощи этого адвокатского умения, при помощи своей профессии присяжного поверенного он и пытался управлять страной.

Это был беспримерный случай в истории, когда человек управлял страной с помощью своего судебного красноречия. Это было таким же абсурдом, как если бы врач с помощью своих медицинских познаний, не зная нот, пытался бы играть на рояле.

Но это было именно так. Он всюду, где только можно было, выступал с речами, уговаривал, призывал, требовал и умолял.

Он буквально затопил страну своими речами. Буржуазная аудитория встречала его овациями. Дамы закидывали его цветами. Восторженные крики не смолкали, когда он появлялся на сцене или в зале заседания.

Совет республики и члены Временного правительства не раз стоя приветствовали его.

Он имел огромный успех, но этот успех до некоторой степени был успех артиста, а не государственного деятеля, это был успех человека, тем или иным путем занявшего первое место и овладевшего всеобщим вниманием.

Но он плохо разбирался в психологии и ничего не понял в своем успехе.

Он без стеснения говорил уже: «мой народ». И с горечью отмечал, кто именно во время овации не встал его приветствовать.

Даже спустя год он с досадой писал в своих записках («Гатчина»):

«В минуту этого национального взрыва (его стоя приветствовали) некоторые вожди не могли преодолеть в себе жгучей ненависти к правительству Мартовской революции: они продолжали сидеть, когда все собрание поднималось как один человек. Эти непримиримые были — с.-д.-интер-

националист Мартов, к.-д. Милюков и два-три корниловских казака».

Конечно, это, наверно, было крайне досадно, что два-три казака и Милюков не встали. Наверно, он свирепо на них глядел и рыскал глазами по задним рядам, отыскивая еще еретиков и нахалов.

Прохожие на улицах с любопытством глазели и приветствовали его, когда он проезжал в своем открытом автомобиле.

Он писал с чувством нескрываемого самодовольства о своей поездке по городу:

«Улица — прохожие и солдаты — тотчас узнали меня. Военные вытягивались... Я отдавал честь, как всегда, немного небрежно и слегка улыбаясь...»

Уже эти строчки до некоторой степени рисуют нам характер этого человека, внимание которого столь было приковано к внешнему успеху, к шуму, к славе и к почестям.

В этом уличном шуме он, не имея на то никаких оснований, видел трогательную любовь народа, преданность армии и восторженное поклонение уличной толпы. Но он жестоко заблуждался.

История знает противоположный пример скептического отношения к уличному успеху. Человек огромного ума, с судьбой трагической и великой, Кромвель сказал улыбаясь, когда ему показали на восторженную толпу:

«Их было бы еще больше, если б меня вели вешать».

И это было отчасти верно, потому что ни народ, ни улица не считали Кромвеля своим вождем.

Керенский грелся в лучах славы и не слишком задумывался о своей судьбе.

Он был потрясен своей неожиданной карьерой. Несомненно, он ничего подобного не ожидал в своей жизни.

Получив портфель военного и морского министра, а потом пост верховного главнокомандующего, он и тут ринулся управлять военным ведомством с помощью своего красноречия. Дальше ему некуда было идти. Дальше можно было лишь падать.

Но его недальновидность и тут спасала его от мрачных предчувствий.

5. ВОЕННЫЙ И МОРСКОЙ МИНИСТР

Пребывание на посту министра юстиции не в полной мере удовлетворяло его честолюбие.

Настоящая жизнь началась лишь со дня получения портфеля главы армии и флота.

Но тут начались некоторые трудности.

Будучи министром юстиции, он не ощущал особых тягот в управлении страной. Это было ему нечто знакомое по судебным выступлениям. Но став военным министром, а потом верховным главнокомандующим, он увидел, что его профессия присяжного поверенного не столь универсальна, как он предполагал.

Он стал выступать с речами в казармах и на фронте, призывая армию к повиновению, к дисциплине и к наступлению.

Но солдаты не хотели жертвовать жизнью ради чуждых им интересов. Пышное красноречие Керенского не затрагивало тех вопросов, которые волновали солдатские массы. Цветистые фразы военного министра пропадали впустую.

Профессией присяжного поверенного тут ничего нельзя было сделать.

Он издавал приказы и потом отменял их. Он, расшатав дисциплину, стал яростно подтягивать всех и требовать еще более строгой дисциплины. Он кричал о мире, потом повел в наступление.

Своим красноречием и неуравновешенностью он еще больше способствовал разрушению армии.

Военная наука — одна из наиболее трудных наук. Она требует особых свойств характера — соединения воли, твердости духа, расчета и ума. Этого всего не было у Керенского.

Он с первых же шагов выказал себя в этом деле не только как профан, но как человек, просто неизвестно на что рассчитывающий.

То, что он, абсолютно штатский человек, никогда не видевший в глаза пулемета и винтовки, принял сразу два военных портфеля, показывает удивительную самоуверенность и, пожалуй, что ли, хлестаковщину.

Армия весьма скептически отнеслась к этому назначению.

Офицерство открыто иронизировало и подсмеивалось над ним. Высшее военное командование было оскорблено и унижено.

Пылкие речи военного министра не производили должного впечатления. Солдаты фронта хотели слышать простые слова о мире, о земле, о возвращении домой, о конце войны. Интеллигентское красноречие их не устраивало. Пышные слова приводили в раздражение.

К тому же вид верховного главнокомандующего, несмотря на наполеоновские замашки, не внушал армии доверия.

Этот штатский, болезненного вида человек производил странное впечатление, когда во время его речей адъютант почтительно держал над ним черный дождевой зонтик, укрывая главу правительства от солнца и непогоды.

Это производило комическое впечатление. И войска с улыбкой смотрели на это глубоко штатское зрелище.

Но и тут, как всегда, Керенский не понял всей глубины дела, потому что аплодисменты и крики «ура» уводили его на более приятный путь размышлений.

В довершение всего речи, произнесенные много раз, потеряли свою привлекательность. Слова стерлись и опошлились. Пафос казался фальшивым и театральным. Выкрики — «нож в спину революции», «родина в опасности» и т. д. надоели и никого больше не удивляли.

Уже все чаще после его речей солдаты выступали с резкой критикой. Уже не раз его речь прерывали крики и возгласы недовольных.

Солдаты бежали с фронта, дезертировали и отказывались наступать.

Большевистские агитаторы открыто разъезжали по фронту, разъясняя смысл событий и показывая истинную роль буржуазного Временного правительства.

Успешная борьба большевиков за беспредельное влияние в массовых организациях и наконец апрельская демонстрация рабочих под руководством большевистской партии нанесли сокрушительный удар по Временному правительству и создали кризис власти. Массы, и в том числе солдаты фронта, явно сочувствовали большевикам, а не правительству.

И, конечно, столь незначительный человек, как Керенский, тут решительно ничего не мог сделать.

Керенский настоял перед правительством о введении смертной казни за воинские преступления. Но и этим он не укрепил армию. Распад, в котором, впрочем, повинен был не только Керенский, оказался слишком глубоким. Влияние большевиков на массы было слишком значительно. И эта

решительная мера не привела к желательным результатам.

Военный и морской министр, начиная понимать, что дело идет не гладко, хотел опереться на офицерство, но не сумел этого сделать. Он слишком повелительно и величественно беседовал с генералами и заносчиво, пренебрежительно относился к маленьким чинам. И благодаря этой своей нетактичности ему не удавалось привлечь к себе даже хотя бы небольшую группу верных ему людей. В ответственный момент он, не считая адъютанта, остался решительно один.

Это был поразительный случай в истории, когда человек — верховный главнокомандующий и глава правительства — остался не только без армии, но остался без кучки верных ему людей, пожелавших защищать его до конца.

Еще в первый месяц своего назначения он получил солидный урок, но не сделал из него никаких выводов.

Он выступал в Мариинском театре перед военной аудиторией. Он вышел на сцену с двумя адъютантами, которые замерли в неподвижных и почтительных позах, когда он начал свою речь.

Все шло как и полагалось. Бурные аплодисменты услаждали сердце военного министра. Но вот на сцену была брошена записка, которую Керенский сгоряча огласил, думая, что там комплименты. Группа офицеров писала, что адъютанты Керенского «марают честь мундира» тем, что, как фокстерьеры, делают стойку перед штатским человеком.

Взрыв смеха потряс здание театра. Никто не пожелал возмутиться или защитить честь военного министра. Веселость была всеобщая.

Уверенность, что, несмотря на отдельные происки врагов, вся армия и народ идет за ним, не покидала его почти до последнего дня, до последних часов его пребывания в России. Эта счастливая уверенность придавала ему силу ездить по фронту, где он увещевал армию продолжать наступление на немцев.

6. СТО ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

Уверенность Керенского в нерушимости своего положения была так велика, что он накануне июльских дней, в момент напряженной политической борьбы, выехал на фронт со своими речами.

Но июльские дни смутили все же душевный покой военного и морского министра. Он бросил все и срочно вернулся в Петроград. Уже на вокзале, только что сойдя с поезда, он «распушил» командующего округом генерала Половцева и, накричав, тут же отстранил его за бездеятельность, хотя, в сущности, «бездеятельности» не было, так как демонстрация большевиков была расстреляна войсками и генерал Половцев сделал все возможное для «восстановления порядка».

В первые же дни своего приезда Керенский настоял перед правительством на немедленном аресте всех большевистских вождей.

Об этом был отдан приказ с обещанием высокой денежной награды за арест В. И. Ленина.

Буржуазия в союзе с эсерами и меньшевиками повела теперь яростную борьбу против дальнейшего развития пролетарской революции.

Нервная решительность Керенского заставила членов правительства с надеждой обратиться к нему как к спасителю от большевиков. И тогда он имел смелость принять на себя пост министра-председателя и верховного главнокомандующего.

Он отказывался, правда, от высокого поста и приводил всякие резоны, но улыбка радости не сходила с его лица.

И, приняв, этот пост, он стал еще более надменен, еще более величественным тоном вел беседы и еще более высокомерно отдавал приказания, не желая слушать никаких советов и возражений.

Между тем над головой премьера стали явственно сгущаться тучи.

Заручившись согласием ставки и самого Керенского, генерал Корнилов двинул на Петроград 3-й Конный корпус. Он послал этот корпус для усмирения большевиков, но вместе с тем он хотел свергнуть и Временное правительство.

25 августа Конный казачий корпус во главе с Дикой дивизией стал подходить к Петрограду. Но большевики организовали оборону Петрограда, и их агитаторы, выехавшие навстречу корпусу, разъяснили казакам их роль. И казаки отказались идти дальше.

Керенский продолжал оставаться у власти. И он не без торжественности нес бремя этой власти вплоть до 25 октября. Он нес это бремя всего сто десять дней, перещеголяв в этом смысле на десять дней самого Наполеона, вернувшегося с Эльбы.

Вероятно, больше этого срока он и не сумел бы вынести тяжести власти.

Он чрезвычайно устал и задергался.

Он был всегда вспыльчивым, нервным и неуравновешенным; теперь же, находясь на вершине государства, он стал терять самообладание. Его дурные нервы не могли долго выдерживать большого напряжения. Еще будучи министром юстиции, он не раз по окончании речи падал без чувств и прибегал к разным лекарствам, чтобы поддержать себя. Он, не стесняясь зрителей, пил валериановые капли прямо из пузырька. Это было весьма жалкое и, собственно говоря, даже нелепое зрелище.

Но это слабенькое средство не помогало ему после двух месяцев пребывания на ответственном посту. Он наливал эфир на платок и жадно подносил к своему лицу. Это его поддерживало и придавало ему силы для очередного выступления.

Конечно, так долго не могло продолжаться, и нет сомнения, что верховный правитель бесславно закончил бы свои дни, даже если бы дела сложились иначе.

Собственно, закат Керенского начался тогда же, когда начался восход.

Он, как ракета, по законам пиротехники, взвился в небо, засверкал фантастическими искусственными огнями и, моментально сгорев, стал стремительно падать. И все находящиеся вблизи разбежались, боясь, как бы он, падая, не придавил их своей высокой особой.

Уже в сентябре 1917 года все было запутано и разрушено. Армии не существовало. Большевистский фронт ширился.

Подготовка вооруженного восстания шла у большевиков весьма энергично и успешно, и об этом почти открыто говорили на улицах и в казармах.

21 октября Временное правительство поручило министру-председателю Керенскому принять меры к ликвидации ожидаемого восстания.

Керенский приказал своему командующему округом полковнику Полковникову разработать план ликвидации мятежа.

Полковников, не сделав ничего, доложил, что правительство может быть уверено — петроградский гарнизон окажет сопротивление большевикам.

Керенский сообщил правительству, что меры приняты и восстание, если оно случится, будет подавлено.

Однако 23 октября Керенский стал терять некоторую свою уверенность относительно войск петроградского гарнизона и отдал приказ главнокомандующему Северного фронта — подтянуть войска к Петрограду.

Но главнокомандующий генерал Черемисов не исполнил приказа.

В 11 часов утра 24 октября Керенский явился в Мариинский дворец и, ввиду чрезвычайного положения, потребовал в своем слове всей меры доверия и содействия. Совет республики устроил Керенскому овацию и стоя приветствовал его. Премьер, счастливый и взволнованный, не дождавшись резолюции, поспешил в Штаб, чтобы заняться военными делами и оправдать высокое доверие.

Между тем в Совете начались длинные дебаты о тексте резолюции.

Этот текст резолюции выработан был только к ночи. Целый день пропал на бесцельные споры и крики.

Большевики тем временем энергично вели подготовку восстания и в ночь на 25 октября стали занимать правительственные здания.

7. НОЧЬ НА 25 ОКТЯБРЯ

В двенадцатом часу ночи резолюция Совета республики еще не была готова.

Встревоженный Керенский направился из Штаба в Зимний дворец на совещание совета министров.

Наконец в Зимний прибыла делегация с долгожданной резолюцией. Причем резолюция была далеко не такая, какую ожидал Керенский. Левое большинство Совета республики отделяло себя от правительства и его борьбы. Другими словами, резолюция не выражала доверия правительству. После овации, устроенной Керенскому, это было неожиданно в высшей степени.

Совещание членов Временного правительства происходило в Малахитовом зале. Керенский, выйдя к делегатам и зачитав резолюцию, с возмущением заявил, что после такой оскорбительной для самолюбия резолюции кабинет министров завтра же подаст в отставку.

Делегаты стали разъяснять, что резолюция в основном полезна, так как есть вероятность, что большевики посчитаются с ней и, может быть, даже откажутся от вооруженного восстания.

Делегаты стали настаивать, чтобы совет министров принял их и выслушал их мнение.

Керенский ответил, что ни он, ни правительство не нуждаются в советах и что резолюция будет спасена и без помощи посторонних.

Делегация отбыла, и в совете министров снова начались обсуждения, как реагировать на резолюцию и какие меры принять против действий большевиков.

Именно во время этого исторического словопрения большевики начали занимать правительственные здания одно за другим.

Правительственное совещание закончилось около двух часов ночи, и утомленные министры стали расходиться по домам, поручив Керенскому «организовать надлежащее военное командование».

Один из членов правительства, министр исповеданий Каташев, по выходе на улицу был арестован вблизи Зимнего дворца и отведен в Смольный.

Следует сказать, что во время совещания к Керенскому явилась делегация от казаков и уверила его (как он сам пишет), что по его особому личному приказу казаки поддержат Временное правительство.

Однако Керенский не знал, что мнение делегации не выражало мнения большинства казаков. Напротив того, совет казачьих войск решил не вмешиваться в борьбу, которую вело правительство с большевиками, Керенский, как и всегда, совершил тут изрядную ошибку — он слишком доверчиво отнесся к словам преданности и к изъявлению восторга при встрече с его особой.

Он настолько был уверен, что казаки в его распоряжении, что восторженно сообщил министрам о своем замечательном разговоре с казаками.

Явившись в два часа ночи в Штаб, Керенский потребовал, чтобы казаки срочно прибыли для защиты правительственных зданий. Однако казаки уклончиво ответили, что сейчас кончат обсуждение и в скором времени начнут седлать лошадей.

Но время шло, казаки не появлялись.

Поняв наконец, что казаки не выступят в защиту Временного правительства, Керенский стал выяснять, какие войска, находящиеся вне Петрограда, можно использовать. Но точных сведений в Штабе не имелось. Как будто бы к Гатчине двигался казачий корпус генерала Краснова. Но пока никакой связи наладить не представлялось воз-

можным. Тогда Керенский стал по прямому проводу беседовать со ставкой главнокомандующего Северным фронтом. Керенский потребовал, чтоб войска с фронта были немедленно подтянуты к Петрограду.

Главнокомандующий уверил его, что он сделает все, что в его силах.

Между тем в Штаб приходили тревожные сведения. Отряды восставших заняли Николаевский мост, и суда Балтийского флота буквально входили теперь в Неву.

Керенский стал буквально метаться по Штабу.

Перебегая от телефона к телефону, он в промежутках между двумя разговорами диктовал телеграммы, отдавал распоряжения и делал перемещения среди командного состава.

Весть о маневре Балтийского флота наполнила его гневом и бешенством. С криком: «Немедленно топить корабли!» — он стал лично писать радиограмму.

Эта его не совсем толковая радиограмма сохранилась для истории. Она весьма красочно говорит о душевном состоянии «главковерха»:

«Всем судам, идущим в Петроград без разрешения Временного правительства, приказываю: командирам подводных лодок топить суда, не повинующиеся Временному правительству».

Но так как в радиограмме не было указано, какие именно суда не повинуются Временному правительству и какие суда самовольно вошли в Неву, то при всех обстоятельствах эта радиограмма была пустым звуком.

Между тем в Штабе стало известно, что здание Главного почтамта и телеграфа уже в течение двух часов находится в руках большевиков.

Среди офицеров Штаба началось замешательство.

Вторично отдав приказ об аресте всех большевистских вождей и облегчив этим свою душу, Керенский стал на карте высчитывать, каким образом окружить Смольный, чтобы изолировать его и пресечь действия восставших. Нужны были казаки.

Но казаки по-прежнему отсиживались в казармах и на все просьбы и мольбы снова неизменно отвечали: «Сейчас начнем седлать лошадей».

Верная часть Керенского — команда блиндированных автомобилей — стала волноваться. Офицеры Штаба вели себя вызывающе.

Полковник Полковников продолжал вести двойную

игру и, уверяя Керенского в верности, агитировал офицеров тотчас арестовать премьера.

Тогда Керенский, видя измену Полковникова, принял на себя все командование. Однако дело ни на йоту не изменилось, так как, в сущности говоря, не над чем было командовать.

В шесть часов утра Керенский вторично стал беседовать со ставкой главнокомандующего Северным фронтом, чтоб ускорить присылку войск в Петроград. Но толку не мог добиться, так как главнокомандующий уверял, что его действия контролируются революционным комитетом и он сам войсками не распоряжается, но что он постарается сделать все, что от него зависит. В общем, дипломатические слова не принесли ему никакой пользы.

Положение создавалось критическое. Оставалась надежда, что генерал Краснов успеет подтянуть свой казачий корпус к столице.

В седьмом часу утра, так и не дождавшись известий о движении войск к Петрограду, Керенский, разбитый и потрясенный, с мыслями «утро вечера мудреней», направился в Зимний дворец, чтобы хоть немного вздремнуть.

8. 25 ОКТЯБРЯ

Юнкера, охранявшие Зимний дворец, заволновались при виде премьера. Нарушая дисциплину, они группами подходили к Керенскому и, окружив его тесным кольцом, взволнованно расспрашивали о положении дел и о дальнейших возможностях.

Керенский, подтянувшись и приняв соответствующую позу, бодрым голосом успокаивал их, говоря, что он с минуты на минуту ожидает прибытия в Петроград свежих воинских частей, верных ему и Временному правительству.

Это несколько успокоило юнкеров, и они расступились перед премьером, который развинченной походкой проследовал в свои покои.

Он вошел в свой кабинет и не раздеваясь бросился на оттоманку. Но заснуть не мог.

Нервное возбуждение было столь велико, что он ни минуты не мог оставаться в спокойном положении. Он налил эфиру на носовой платок и жадно поднес его к своему лицу.

Он не заснул, но какое-то оцепенение охватило его.

В восемь часов утра в кабинет премьера почти вбежал фельдъегерь.

Керенский, бледный, без кровинки в лице, открыв глаза, продолжал лежать, ожидая слов фельдъегеря как приговора.

— Центральная телефонная станция, господин верховный главнокомандующий,— сказал фельдъегерь,— в руках большевиков... Штаб потерял связь с городом... Что прикажете доложить командующему?

В одно мгновение вскочив с оттоманки, Керенский подбежал к окну.

У Дворцового моста он увидел пикеты матросов.

Невольно закрыв лицо рукой, Керенский сказал фельдъегерю:

— Ступайте... Доложите, что я сейчас буду... Велите разбудить моих адъютантов...

Фельдъегерь вышел из кабинета, и Керенский, подойдя к столу, стал судорожно рвать документы и бумаги. Потом, оставив это, бросился в покои, выходящие на Дворцовую площадь.

Он, не обращая внимания на солдат караула, спавших и лежавших на полу, подбежал к окну и взглянул на площадь.

Площадь была безлюдна. Большевистских отрядов нигде не было видно.

Керенский снова бросился в свой кабинет, куда через минуту явились два адъютанта и министр торговли и промышленности, ночевавший во дворце.

Они вчетвером, почти бегом, дошли до Штаба. В Штабе был развал и суматоха. Охраны не было. Какие-то офицеры, солдаты и штатские бегали по лестнице, не обращая внимания на верховного главнокомандующего.

Узнав от начальника Штаба, что блиндированные машины неизвестно кем испорчены и что никаких сведений нет об эшелонах, идущих к Петрограду, Керенский растерянно взглянул на своих адъютантов и на двух министров, Кишкина и Коновалова, неподвижно стоявших у окна.

Но вдруг огонь решимости зажегся в глазах премьера.

— Я сам приведу войска!— закричал Керенский.— Это вздор и ересь... Большевистские агитаторы разложили мне войска петроградского гарнизона. Но я знаю настроение фронта. И тому я имею любые доказательства.

Керенский показал рукой на письменный стол, на котором в беспорядке лежали полученные вчера телеграммы

с изъявлениями верноподданнических чувств.

Министр торговли и промышленности Коновалов, плотный, бритый человек с внешностью русского купца, получившего образование за границей и одетого по-английски, сказал, пожав плечами:

— Эти бумажки, Александр Федорович, сейчас не имеют значения. Это, конечно, очень хорошо, если вы сами поедете за армией, но как это сделать?— почти весь город в руках большевиков.

Все посмотрели в окно, но ничего страшного не увидели. Прохожие спешили как обычно, и к Невскому шли трамваи с висящими на подножках людьми.

— Прикажите тотчас подать мою дорожную машину!— закричал Керенский, обращаясь к адъютанту.

Первый адъютант Керенского, юный девятнадцатилетний прапорщик Миллер, бросился исполнять приказание.

— Это вздор и ересь!— снова вскричал Керенский.— Я допускаю, что генералы Духонин и Черемисов против меня, но за солдатскую массу я отвечаю... Я сам поведу войска к Петрограду... И это большевистское отребье как дым исчезнет при виде двух-трех свежих рот!

В коридоре, за дверью кабинета раздался вдруг шум и топот солдатских ног. Керенский побледнел и вопросительно взглянул на адъютантов.

Группа юнкеров вошла в кабинет. Один из них, отдавая честь, сказал, обращаясь к Керенскому:

— Господин верховный главнокомандующий. Большевики только что прислали нам ультиматум — очистить здание Зимнего дворца. В противном случае они грозят расправиться с нами без пощады... Как прикажете поступить? Свой долг мы согласны выполнить до конца, но если...

Воинская речь юнкера осеклась, и он, мямля и подыскивая слова, тихо добавил:

— Но если у вас... если войска... если нет подкрепления, то юнкера считают... Может быть, это и не нужно... оборонять дворец...

— Юнкера,— торжественно сказал Керенский,— вы гордость моей армии. От вас ли я слышу эти слова? Ступайте и скажите всем, что положение далеко не безнадежное. И что мы каждую секунду ожидаем подкрепления. Ступайте, господа, и выполните ваш долг перед родиной согласно вашей присяге.

Адъютант, прапорщик Миллер, явившись, доложил, что машина подана.

Юнкера понуро ушли выполнять свой долг перед Временным правительством.

Прапорщик Миллер, доложив о машине, сказал, что сейчас в ставку отправляется американская машина и было бы безопасней выехать вместе с ней под защитой американского флага.

Изъявив на это согласие, просветленный Керенский стал прощаться с министрами.

Оставив своим заместителем Коновалова, он сказал, обратившись к нему:

— Кроме того, Александр Иванович, я оставляю вас своим заместителем и по обороне Петрограда.

Министр торговли и промышленности, молча пожав плечами, отвернулся к окну.

9. ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАЙ НОЧИ

Верховный главнокомандующий, два его адъютанта и помощник командующего армией капитан Кузьмин поместились в открытой машине. Офицер для поручений Виннер и штаб-офицер сели в американскую машину.

Процессия благополучно тронулась в путь. Было около десяти часов утра 25 октября.

Никто не пытался их задержать. Прохожие, узнав Керенского, останавливались и приветствовали его.

Самодовольная улыбка снова появилась на измученном лице премьера.

Они проехали по Морской мимо патрулей красногвардейцев, стоявших у телефонной станции, и, развив скорость, вышли за черту города.

Выйдя на шоссе, к Гатчине, они столкнулись с большим отрядом красногвардейцев, которые, подняв винтовки, приказывали остановиться. Но, развив бешеную скорость, машина скрылась из виду.

Американский флаг, видимо, помог — выстрелов не было.

Через полтора часа машины подъезжали к Гатчине.

От тряски, бессонной ночи и волнений Керенский, почти теряя сознание, сидел зеленый и почти бездыханный.

Капитан Кузьмин сказал, что в Гатчину не имеет смысла заезжать — на путях не видно никаких эшелонов, и было бы правильно сразу направиться в ставку Северного фронта.

Адъютант, прапорщик Миллер, показав глазами на полумертвого Керенского, тихо сказал, что он не берется дальше везти его и что следует в Гатчине немного отдохнуть.

Керенский, приободрившись, сказал, что стакан горячего чая снова придал бы ему силы.

Машина остановилась у подъезда гатчинского дворца. Выбежавший комендант, неприятно пораженный неожиданным и небезопасным для него посещением, повел высоких гостей в свои комнаты.

Весть о прибытии премьера стала быстро распространяться по Гатчине. Ко дворцу спешили солдаты и жители.

Комендант вел себя подозрительно. И Керенскому вдруг показалось, что комендант, подойдя к окну, делал какие-то знаки.

Тотчас был забыт чай, и Керенский приказал занять места в машинах.

Это было своевременно. Около дворца стояла теперь возбужденная толпа солдат.

Толпа заволновалась, увидев Керенского. Но быстрота действий спасла и на этот раз премьера.

Машины моментально двинулись в путь. Солдаты, потрясая винтовками, бросились за ними.

Машина Керенского быстро ушла вперед. Но американская машина, колеся по улицам Гатчины, подверглась обстрелу. Был ранен шофер и пробита шина.

Автомобиль остановился, и сидящие в нем скрылись в парке.

Теперь Керенский поехал в Псков, в ставку главнокомандующего Северным фронтом.

Ничего хорошего Керенский не ожидал от этой поездки: он не верил генералу Черемисову и боялся его. Но он надеялся встретить в Пскове генерала Краснова с его донцами и неясно надеялся на генерала Духонина, своего заместителя, со ставкой которого он никак не мог связаться. Ставка бездействовала. Она была парализована, или сам Духонин держался выжидательной политики.

Машина прибыла в Псков, и Керенский, не заезжая к Черемисову, решил остановиться в более надежном месте — у своего родственника генерал-квартирмейстера Барановского.

Керенский был самым неприятным образом поражен суматохой в доме: чемоданы и корзины нагружались вещами,— генерал Барановский, видимо, спешил покинуть Псков.

Вероятно, положение было действительно критическое, если его близкий родственник, брат его жены, спешно собирался бежать.

Сведения, сообщенные Барановским, были самые отчаянные. В Пскове действовал большевистский военно-революционный комитет. Всего час назад на имя комитета пришла телеграмма об аресте Керенского. Генерал Черемисов никаких эшелонов не посылал к Петрограду и даже отменил ранее данный приказ о посылке 3-го Конного корпуса.

Тогда Керенский сказал, что ему необходимо срочно лицом к лицу встретиться хотя бы с какой-нибудь воинской частью и тогда он ручается за успех — он сам поведет солдат на Петроград.

Вызванный к Керенскому генерал Черемисов тотчас явился, но вид его ничего хорошего не сулил.

Небрежно разговаривая, зевая, усмехаясь и пожимая плечами, генерал стал советовать Керенскому оставить эту военную затею — идти на Петроград.

Керенский возмущенным тоном стал кричать «на забывшего свой долг генерала», но тот весьма откровенно сказал, что он, собственно говоря, не желает связывать свою судьбу с судьбой уже обреченного правительства.

Пораженный такой откровенностью, Керенский вдруг осел, завял и стал бормотать:

— Ну, это уж слишком, генерал... Вы ответите мне...

— Я солдат,— сказал генерал Черемисов,— и привык говорить правду. Если вы хотите слышать слова человека, разбирающегося в обстановке, то я вам скажу: бегите. Если желаете, мои офицеры нынче же ночью помогут вам пройти через фронт...

Керенский, несвязно бормоча, спросил:

— А генерал Краснов? Неужели и генерал Краснов разделяет вашу точку зрения... Где он?

— Генерал Краснов в Острове, и с минуты на минуту я жду его здесь. Об его намерениях я не знаю, но, если желаете, я направлю его к вам.

Генерал ушел, и Керенский буквально рухнул на диван. Он лежал в каком-то оцепенении, почти в обмороке.

Адъютанты на цыпочках ходили вокруг него, боясь потревожить покой гибнущего главнокомандующего.

Между тем генерал Черемисов, вернувшись в Штаб, позвонил главнокомандующему Западным фронтом генералу Балуеву и посоветовал ему ни в каком случае не

оказывать помощи правительству, даже если он получит угрожающий приказ Керенского.

10. ПОЛОЖЕНИЕ МЕНЯЕТСЯ

В 12 часов ночи Керенский очнулся от своей дремоты. Перед ним стоял Краснов — красивый пятидесятисемилетний генерал, весьма еще бравый и франтоватый. Это был в свое время верный царский слуга, ярый монархист, человек жестокий, неглупый и крайне деятельный. Это был командир 3-го Конного казачьего корпуса, того знаменитого корпуса, который в августе во главе с Дикой дивизией был брошен Корниловым на Петроград. Теперь все части этого корпуса были разбросаны по всему Северному фронту.

Несмотря на уговоры Черемисова, Краснов явился к Керенскому, которого он заочно презирал и ненавидел, но в лице которого видел прежнюю помещичью Россию.

Он явился к Керенскому, преодолевая отвращение к этому штатскому «главковерху». Но его ненависть к большевикам, ненависть к рабочим была сильнее этого отвращения. И вот теперь он стоял перед своим верховным вождем, желая с ним столковаться о совместном действии против пролетарского фронта.

Керенский вскочил с дивана. Тотчас лицо премьера стало надменным, суровым и повелительным.

Почти заносчивым тоном он произнес:

— Где ваш корпус, генерал? Я надеялся встретить его под Лугой. Почему вы так медлите? Вы же знаете, что нам каждая минута дорога.

Краснов сказал, что все части его 3-го корпуса самим Керенским в свое время были разбросаны по Северо-западному фронту, что здесь, в Острове, имеются всего лишь два неполных полка и что он сам не знает, удастся ли в скором времени собрать все эти части воедино. Ему, например, известно, что части Уссурийской дивизии под влиянием революционного комитета отказались следовать дальше, хотя находились уже в походе.

— Пустяки. Не может быть,— сказал Керенский.— Я знаю, что в основном вся армия стоит за Временное правительство. Большевизм далек духу нашей армии. Я должен сам встретить эти части и их повести. И тогда я не сомневаюсь, что все пойдут за мной. Вы слышите, генерал, что я вам говорю?!

Краснов впервые «имел счастье» видеть верховного правителя. Он теперь с нескрываемым любопытством и удивлением взирал на него. Изможденное, больное, усталое лицо премьера горело огнем вдохновения. Повелительность тона и жестов была слишком невероятна для обычного комнатного разговора. Приподнятый и театральный тон изумил генерала. Ему казалось, что он видит перед собой сумасшедшего.

Краснов впоследствии писал в своих записках, что ему казалось, что несвязная, повелительная речь Керенского каждую минуту может закончиться безумным смехом, истерикой и криками: «Все васильки, васильки, красные, синие всюду».

— Необходимо собрать все наши части,— продолжал Керенский.— Уссурийскую дивизию я вам верну! Кроме того, вы получите 31-ю пехотную дивизию и 15-й армейский корпус. Я уже отдал распоряжение. Ну как, вы довольны, генерал?

— Если все это соберется,— сказал Краснов,— тогда можно будет идти на Петроград.

— Отлично. Начинайте действовать. Я назначу вас командующим армией...

Генерал стал прощаться. Керенский, как бы очнувшись, спросил его простым, повседневным тоном:

— Куда же вы, генерал? Посидите еще немного...

— Я еду в Остров,— ответил Краснов.— Я полагаю нужным завтра выступить с тем, что мы имеем, и идти к Гатчине.

— Я вполне одобряю ваш план, генерал! Именно идти к Гатчине. Эти негодяи, представьте себе, сегодня открыли там пальбу по нашему автомобилю. Но я уверен, что в основном гатчинские солдаты далеки от большевистской заразы.

Генерал направился к выходу.

— Постойте, генерал,— остановил его Керенский,— я решил ехать с вами.

Он приказал подать свой автомобиль и в сопровождении своего штаба выехал в Остров.

В три часа ночи Краснов и верховный главнокомандующий были в Острове.

К 11 часам утра Керенский приказал разбудить его и к тому времени собрать полки, так как он хотел выступить перед ними.

Краснов считал это лишним, но, вспомнив о природном

даре премьера, согласился. Но он просил, чтоб Керенский выступил только перед комитетом, считая, что выступление перед всеми казаками не будет полезным. Керенский нехотя согласился.

Утром огромная толпа любопытных стояла около дома, где спал Керенский. Какие-то дамы с цветами и гимназисты с волнением ожидали премьера.

Комитеты тоже готовились к встрече.

Краснов пошел за Керенским. Тот спал, сидя за столом в отведенной ему комнате.

Он вздрогнул и тотчас проснулся, когда генерал вошел в комнату.

Необычайно оживившись и просветлев, Керенский пошел за Красновым.

Как и ожидал Краснов, речь Керенского не произвела хорошего впечатления на казаков. Избитые фразы: «завоевания революции в опасности», «русский народ — самый свободный народ в мире», «безумцы большевики ведут страну к гибели»— не тронули станичников.

Раздались возгласы: «Довольно нам слушать эту болтовню! Товарищи, он врет, большевики не этого хотят. Перед нами новая корниловщина... Капиталисты и помещики снова желают схватить народ за горло...»

Керенский был ошеломлен приемом. Он неуверенно продолжал говорить. Краснов делал ему знаки окончить речь.

Профессиональное умение премьера не спасло его на этот раз, и он закончил речь при тягостном молчании собравшихся.

Два-три жидких хлопка только подчеркнули неприятность момента.

Краснов поправил положение. Он коротко, но жестко и повелительно сказал:

— Казаки, сегодня в час дня будет посадка на эшелоны. Приготовиться.

Керенский, смущенный и подавленный, в сопровождении Краснова и адъютантов собирался выйти из помещения комитета.

Подошедшие к Краснову офицеры доложили, что Керенского без охраны не следует отпускать, так как настроение казаков и местных солдат не в его пользу.

В самом деле, собравшаяся восторженная толпа поредела. Дамы с цветами неожиданно исчезли, и теперь перед

домом стояли возбужденные группы казаков и солдат. Слышались крики, угрозы и гул недовольства.

В час дня 26 октября началась погрузка на эшелоны.

Керенский и Краснов прибыли на вокзал, как пишет сам премьер, «под гневный рев разнузданной солдатчины».

Краснов побоялся озлоблять массы и ограничился только тем, что по его приказанию казаки, размахивая нагайками, оттеснили собравшихся.

Через два часа эшелоны были готовы к отправке. Однако пришедший офицер доложил, что машинист исчез и состав некому вести.

Один из офицеров конвоя предложил свои услуги.

В четвертом часу дня эшелоны двинулись через Псков к Гатчине.

В этих эшелонах был весь наличный состав сил Краснова — несколько сотен 9-го Конного полка и четыре сотни 10-го полка. Причем сотни были неполного состава. И генерал Краснов полагал, что в случае если придется спешиться, то он будет иметь не более пятисот человек боевых сил.

Но Керенский был доволен. После полного безлюдья это была значительная сила, к которой, он полагал, будут присоединяться все встреченные воинские части.

Итак, эшелон направился через Псков к Гатчине. Причем, зная настроение псковского гарнизона, решено было в Пскове не делать остановку.

Началось наступление на столицу.

Но прежде чем подойти к столице, надо было захватить Гатчину и Царское Село.

Сидя в своем купе, верховный главнокомандующий внимательно изучал десятиверстную карту, полученую им от генерала Краснова.

11. СНОВА ГАТЧИНА

В пути Керенский назначил Краснова командующим армией, идущей на Петроград.

Краснов, пожав плечами, принял назначение.

Командующий армией, у которого всего две роты военного состава!

— Это игра в солдатики,— сказал сквозь зубы Краснов своим офицерам.— Этот господин Керенский противен мне в высшей степени. И будь не столь острое положение, я бы приказал эшелону вернуться. Но нам, господа, нужно

помнить о родине, которая действительно в смертельной опасности. И когда эта опасность минует, мы покажем место этому революционному господину.

На станции Чарская эшелон остановился. Из встречного поезда сошли несколько офицеров, бегущих из Петрограда. Они просили Краснова взять их с собой. И теперь они докладывали генералу о событиях в Петрограде. Зимний дворец пал. В Петрограде образовался Комитет спасения родины и революции.

Керенский подошел к купе, где сидели офицеры, и с любопытством стал слушать. Потом, обращаясь к сотнику Карташеву, просил рассказать о падении Зимнего дворца.

— Это очень интересно, то, что вы говорите,— сказал Керенский, протягивая офицеру руку.— Доложите мне, поручик, более подробно.

Сотник Карташев (по словам Краснова) вытянулся перед верховным правителем, но руки ему не подал.

— Поручик, я подаю вам свою руку!— с особенным ударением сказал Керенский.

— Виноват, господин верховный главнокомандующий,— ответил офицер,— я не могу подать вам руки. Я — корниловец.

Краска залила лицо Керенского. Он круто повернулся на каблуках и быстро пошел к себе, на ходу бросив Краснову фразу.

— Взыщите с этого офицера.

Между тем поезд, развивая большую скорость, шел к Гатчине.

Наступала ночь.

Решено было выгрузиться в пяти километрах от Гатчины и на рассвете захватить город врасплох.

Посланная разведка донесла, что воинских частей в Гатчине не видно, но что на Балтийском вокзале выгружается рота, только что прибывшая из Петрограда.

Краснов окружил станцию, и прибывшая рота, не ожидавшая нападения, сдалась. Это была рота лейбгвардии Измайловского полка.

В плен брать Краснов не имел возможности и, разоружив солдат, отпустил их.

Между тем казаки донесли, что на Варшавской станции взяты в плен еще одна рота и пулеметная команда.

Местный гарнизон не проявлял признаков жизни. Гатчина была в руках Краснова. Все это заняло не более трех часов.

В 10 часов утра Краснов хватился Керенского, но его нигде не было, и никто не знал, где он. Казаки, впрочем, сказали, что он как будто пошел разыскивать какой-нибудь трактир, чтобы выпить стакан чаю.

Краснов направился к гатчинскому дворцу и там нашел премьера в одной из квартир запасной половины.

Керенский буквально ликовал. Он преобразился. Улыбка не сходила с его лица. Он встретил Краснова словами:

— Вот видите, генерал, я же вам говорил. Мы нигде не встретим сопротивления. Армия с нами, и в этом я так же уверен, как в самом себе.

Керенский пригласил Краснова к столу, за которым уже сидели адъютанты и две красивые нарядные дамы. Там шла оживленная беседа, слышались шутки и смех.

Краснов отказался от общества, говоря, что ему нужно сделать распоряжения, так как в Гатчину сейчас прибыл из Новгорода новый эшелон с частями 10-го Донского полка при двух орудиях.

Керенский, не скрывая своей радости, сказал:

— То, что у нас есть, уже достаточно, чтоб идти на Петроград. По пути мы буквально обрастем войсками. Я приказываю вам, генерал, сегодня же выступить дальше. Как вы думаете — возможно ли это?

— Я полагаю,— сказал Краснов,— что мы здесь должны подождать хотя бы сутки. Я надеюсь, что подкрепление будет подходить. Тем временем я пошлю разведку к Царскому Селу.

— Я одобряю ваш план, генерал,— торжественно сказал Керенский.— И, поверьте, я не забуду ваше мужество и героизм в такие трудные часы для России.

Краснов, побагровев от злобы, молча вышел из помещения.

12. НА ПЕТРОГРАД

Разведка донесла Краснову, что в Царском Селе спокойно, но что там имеется значительный гарнизон, насчитывающий до пятнадцати тысяч солдат.

И Краснов считал рискованным идти туда со своими силами.

Необходимо было ждать подкрепления. Но подкрепление не шло. Прибыла лишь одна сотня 13-го Донского полка и несколько конных орудий. Подходили также

небольшие группы юнкеров и офицеров, бежавших из Петрограда.

Кроме того, был случайно захвачен застрявший в грязи броневик «Непобедимый».

Краснов сообщил Керенскому о положении дел, и Керенский снова приуныл. Его приказы и категорические распоряжения странным образом не выполнялись.

Стало окончательно известно, что генерал Черемисов вмешивается в эти распоряжения. Им задержан был Нерчинский полк, идущий через Псков в Гатчину, а также задержаны были разрозненные части Донских полков.

Ставка Духонина не проявляла признаков жизни. Западный фронт бездействовал. И посланный приказ в Ревель о высылке войск не был выполнен. Начальник ревельского гарнизона весьма откровенно сообщил, что «впредь до выяснения политической обстановки» он не даст распоряжения о погрузке.

Десятка полтора телеграмм извещало Керенского о движении эшелонов. Но одни, вероятно, по примеру ревельцев, ожидали прояснения горизонта, других задерживали большевистские агитаторы, третьим мешали враждебные Керенскому генералы.

Так или иначе, надежды на подкрепление рушились.

Надо было брать Царское Село теми силами, которые имелись.

Несмотря на некоторый риск, Краснов считал это возможным. Стрелки царскосельского гарнизона были мало боеспособны. Весь день они гуляли по трактирам и кинематографам. Ложились поздно, караульную службу несли плохо. И утром, на рассвете, имелась возможность захватить Царское врасплох.

Однако неожиданности все же могли быть. И поэтому Краснов медлил принять окончательное решение. Керенский, послав телеграмму Духонину с категорическим требованием помощи, снова впал в прострацию — он, вялый и безучастный, сидел в гатчинском дворце, мало интересуясь окружающим.

Между тем из Петрограда поступали катастрофические сведения. Бежавшие офицеры рассказывали, что петроградский гарнизон окончательно и почти полностью перешел на сторону большевиков. Вооруженные рабочие, матросы и красногвардейцы настроены чрезвычайно воинственно и отлично организованы. Их силы — не менее ста тысяч штыков. Большевистские вожди распоряжаются с ог-

ромной энергией и организуют все новые полки. Комитет спасения родины и революции бездействует. Полковник Полковников и высшее военное начальство находятся в полной растерянности и лавируют так, чтобы сохранить свое положение при всяком правительстве.

В два часа дня из Петрограда на имя главковерха неожиданно пришла телеграмма, весьма взволновавшая Керенского.

«Комитету спасения родины и революции крайне необходимо знать, когда ваши войска будут в Петрограде. Положение крайне тяжелое. Отвечайте. Член совета Мариянов».

Снова признаки жизни появились на истомленном лице Керенского. Он вызвал к себе Краснова и стал говорить, что он не может больше оставаться в бездействии, что он обещал лично повести войска на столицу и что нужно наконец что-то предпринять.

Краснов сказал, что, прежде чем идти на столицу, необходимо взять Царское Село. Но если ему с его силами не удастся это сделать, то все дело можно считать погибшим.

— Генерал,— сказал Керенский,— я приказываю вам идти с вашими силами на Царское Село. Можете быть уверены — гарнизон Царского Села перейдет на нашу сторону... Я прошу вас немедленно дать телеграмму Комитету спасения о том, что мы переходим в наступление. Это морально поддержит их и войска, верные присяге.

Краснов согласился с этим. Он послал телеграмму в Петроград за своей подписью:

«Комитету спасения родины и революции. Завтра в 11 часов выступаю в Петроград. Буду идти, сбивая и уничтожая мятежников. Буду занимать позиции по рубежам. Прибытие в Петроград зависит от активности верных присяге войск гарнизона».

Снова нервный подъем охватил Керенского. Он бегал из угла в угол, крича:

— Нужно, не медля ни часу, идти на столицу! Нужно доставить сюда хоть какие-нибудь эшелоны. Они в пути. Мы имеем сведения. Это не может быть, чтобы они все были задержаны большевиками.

В три часа дня 27 октября пришла наконец телеграмма из Могилева от заместителя верховного главнокомандующего генерала Духонина.

Дрожащими руками Керенский взял телеграмму и стал

читать. Вдруг лицо его смертельно побледнело. Он зашатался и, пробормотав «все пропало», потерял сознание. Подхваченный под руки адъютантами, он упал в кресло и остался в нем без движения.

Тотчас адъютанты забегали и засуетились. Прапорщик Миллер бросился за водой. Лейтенант Кованько поднес к носу командующего пузырек с нащатырным спиртом.

Керенский тяжело вздохнул, но сознание к нему не возвращалось.

Рассказывающий об этом факте свидетель (офицер Керенского, заведующий гражданской частью Гатчины) сообщает, что Керенский, прочитав телеграмму Духонина, неправильно понял ее смысл. Духонин, напротив того, давал свое согласие на поддержку Временного правительства. Керенскому же почему-то показалось, что Духонин отказывает ему в поддержке.

Офицер Керенского поручик Виннер, пробежав глазами телеграмму, огласил ее всему обществу, и тогда Керенского с новыми силами стали приводить в чувство.

Наконец он открыл глаза, мутным взором обвел окружающих и снова взялся за телеграмму. В самом деле, Духонин обещал свою помощь. Правда, дипломатично, но все же давал обещание сделать все, что в его силах.

Керенский вновь оживился. Он приказал приготовить на станции состав, и сам со всем штабом перешел в вагон.

Несмотря на дождь, огромная толпа любопытных окружила вагон Керенского. Все желали взглянуть на «сказочного» премьера. Однако Краснов распорядился разогнать собравшихся. И казаки, размахивая нагайками, лихо врезались в толпу. Станция стала пустынной.

Началась походная жизнь. Правда, состав без движения стоял на станции, но каждую минуту все были готовы к отправлению на Петроград.

Краснов энергично готовился к наступлению. Он решил захватить Царское таким же образом, как он захватил Гатчину. Он назначил наступление в ночь с 27 на 28 октября. На рассвете казаки должны были занять Царское Село врасплох.

Между тем в Гатчине появились большевистские агитаторы. Посланные из Петрограда со специальной целью разложить войска Керенского, они, под видом представителей военных комитетов, беседовали с казаками, разъясняя им положение дел.

13. НАСТУПЛЕНИЕ

В третьем часу ночи казачьи отряды Краснова двинулись к Царскому Селу.

Девятьсот казаков, шестнадцать конных пушек и восемь пулеметов — это было немного, но все же достаточно для неожиданного захвата спящего города.

В предутреннем тумане казаки наткнулись на стрелковые заставы. Разоружив их, двинулись дальше.

Показалось Царское Село. И дорогу неожиданно преградила стрелковая цепь.

Раздались выстрелы. Затрещал пулемет.

Краснов отдал приказание артиллерии — открыть огонь.

Шрапнель бьет по стрелковой цепи, но стрелки не отходят.

Краснов посылает в обход сотню енисейцев.

Стрелки бегут назад.

Теперь у царскосельского парка собрался почти весь гарнизон. Но никто из них не стреляет.

Там происходит митинг и решается вопрос — что делать.

Казаки подъезжают ближе. У стрелков видна готовность сдаться без боя. Но часть стрелков неожиданно отделяется и, рассыпавшись в цепь, снова встречает казаков огнем. Посланная во фланг сотня топчет стрелков.

Многие втыкают винтовки в землю.

Казаки начинают разоружать солдат.

К Краснову подходит элегантный, стройный человек, одетый как спортсмен.

Это — Савинков.

Он спрашивает, есть ли возможность у Краснова тотчас двигаться на Петроград.

Краснов говорит, что отступление назад равносильно гибели и что он решил продвинуться вперед, несмотря на свои незначительные силы.

Савинков считает это правильным. Он говорит:

— Было бы разумно, генерал, если бы вы немедленно устранили Керенского и все командование взяли в свои руки. Прикажите арестовать его. Дела он не поправит, но повредить может.

Краснов обещал обдумать этот шаг.

Между тем казаки отпускают по домам разоруженных стрелков. Часть стрелков все же колеблется и не отдает

винтовки. Казаки начинают разоружать силой. Слышится свист нагаек, крики и стоны.

И тут неожиданно появляется автомобиль.

Это на фронт прибыл Керенский. Он три часа просидел на вышке метеорологической обсерватории, что на полдороге к Царскому. Ничего особенного там он не увидел. И теперь лично приехал посмотреть, что тут происходит.

В автомобиле — адъютанты Керенского и две шикарные дамы, с которыми премьер завтракал во дворце.

Появление с дамами вызывает возмущение и улыбки. Всем кажется страшно неуместным этот роскошный открытый автомобиль с пассажирами, выехавшими как на утреннюю прогулку.

Казаки негодуют. Здесь, на поле, еще лежат раненые. К чему этот эффектный выезд?

Кто-то из казаков кричит:

— Глядите, прибыла штатская куртка.

Краснов, соблюдая воинские правила, подходит к главнокомандующему.

Керенский крайне недоволен. Увидев Савинкова, он тихо, но веско говорит Краснову:

— Весьма странно, генерал. Все-таки я верховный главнокомандующий. Почему вы мне не донесли о взятии Царского Села? Я сижу на этой дурацкой вышке и решительно ничего не знаю.

Краснов говорит, что Царское еще не взято, что стрелки оказывают сопротивление и казакам приходится силой разоружать их.

— Пустяки,— говорит Керенский.— Где эти стрелки?

Машина Керенского врезается в толпу вооруженных стрелков, окруженных казаками.

Керенский встает на сиденье автомобиля и начинает говорить. Слышатся отрывистые, истерические фразы.

Стрелки ошеломлены и слушают его с диким любопытством, не понимая, что он, собственно, от них хочет. Дамы и адъютанты начинают аплодировать премьеру.

Тотчас по окончании речи казаки отбирают винтовки, которые стрелки теперь отдают безропотно, ошеломленные неожиданностью.

Краснов говорит своим офицерам:

— Вы знаете, господа, эта штафирка мне буквально на нервы действует. Савинков мне предложил его арестовать, и, кажется, в самом деле этим кончится.

Между тем Керенский объезжает теперь ряды казаков. Он здоровается с ними и поздравляет с победой русского оружия над большевиками.

Казаки сердито смотрят на верховного вождя. Кто-то из казаков громко кричит почти в лицо премьеру: «Эй, штатская куртка!»

Керенский останавливает свою машину у рядов казачьей артиллерии. Он это видит в первый раз. И теперь, поздоровавшись с казаками, намеревается произнести речь.

Но Краснов, побагровев, упрашивает его не делать этого. Видя, что уговоры бесплодны и Керенский снова порывается встать на сиденье автомобиля, Краснов грубо говорит ему:

— Никаких речей я не могу тут допустить, Александр Федорович... Вы — верховный главнокомандующий, но тут, на поле брани, я хозяин. Тут, знаете, война, а не судебная палата по бракоразводным делам.

Вдруг справа, со стороны Павловска, показываются цепи, которые открывают ружейный и пулеметный огонь.

Пленные стрелки разбегаются. Дамы взвизгивают. Машина Керенского исчезает.

Краснов приказывает своей артиллерии открыть огонь по наступающим.

Происходит перестрелка. Сотня казаков, рассыпавшись лавой, заходит в тыл.

Павловская цепь отходит, отстреливаясь.

К вечеру 28 октября Краснов полностью занял Царское Село, с огромной жестокостью расправился с большевиками и сочувствующими.

Уехав с фронта по настоянию Краснова, Керенский не пожелал бездействовать в Гатчине. Он снова после ружейного обстрела расположился на вышке метеорологической станции и оттуда до вечера наблюдал в бинокль за батальными сценами и вообще за тем, что вокруг делается.

Ночью Керенский отбыл в гатчинский дворец, а утром 29 октября снова появился в Царском Селе.

В его руках теперь мощная сила — царскосельская радиостанция.

Всюду и во все концы страны Керенский стал рассылать радиограммы с повелением бороться до конца.

Вот одна из радиограмм, пущенных в пространство:

«Идите спасти Петроград от анархии, насилия и голода

и Россию от несмываемого позора, наброшенного темной кучкой невежественных людей, руководимых волей и деньгами императора Вильгельма».

К войскам петроградского гарнизона он обратился со следующим повелительным, но отвлеченным воззванием:

«Всем частям Петроградского военного округа, по недоразумению и заблуждению примкнувшим к шайке, вернуться, не медля ни часу, к исполнению своего долга».

14. СРАЖЕНИЕ ПОД ПУЛКОВОМ

Почти сутки Керенский провел на радиостанции. Реальных результатов, впрочем, от этого никаких не было.

За сутки силы Краснова несколько увеличились лишь за счет захваченного блиндированного поезда и нескольких орудий.

Итак, к вечеру 29 октября Краснов имел девять сотен казаков, восемнадцать конных орудий и блиндированный поезд.

Казаки стали отказываться идти в столицу без поддержки пехоты.

Но тут из Луги пришло сообщение, что 1-й Осадный полк погрузился на эшелоны и направился к Царскому Селу для поддержки Временного правительства.

Казаки, узнав об этом, решили продолжать наступление.

Однако в пути 1-й Осадный полк, обстрелянный небольшим отрядом матросов, разбежался. И к Краснову подошли лишь незначительные группы солдат.

Поздно вечером 29 октября Краснов все же двинул свои войска по направлению к Пулкову.

Всю ночь казачьи заставы перестреливались с матросами у станции Александровская.

Ранним утром 30 октября с точностью определилась боевая обстановка.

На окраине деревни Редкое Кузьмино залегли казаки. Матросы же и красногвардейцы окопались на склоне Пулковской горы — красногвардейцы в центре, матросы по флангам. Справа от них — Красное Село.

Между позициями — глубокий овраг, по дну которого течет река Славянка. Это река отделяет казаков от большевиков.

Краснов посылает сотню казаков на деревню Большое Кузьмино с целью обойти матросов. Другую сотню направ-

ляет на Красное Село, на деревню Сузи. Но силы казаков слишком малы, и посланные отряды возвращаются.

Краснов отдает приказ артиллерии открыть частый огонь по окопам большевиков.

Но большевики стойко держатся и не отступают. Особенно мужественно ведут себя кронштадтские матросы.

Керенский, узнав о начавшемся сражении, собрался уже выехать из Гатчины на позиции, чтобы своим личным присутствием вдохновлять войска, но к нему неожиданно явилась делегация во главе с Савинковым и просила его не появляться на фронте, так как это (как сам не без наивности пишет Керенский) «может нежелательно отразиться из психологии линейных казаков».

Другими словами, Керенского попросили ни во что не вмешиваться, так как даже один вид премьера раздражал казаков.

Керенский начинал сознавать свое положение.

Еще вчера неприятным образом его поразил резкий и даже грубый тон Краснова. Керенский не без горечи пишет: «Вчерашнее поведение Краснова и его штаба создали во мне убеждение, что я здесь совсем лишний».

Слова Савинкова и его делегации еще в большей степени убедили премьера, что ему тут делать нечего.

Но он, склонный к поверхностным суждениям, сосчитал это «корниловщиной», офицерскими происками и, может быть, даже завистью Краснова к его популярности.

Так или иначе, он остался в Гатчине, переходя из дворца в поезд и обратно.

Между тем бой на реке Славянке разгорался все сильней.

Три броневика красногвардейцев вышли на шоссе и стали обстреливать деревню Редкое Кузьмино.

Матросы перешли в наступление.

Штаб Краснова находился на передовой линии позиции, в деревне Редкое Кузьмино. Туда же прибыл Савинков и, как пишет Краснов, «рисовался своим нахождением в цепях».

Краснов понял, что одной артиллерией невозможно заставить большевиков отступить.

Он послал пулеметчиков в наступление на левый фланг и стал теснить большевиков к деревне Сузи.

Броневой поезд Краснова медленно продвигался по Варшавской ветке по направлению к Петрограду.

Сотня казаков Оренбургского полка, развернувшись лавой, ринулась на деревню Сузи, занятую матросами.

Матросы продолжали стойко держаться, осыпая конницу градом пуль.

Вдруг казаки, не достигнув деревни, неожиданно наткнулись на болото. Лошади стали вязнуть. Атака приостановилась. Сотня, спешившись, бросилась назад под пулеметным огнем матросов.

Поражение было очевидным.

Этот эпизод отразился на всем ходе сражения. Казаки пали духом. А матросы, установив на Пулковской горе дальнобойное морское орудие, стали энергично бить по тылу.

Их снаряды ложились вдоль шоссе по коноводам, которые начали создавать в тылу панику.

Царскосельский гарнизон, державший до сего времени нейтралитет, снова пришел в волнение и вынес резолюцию — тотчас прекратить бой, иначе гарнизон выйдет казакам в тыл.

Между тем у Краснова снаряды подходили к концу, и он не смог даже заставить замолчать морское орудие.

Артиллерийский бой стал затихать. Наступал вечер.

Батарея Краснова, без приказа, стала отходить назад.

Матросы снова перешли в наступление. Они, как пишет сам Краснов, с большим искусством стали накапливаться на обоих флангах и стремительным натиском бросились к Царскому Селу, заходя в тыл Краснова.

Краснов спешно стал оттягивать своих казаков к полотну Варшавской дороги.

Матросы теснили отступающие казачьи цепи.

Надвигалась ночь, стало темно, и большевики, заняв деревню Редкое Кузьмино и подойдя к станции Александровской, прекратили наступление.

Поражение Краснова было полным.

15. У РАЗБИТОГО КОРЫТА

Краснов, оставив цепь казаков охранять Гатчину, приве туда остатки своего отряда.

Штаб Краснова стал обсуждать, каким образом заклк чить перемирие с большевиками. Необходимо было вы играть время, так как новая пачка телеграмм извещала о движении эшелонов к Гатчине для поддержки правитель ства.

Но шли они медленно и, видимо, в пути задерживались.

Керенский был взволнован и потрясен. Не скрывая своего огорчения, он спросил Краснова, что тот намерен делать.

Краснов сказал, что в случае наступления большевиков он будет с боем отступать на Дон.

Керенский стал умолять Краснова продержаться хотя бы два дня в Гатчине.

Он сказал:

— Генерал, если ожидаемые эшелоны не подойдут я обращусь за помощью к полякам. Вчера командир польского корпуса Довбор-Мусницкий мне лично обещал поддержку.

Во время этого разговора к Краснову подошел взволнованный его адъютант и доложил, что казаки больше не охраняют Гатчину. Их цепь самовольно ушла в казармы. И посланные заставы отказались взять с собой патроны, говоря, что по своим они стрелять больше не будут.

Тогда Краснов послал на заставы только что прибывшую свежую казачью сотню, которая еще не ознакомилась с настроением здешнего отряда.

Эти казаки перекопали шоссе, чтобы броневые автомобили матросов не могли подойти, и выслали вперед заставы.

Савинков был назначен начальником обороны Гатчины.

Наступало утро 31 октября.

Всюду в аллеях парка, на улицах и у ворот казарм шли митинги.

Казаки были взволнованы и возбуждены. Слышались крики и угрозы по адресу Керенского, который «заварил кашу».

Большевистские агитаторы почти открыто вели пропаганду, разъясняя обстановку и общее положение. Раздавались возгласы:

— Помещики снова хотят вернуть свою власть... Генералы превращают вас в жандармов...

Встав утром и подойдя к окну, Керенский был ошеломлен картинами развала красновского отряда. Дисциплина была забыта. С папахами, лихо сдвинутыми на затылок, с трубками в зубах казаки тут же, перед дворцом, оживленно беседовали, крича, бранясь и жестикулируя.

Бледный, в полном душевном смятении, Керенский вызвал к себе адъютантов и четырех офицеров своего штаба.

Подойдя к окну и показав рукой на казаков, он сказал,

что большевики, кажется, и тут испортили ему дело, и если это так, то положение следует считать почти безнадежным. И если сегодня не придут свежие войска, то пусть каждый из офицеров сам позаботится о своей судьбе.

Офицеры ответили, что они разделяют его точку зрения и при первом удобном случае покинут дворец.

Керенский остался с одним адъютантом, который не пожелал его покинуть.

Вспомнив о поляках, Керенский велел адъютанту спешно пригласить к себе Краснова.

Явился Краснов, видимо с большой неохотой. Он застал верховного главнокомандующего в мрачном и расслабленном состоянии.

— Генерал,— сказал Керенский,— как дела? Как поляки — согласны?

Краснов сквозь зубы доложил, что командир польского корпуса, действительно, подтвердил свое согласие прислать в помощь несколько полков. Но так как приход поляков может произойти только не ранее вечера завтрашнего дня, то он, Краснов, считает положение крайне тяжелым — казаки больше, чем он думал, поддаются большевистской пропаганде. И поэтому необходимо срочно заключить перемирие с большевиками, чтобы оттянуть время до прихода эшелонов.

— Ну, а если эти эшелоны придут,— добавил Краснов,— то мы, Александр Федорович, это перемирие побоку и, извините за грубое слово, покажем им кузькину мать. В сущности, наше перемирие — маленькая военная хитрость.

Керенский выдавил на своем лице улыбку.

— Я бы не хотел,— сказал он,— заключать перемирие с большевиками. Нельзя ли, генерал, без этого хотя бы два дня как-нибудь продержаться?

Краснов неожиданно вспылил.

— Извините меня,— сказал он, еле сдерживаясь,— но вы рассуждаете как профан в военном деле. Чем продержаться? Вашими молитвами?.. Вы главковерх. Дайте мне армию, и я продержусь хоть два года. А сейчас, когда у вас один дым, а не армия,— то слуга покорный... да и придут ли еще ваши эшелоны — это большой вопрос. Что вы в них так уверены?

— Что значит уверен,— ответил Керенский.— А вы, генерал, уверены в своих казаках, которые на ваших глазах цацкаются с большевиками?

Генерал побагровел.

— При чем тут мои казаки? — сказал он. — Мои казаки, благодаря вашей революционной фантазии, были разбросаны по всему фронту. Ваша революция растлила их. И в этом менее всего я повинен, Александр Федорович.

— Это намек, генерал? — надменно спросил Керенский.

— Намек, если хотите, — ответил Краснов, — намек на то, что вы перед Россией в ответе за содеянное вами и вашими прочими анархистами.

Керенский встал, желая показать, что беседа кончена.

Краснов сказал:

— Прикажите созвать военный совет. В конце концов не время нам тут с вами пикироваться. Мне пятьдесят семь лет, и вы меня не переубедите, Александр Федорович, своим революционным красноречием.

Теперь два командарма стояли друг против друга, пылая ненавистью. Краснов был умней и значительней Керенского. Он вдруг понял свою мизерную роль во всем ходе событий. И теперь, не скрывая бешеной злобы, смотрел на этого штатского человека, на которого он имел глупость понадеяться.

Созвав военный совет, Керенский доложил собравшимся офицерам о критической обстановке.

Большинство высказалось за немедленное перемирие.

Керенский и Савинков остались с меньшинством.

Керенский, не глядя в сторону Краснова, заявил, что он против перемирия, что перемирие с большевиками создаст в дальнейшем новое правительство, в которое, несомненно, войдут большевики. Но это равносильно краху, так как содружество с большевиками он считает немыслимым и ни под каким видом не стал бы с ними работать. Он считает более правильным поторопить командира польского корпуса, уже обещавшего поддержку.

Савинков настаивал на продолжении военных действий.

Однако пришлось подчиниться решению большинства.

Краснов составил текст мирного предложения, в котором говорилось, что большевики должны тотчас прекратить военные действия и дать полную амнистию всем офицерам и юнкерам. Лигово и Пулково должны быть нейтральными, и ни та, ни другая сторона не может перейти эту линию впредь до окончания соглашения между правительствами.

Керенский, не согласившись с этим текстом, выработал свой особый текст, оставшийся неизвестным истории.

Снова начались обсуждения.

Явившиеся казаки сообщили, что если перемирие не будет сегодня же заключено, то они сами, помимо господ офицеров, войдут в переговоры с большевиками.

Тотчас делегация казаков была послана к большевикам с текстом мирного предложения, выработанного Красновым.

Свой текст Керенский послал отдельно.

Независимо от этого, казаки, как стало в дальнейшем известно, послали к большевикам собственную делегацию.

Тревожный день подходил к концу.

Об эшелонах ничего не было слышно. Поляки также молчали.

Неожиданно пришло сообщение, что эшелоны, отправленные через Лугу в Гатчину, задержаны в пути.

Вечером Савинков выехал на место происшествия с тем, чтобы лично привести эшелоны. При этом Савинков сказал, что если ему не удастся это сделать, то он тотчас отправится за помощью к командиру польского корпуса.

В 8 часов из ставки прибыл французский генерал Ниссель. После короткой «вдохновенной» речи Керенского и сообщения Краснова он, ничего не сказав, поспешно отбыл в ставку.

Вечер в комнатах Керенского прошел неожиданно спокойно и даже мирно.

Обстановка изменилась, и офицеры, кроме лейтенанта Кованько, остались во дворце.

Посланное большевикам мирное предложение как будто бы сулило отдых и передышку.

Четыре офицера, адъютант и сам Керенский собрались за чаем. И, по словам свидетелей, они, как сговорившись, за весь вечер не произнесли ни слова о создавшемся положении.

Весь вечер, как сообщает тот же свидетель, Керенский вспоминал о своем счастливом прошлом присяжного поверенного.

Он весьма оживился, шутил и передавал офицерам содержание своих речей, рассказывал о том сильном впечатлении, которое они производили на судей.

Офицеры никогда еще не видели премьера в таком веселом и шутливом настроении. И это свое душевное равновесие Керенский не потерял вплоть до другого дня.

16. В ПЛЕНУ

Между тем все обитатели гатчинского дворца, кроме Керенского, были настроены в ту ночь весьма тревожно и даже панически. Никто не знал, как большевики отнесутся к мирному предложению, и никто не был уверен, что завтра придут свежие подкрепления, которые позволят говорить с большевиками иным тоном.

Спали не раздеваясь. Казаки, находясь в коридорах дворца, следили за офицерами. Офицеры не были уверены в казаках и каждую минуту ожидали какой-либо вспышки.

Всюду громко и открыто раздавались угрозы и брань по адресу Керенского.

Рано утром 1 ноября в Гатчину вернулись посланные к большевикам парламентеры с подписанным мирным договором. Вместе с парламентерами прибыли два матроса — представители большевиков.

Узнав, что Керенский здесь, матросы приказали поставить у входа усиленный караул и никого из дворца не выпускать.

Дежурный офицер хотел было арестовать прибывших, но матросы сказали:

Если вы послали вашу делегацию для того, чтобы захватить нас как заложников, то вы за это дорого заплатите и не достигнете своей цели.

Подошедшая группа казаков попросила господина офицера не препятствовать представителю большевиков.

Матросы обошли дворец и, приказав в еще большей степени усилить караул, пошли в казармы, чтобы разъяснить казакам истинную обстановку.

Офицер для поручений поручик Виннер, разбудив Керенского, доложил ему, что казаки никого из дворца не выпускают.

Действительно, у подъезда, вместо караула, стояла теперь толпа казаков, которые возбужденно обсуждали события. Некоторые из офицеров пробовали покинуть дворец, но казаки преградили им путь, сказав, что выпускать никого не велено.

Во дворце началось замешательство. Начали искать иных выходов. Но дворец, построенный в виде замкнутого прямоугольника, имел всего лишь один выход, занятый казаками.

Поручик Виннер, обежав дворец по круглому коридору, вернулся с грустным известием, что выхода нет.

Началась паника.

На счастье, шофер Керенского находился еще во дворце. И Керенский отдал ему распоряжение приготовить машину и ждать его за парком.

Однако никто не был уверен, что шоферу удастся это сделать. Но шофер благополучно миновал охрану и вывел свою машину со двора.

Керенский и офицеры стали снова обдумывать, каким образом им покинуть дворец. Но выхода, действительно не было.

Один из служащих дворца сказал, что тут имеется потайной ход, построенный еще Павлом I.

Этот подземный коридор выходит в парк за стенами дворца-крепости. Но входную дверь этого тайника нельзя сейчас открыть, так как поблизости в коридорах находятся казаки. И это будет тотчас замечено. Служащий сказал, что раньше наступления темноты он не берется открыть тайник.

Обитатели гатчинского дворца оказались в плену.

Керенский послал своего адъютанта к Краснову с просьбой заменить казачий караул юнкерами, с тем чтобы дать возможность офицерам Керенского и ему самому уйти.

Краснов резко ответил, что это теперь не в его власти, что казаки под давлением большевистских агитаторов крайне возбуждены, и в особенности возбуждены против самого Керенского, которого они считают виновником всех дел.

В казармах между тем шел митинг. Казаки весьма слабо разбирались в событиях. Напичканные всякими вздорными слухами и неверными сведениями, они теперь, в особенности после вчерашних агитаторов, слушали слова матросов с огромным вниманием. Один из матросов, взобравшись на нары, стал говорить о предательстве Временного правительства, которое согласно даже сдать страну немцам, лишь бы сам народ не оказался у власти. Временное правительство гонит на фронт тысячи молодых крестьян и рабочих ради интересов помещиков и фабрикантов. Советская же власть ставит перед собой задачу добиться справедливого мира, прекращения войны, передачи земли крестьянам, отмены смертной казни на фронте и полного уничтожения эксплуатации. Керенский — враг народа, потому что выражает интересы буржуазии. Казаков же он мечтает превратить в жандармов и тем самым возбудить против них всеобщую народную ненависть и преследование.

Митинг затягивается. Офицеры и юнкера, находящиеся

в казарме, начинают выступать против, требуя, чтобы казаки выгнали большевистских агитаторов.

Наступает критический момент. Часть казаков поддерживает офицеров. Но большая часть казаков переходит на сторону большевиков.

Представитель большевиков предлагает прекратить войну и арестовать Керенского, после чего казаки могут свободно возвратиться к себе на Дон.

Казаки согласны арестовать Керенского, но просят согласовать арест Керенского с казачьим комитетом.

Матросы идут во дворец, где помещается казачий комитет, почти целиком состоящий из офицеров и юнкеров. Площадь дворца забита казаками. Матросы начинают с ними беседовать. Казачий комитет выходит на площадь, и тут происходит сцена весьма удивительная.

Матросы предлагают казакам переизбрать казачий комитет, так как, по их мнению, в комитет должны входить на равных основаниях и казаки.

Раздаются крики: «Правильно!» Тут же казаки называют своих кандидатов. И вскоре комитет переизбран.

Пользуясь невниманием караула, несколько офицеров Керенского пытаются бежать из дворца, но задерживаются впредь до выяснения обстановки.

Вместе с комитетом матросы идут во дворец.

Офицеры с нескрываемым удивлением взирают на непрошеных гостей. Все ожидали увидеть сумрачных большевиков, глядящих исподлобья,— суровых и грубых представителей «черни». Но перед ними были веселые и смеющиеся люди, бесстрашно пришедшие в стан врагов.

Начинается между тем заседание вновь избранного казачьего комитета, на котором большевики снова ставят вопрос о выдаче и аресте Керенского.

Казаки согласны выдать Керенского, но юнкера и часть офицеров решительно возражают. Заседание затягивается.

17. ИСТОРИЧЕСКИЙ РАЗГОВОР

Тем временем казаки по собственной инициативе поставили многочисленный караул у дверей квартиры Керенского

Керенский, бегающий из угла в угол комнаты, был поражен и взволнован этим «новым актом насилия».

Смертельно бледный и взволнованный, он попросил к себе генерала Краснова. Он гневно сказал ему:

— Генерал, вы предали меня. Тут ваши казаки определенно говорят, что они меня арестуют и выдадут большевикам.

— Да,— ответил генерал Краснов,— разговоры об этом идут. И я удивляюсь, что вы об этом только сейчас узнали.

— Но неужели и ваши офицеры — предатели? Неужели же небольшая кучка матросов (а их было всего два матроса) может им навязывать свои приказы?

— Мои офицеры,— ответил Краснов,— еще в большей степени, чем казаки, настроены против вас.

— Что же мне делать, генерал? Может быть, покончить с собой... Как вы думаете?

— Я думаю,— ответил Краснов,— что вы как глава правительства должны поехать в Петроград и там явитесь в этот самый ваш Революционный комитет. Там в кругу своих революционеров и побеседуйте на ваши темы. Вы, сударь, вели большую игру — вот и извольте теперь отвечать.

Керенский был крайне смущен этим предложением и этими жесткими словами.

— Как же это сделать?— бормотал он.— Сами посудите... я не знаю... Но ведь на улице... может быть даже самосуд... Чернь не знает, что такое благородство... Как же я поеду?

— Я вам дам надежную охрану,— сказал Краснов.— Возьмите в крайнем случае белый флаг. Может быть, тогда они вас и не тронут.

— Ну да, разве что белый флаг... Тогда дайте мне понадежней охрану... Иначе я не поеду...

— Если хотите,— ответил Краснов,— я попрошу матросов поехать с вами.

— Нет, не надо,— воскликнул Керенский.— Я с матросами категорически не поеду...

Керенский задумался.

— Нет,— сказал он вдруг решительно,— я не могу сдаться большевикам... Я предпочту что угодно... Я прошу вас, генерал, увести хотя бы казаков от моих дверей. Их разговоры и топот ног меня нервируют... Я должен обдумать...

Краснов открыл дверь и, выйдя в коридор, сказал казакам:

— Казаки, пусть большевики сами как хотят поступают

с этим Керенским. Не нам судить его и не нам его караулить. Я надеюсь, что он со временем даст ответ царю и России.

Керенский, полуоткрыв дверь, слушал слова Краснова.

— Станичники...— глухим и дрожащим голосом сказал он, шагнув в коридор.

Казаки, увидев Керенского, заволновались. Краснов махнул рукой, чтоб тот удалился. И когда Керенский ушел, Краснов снова обратился к казакам, говоря, что поставленный у самых дверей караул оскорбляет этого господина, что он еще не арестован, и самочинный арест во всех отношениях незаконен и неправилен.

Казаки нехотя удалились от дверей и, спустившись вниз, расположились у входа.

Керенский стоял теперь у окна. Вся площадь перед дворцом кишела казаками. Решительно не было никакой возможности отсюда уйти. Глава правительства и верховный главнокомандующий, «вождь революционной России», кумир толпы и вчерашний властелин был обречен, и каждая секунда приближала его к последнему ответу.

Смерть или позорный плен — вот, кажется, неизбежный конец...

Вялость и безразличие сковали премьера, и он почти безучастно стоял теперь у окна.

Прапорщик Миллер со слезами смотрел на своего господина.

Офицер для поручений поручик Виннер спросил — пришло ли время застрелиться.

Вдруг глаза Керенского зажглись гневом и бешенством.

— Надо бежать,— сказал он глухо.— Машина ждет меня за парком... Надо найти выход... Ни о каком плене не может быть и речи. Ах, если бы можно было, господа, достать сейчас хоть какой-нибудь костюм.

Поручик Виннер подал Керенскому дорожные очки, взятые им на всякий случай у шофера.

Оставалось дело за небольшим — надо было найти какой-нибудь костюм.

— Если бы можно было достать костюм матроса,— сказал Керенский, бегая по комнате.

Но как это сделать? Нет сомнения, что тут матросского костюма не достать. Да и спасет ли он Керенского?

Напротив, все обратят внимание на вышедшего из дворца матроса. Очки вряд ли помогут делу.

Офицеры выбежали из комнаты, с тем чтобы подыскать что-нибудь подходящее.

18. БЕГСТВО

Они вскоре вернулись с костюмом сестры милосердия.

Прапорщик Миллер, захлебываясь от волнения и бега, сказал, что этот костюм дала им сейчас проживающая тут во дворце старуха, великая княгиня. Сейчас у нее сидит неизвестная им молодая особа, которая сама вызвалась выйти с Керенским из дворца и проводить его до машины. Выйдя вдвоем, они, без сомнения, не вызовут подозрения у стражи.

Дрожащими руками Керенский стал напяливать на себя серое длинное платье, косынку и белый передник с красным крестом.

Он стал теперь походить на старую, рыхлую бабу с отвисшей челюстью.

Несмотря на трагизм момента, офицеры не могли удержаться от приступов истерического смеха — до того фигура сестры была страшна и неказиста.

Действительно, плохо выбритое, бледное, зеленоватое лицо с рыжеватой щетиной, маленькие сверкающие глаза и чересчур крупная, далеко не женская голова придавали сестре милосердия устрашающий вид.

Керенский, поглядев в зеркало, со стоном отпрянул назад.

Он молча стал срывать с себя тряпки, с ожесточением бросая их в угол комнаты.

Раздевшись, он тяжело опустился в кресло. Голова его склонилась на грудь. Быть может, в эти минуты он думал о Наполеоне, который отказался бежать с острова св. Елены только потому, что его хотели перенести на корабль в бельевой корзине. Император не пожелал до этого унизиться.

Полураздетый и неподвижный сидел Керенский в кресле. Сознание почти покидало его.

Офицеры стали уговаривать Керенского надеть это платье, так как ничего другого не оставалось. И, кроме того, нельзя было медлить — незнакомка ожидала его в коридоре.

Снова дрожащими руками Керенский, с помощью офицеров, стал надевать на себя этот дамский убор и, побольше закрыв лицо косынкой, неуверенной, расхлябанной походкой вышел из комнаты, путаясь в длинных юбках.

В коридоре его ждала незнакомая ему молодая женщина в костюме сестры милосердия.

Взяв его под руку, она спустилась с ним по лестнице. И они вдвоем, беспрепятственно пройдя мимо охраны, вышли на двор, полный казаков. Казаки посторонились, давая дорогу взволнованной молоденькой сестрице, волочившей под руку свою, быть может, разбитую параличом мамашу, у которой заметно подгибались ноги[1].

Инсценировка как нельзя лучше удалась, потому что игра была, видимо, близка к реальности и ничуть не затрудняла актеров. В самом деле, тут было отчего подгибаться ногам — игра была «ва-банк». И если бы в таком виде обнаружили Керенского — ему, несомненно, было бы несдобровать.

Пройдя через парк и крепко пожав руку своей спутнице, Керенский, никем не замеченный, доплелся до своего автомобиля и плюхнулся в него.

Свидетелей не было, и мы не знаем, как шофер реагировал на появление Керенского в этом наряде. Возможно, что он его сразу не узнал, и очень возможно, что между ними произошел какой-нибудь исторический разговор.

Все это было неизвестно. Известно только, что машина с бешеной скоростью помчалась к Пскову.

Когда выехали на шоссе, Керенский с полным отчаянием увидел вдруг подходящие к Гатчине эшелоны. Сердце его замерло, и он хотел вернуться. Но нелепый наряд не позволил ему это сделать.

Надо сказать, что Керенский не ошибся. Это действительно из Луги шел эшелон с ударниками, за которыми выехал Савинков.

Но еще до этого от Савинкова пришла телеграмма, которая и была оглашена на казачьем комитете. В телеграмме говорилось, что из Луги отправлено двенадцать эшелонов.

Телеграмма эта вызвала среди казаков некоторое замешательство. Казачий комитет, давший уже согласие на арест Керенского, снова стал обсуждать положение.

И Керенский, которого должны были арестовать, получил благодаря этому время и возможность бежать.

Эта телеграмма, помогшая Керенскому уйти, сыграла, впрочем, положительную роль в деле боевой подготовки.

---

[1] Отметим кстати, что сам Керенский, рассказывая о своем бегстве, не сосчитал удобным для истории написать, как он исчез из дворца. Он только глухо пишет: «Нелепо переодетый, я прошел мимо караулов...» И это понятно: комический и нелепый наряд как-то неважно выглядит на страницах истории.

Подходившие отряды матросов успели подготовиться к встрече ударных батальонов.

Между тем казаки, пришедшие арестовать Керенского, не нашли его в комнатах. Слух о бегстве тотчас повсюду распространился. Стали обыскивать дворец, но премьера нигде не было.

Поручик Виннер и часть офицеров Керенского, воспользовавшись замешательством и суматохой, бежали, сорвав с себя погоны и кокарды.

Адъютант Керенского, прапорщик Миллер, замешкавшись во дворце, был арестован.

Вскоре в Гатчину вступили Финляндский полк и первый отряд матросов.

Через два часа все юнкера и казаки были обезоружены.

Когда пришли к Краснову, он спросил:

— Вы меня расстреляете?

— Нет. Мы вас отправим в Петроград[1].

Между тем отряд матросов выехал навстречу эшелонам ударников, которые выгружались теперь в пяти километрах от Гатчины. И энергичный Савинков лично собирался их вести.

Несколько матросов направились к отрядам Савинкова и предложили им сдаться.

Савинковцы (которых было около трех тысяч) стали обсуждать положение и после кратких переговоров перешли на сторону большевиков.

Группа офицеров, во главе с Савинковым, бросилась бежать, отстреливаясь.

Сами солдаты, установив свои пулеметы, стали расстреливать бежавших.

Последняя попытка подавить оружием пролетарскую революцию снова бесславно рухнула.

19. ИЗДАЛЕКА

В костюме сестры милосердия Керенский, приехав в Псков, снова явился к своему родственнику, и тот сообщил ему о разосланной повсюду телеграмме от имени 3-го казачьего корпуса:

---

[1] Отправленный в Петроград Краснов был арестован, но вскоре выпущен под честное слово (с тем чтобы он никуда не убежал), но генерал, охотно дав слово, не выполнил его и при первом удобном случае бежал за Дон. На Дону он был выбран атаманом «Всевеликого войска Донского» и вскоре повел казаков в наступление против советских войск. Он стал одним из опаснейших врагов Советского Союза.

«Керенский позорно бежал, предательски бросив нас на произвол судьбы. Каждый, кто встретит его, где бы он ни появился, должен его арестовать как труса и предателя».

Переодевшись в гусарскую шинель, Керенский не без трепета явился к Черемисову.

В точности неизвестно, что там было и какие унижения вынес Керенский. Генерал Черемисов остался верен своему слову и ночью с помощью офицеров перебросил Керенского через линию фронта.

В общем, Керенский бежал за границу. Первые шаги его там истории неизвестны, но месяца через два он появляется в Праге и читает там лекции о судьбах России.

На одной из лекций, кажется, год спустя, к нему подошел один из русских эмигрантов и ударил его по лицу, сказав, что он бьет человека, который погубил Россию.

Керенский покинул Прагу и вскоре обосновался в Париже, где, помимо политических дел, занялся журналистикой и докладами.

Он стал ездить с разного сорта докладами и по другим странам. И несколько раз не без успеха посетил Америку и Англию.

В двадцать третьем году он выпустил в Париже книгу, названную им «Издалека».

В этой книге собраны его статьи, доклады и фельетоны.

Мы просматривали эту книгу. Весьма слабые, бесцветные фельетоны не создали бы ему даже и посредственное имя среди журналистов.

Слабенькие фельетоны полны крикливыми и шаблонными выражениями: «Свершилось»... «Горе маловерам»... «Руки прочь»... «Ужасы жизни»... «Герострагы наших дней»... и т. д.

Следует отметить, что желание принести благо человечеству с помощью своей особы не оставляет его и тут. И он оплакивает «несчастных, ни в чем не повинных братьев наших», брошенных им на произвол судьбы.

В общем, судя по его книге, он действительно ничего не понял, что с ним было и какую жалкую роль он сыграл двадцать лет назад.

В настоящее время Керенскому пятьдесят шесть лет. Он живет в Париже. И говорят, что он еще сравнительно ничего себя чувствует.

1937

О ЮМОРЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

1

Я больше года прожил в Казахстане.

Однажды летом я был на встрече колхозников с народным певцом (акыном).

Колхозники тесным кольцом обступили акына. Смеясь и улыбаясь, стали перекидываться с ним словами. Смеясь и улыбаясь, певец отвечал колхозникам. Вероятно, в его ответах было что-то очень смешное,— хохот долго не смолкал. Наконец, подняв вверх домбру и взмахнув ею, акын начал петь.

Первые строчки его песни были комические — слушатели смеялись.

Однако я был весьма удивлен, услышав следующие его песни,— они также были начаты с забавных, потешных вступлений.

Я спросил певца, всегда ли так он начинает свои песни.

Певец ответил:

— Народ любит смеяться. Смех открывает его сердце. Я всегда так начинаю свои песни.

В скором времени я узнал, что и многие другие певцы (и в том числе славный народный поэт Джамбул) нередко начинают свои песни с веселых острот, с забавных шуток, с комических споров со слушателями.

В июле 1942 года я побывал в гостях у Джамбула. Мне не удалось услышать его песен. Взяв домбру, Джамбул спел только лишь краткое приветствие гостям.

Я спросил у переводчика Джамбула: почему в русских переводах мы не встречаем комических начал, которыми пользуется поэт?

Переводчик ответил:

— Джамбул, действительно, нередко начинает песни с потешных вступлений. Но у нас не принято это переводить. Тем более, что это не всегда стихи. Иной раз это — шутка, каламбур, острота. Обычно мы не переводим эту юмористику.

Я подивился такому пренебрежительному отношению к юмору. И подумал, что мы не в полной мере ознакомлены с замечательной поэзией Джамбула.

2

В дальнейшем я вполне убедился, что комическое начало не есть нечто случайное в устной казахской поэзии.

Например, песенные состязания между акынами почти всегда начинаются с комических импровизаций.

Соревнования в песнях между молодым человеком и девушкой также нередко имеют комический оттенок. Так, например, девушка задает своему партнеру тему: «Как бы ты меня любил, если б я была звездочкой или рыбкой».

В ответ молодой казах с улыбкой поет об этой своей фантастической любви. Можно представить, какой простор в этой теме для истинного юмора.

На одном вечере у казахского писателя присутствовал народный певец. Он был стар. Ему было свыше 80 лет. Однако выглядел он чрезвычайно молодо. Что-то цветущее, почти юношеское было в его облике. На него было удивительно глядеть.

Обратившись к гостям, певец попросил дать ему тему для песни.

Я дал ему тему: «Отчего я такой молодой»[1].

Улыбаясь, акын начал петь. Раздался взрыв хохота. Должно быть, начало было очень забавное. Я пожалел, что не знал языка. Перевод не в достаточной степени осветил мне это комическое начало.

Но только лишь начало было комическим. Вся остальная песня трактовала тему серьезно и даже героически.

Акын пел, что в молодые свои годы он не был молодым. Он был беден. У него было много забот и тревог. Звание поэта было почетным. Но не было уверенности, что его песни нужны народу, не было уверенности, что его песни приносят пользу беднякам. А сейчас он твердо знает, что его песни нужны народу. И он знает, что нужно петь ему. В дни суровой войны он поет о подлом враге, который хотел отнять от народа то, что дала ему советская страна.

И вот эта уверенность, пел акын, дает ему ель и смысл жизни. И вот почему он так молод и даже юн.

---

[1] Следует сказать, что культура народной казахской песни необычайно высока. Поражает поэтическая техника певца. Певцу дают тему, и он тотчас, не теряя минуты, подхватывает ее и «развертывает» перед слушателями рифмованными стихами иной раз превосходного качества. Столь высокая песенная культура, очевидно, объясняется многовековым опытом и поэтической одаренностью народа. (Примеч. авт.)

Финальные строчки песни звучали так: «Я хотел бы прожить еще столько, сколько я прожил. Я полагаю, что это совершенно возможно, поскольку я так еще молод и юн».

Этот финал, как мы видим, не лишен улыбки, юмора.

О чем же говорят все эти примеры, которые я привел в этой моей статье? Они говорят об огромной любви казахского народа к иронии, юмору, смеху.

3

Обратимся теперь к устной прозе — к народным сказкам, пословицам и поговоркам казахского народа.

Устная проза еще в большей степени подтверждает наше мнение, что юмор есть природное, неотъемлемое свойство казахов.

Весь цикл рассказов об Алдар-Косе — юмористичен. Улыбка и насмешка присутствуют в каждой его истории.

В одинаковой степени и в народных казахских сказках мы видим все элементы комического.

Здесь я хочу привести одну небольшую казахскую сказочку для того, чтоб читатель представил себе характер и свойства казахского юмора.

Эта сказочка называется: «Пока не вырастет хвост у коня»[1].

Один бедняк попросил бая (богача) одолжить ему лошадь для работы. За небольшую плату бай одолжил лошаденку, но пожадничал и не дал хомута. Побоялся, что бедняк загрязнит и поцарапает хороший хомут.

Бедняк думал-думал, как бы ему приспособить лошадь к телеге. Хомута нет. Но зато у лошади есть хвост. Бедняк взял и привязал телегу к лошадиному хвосту.

На ровном месте все шло хорошо, но когда въезжали в гору, хвост у коня оторвался.

Бай рассердился и подал в суд на бедняка. И потребовал, чтоб бедняк на него работал до тех пор, пока не отрастет хвост у коня.

Судья стал читать приговор в пользу бая, полагая, что богач одарит его подарками.

Судья уже произнес начало приговора: «Пока не вырастет хвост у коня»... Но в это время бедняк показал судье мешок, который находился у него под полой халата.

---

[1] Сказка записана плохим русским языком, и поэтому я расскажу ее своими словами. (Примеч. авт.)

Увидев солидный мешок с подношениями, судья прокашлялся и стал читать приговор в пользу бедняка.

«Пока не вырастет хвост у коня,— повторил судья,— пусть конь останется у того, кто оторвал ему хвост...»

Когда разгневанный бай вышел из суда, судья велел бедняку высыпать из мешка те подношения, которые он принес. Развязав мешок, бедняк высыпал на пол камни.

— Негодяй!— закричал судья.— Ты обманул меня.

— Судья,— сказал бедняк,— я не обманывал тебя. Я принес этот мешок, чтоб побить тебя камнями, если б ты приговорил меня работать на бая до тех пор, пока не отрастет хвост у коня...

Эта замечательная народная сказка есть в полной мере художественное произведение со всеми элементами смеха — от улыбки до сатиры включительно.

Почти все казахские сказки ироничны, как ироничны пословицы и поговорки. Некоторая грубоватость пословиц подчеркивает их истинный юмор:

«Осел разжиреет — хозяина лягнет».

«Бей собаку костью — визжать не станет».

«От бесконечных побоев даже бог околеет».

Устная проза с новой силой подтверждает, что юмор свойствен казахскому народу в высшей степени.

4

Если это так, если чувство комического в такой степени живет в сердце народа, если его устная литература полна юмора, то мы вправе ожидать, что в письменной литературе казахского народа увидим литераторов с комическим дарованием, сатирических поэтов и писателей-юмористов.

Между тем, такого рода писателей в казахской литературе мы не встречаем. Более того — юмор в очень малой степени отражен в ней.

Я допускаю, что переводы деформировали оттенки речи, погасили улыбку, частично уничтожили смех. Допускаю, что я не все прочел из того, что было переведено. И в силу этого я не беру на себя смелость утверждать, что в современной казахской литературе отсутствует юмор. Однако можно утверждать, что в сравнении с устной литературой диспропорция в юморе весьма велика.

В замечательной казахской литературе юмор, мне кажется, должен занять то место, какое ему принадлежит по праву, по справедливости и в соответствии с духом казахского народа.

Я не сомневаюсь, что юмор казахской литературы будет одним из сильнейших наряду с юмором других народов.

В области юмора я работаю двадцать три года. Это весьма солидный стаж для литератора. И в силу этого мне позволительно говорить об этом предмете, как профессионалу, как опытному производственнику, перед которым поставлена задача — произвести анализ и найти причину диспропорции.

Я имею мнение, что нормальное развитие юмора в казахской литературе тормозится по двум основным причинам.

Первая причина относится в одинаковой мере как к казахской литературе, так и к нашей, и может быть, и к литературам всех народов.

Речь идет об отношении к комической литературе как к низкому жанру.

Нередко в этом повинны сами литераторы-юмористы, которые создают неполноценные произведения в силу своей малой квалификации. Они нередко создают весьма посредственную, специфическую литературу — «юмористику» и этим определяют отношение к ней. Причем это отношение обычно распространяется и на весь комический жанр.

Прошу извинить, что я приведу пример из моей литературной практики. Лет двадцать назад я на себе испытал это пренебрежение к жанру. Мои маленькие комические рассказы не считались литературой. И в толстых журналах их не печатали. Я вспоминаю, как один редактор сказал мне: «Ваши миниатюры смешны и забавны, но это схема рассказов, а не рассказы. Их надо обрастить добротной художественной тканью. Тогда ваш смех будет художественен, тогда он не будет самоцелью. Пока то, что вы делаете,— не есть литература».

Я не стал ждать, когда отрастет хвост у моего литературного коня. На своем «бесхвостом коне» я поехал дальше. С этим редактором мне было не по пути. Я ехал в гости к читателям. А он ехал к тем, кто, быть может, уже истлел в могиле.

Такое пренебрежительное отношение к юмору, какое некогда я встретил на своем пути, несомненно может тормозить его развитие. Такое пренебрежение может заставить автора стесняться выражать свои чувства смехом, может погасить юмор, может потушить улыбку. Смех может

показаться недостойным в таком высоком, в таком серьезном деле — в литературе!

Нет сомнения — это ошибка. И эта досадная ошибка идет вразрез с желанием и требованием народа — смеяться.

Пренебрежительного отношения к юмору не должно быть. Следует развивать и выращивать культуру маленького комического рассказа, культуру потешной песни, культуру сатирического газетного фельетона.

Второе обстоятельство, которое может тормозить развитие юмора, более сложно. Оно тем более сложно, что развитие письменной литературы происходит иной раз в силу столкновения с устной литературой[1].

Желание разорвать привычные формы, желание сломать традиции, чтобы создать нечто иное, еще более высокое, более современное, уводит подчас литературу от устной литературы, от фольклора к далеким берегам. Это законное желание разорвать преемственность заставляет обратиться к иным образцам — к классической литературе, к классическим формам.

Это совершенно законное, но, нет сомнения, временное явление на путях развития литературы. Оно неизбежно, но оно и таит в себе опасности. Опасности не для всей литературы, конечно, но для отдельных литераторов. Слишком почтительное отношение к классике может увести иного литератора от задач современной литературы, от современной формы и речи, от народного синтаксиса, от улыбки, которую ждет народ.

Я снова позволю себе смелость привести пример из моей литературной практики.

Мои первые работы я делал, подражая Чехову и Гоголю. Возможно, что я достиг бы каких-нибудь «высот», если б продолжал эти работы. Но аудитории у меня бы не было. Вернее, у меня была бы маленькая и несмеющаяся аудитория. Ибо смеху нельзя подражать. Повторяемость гасит улыбку, уничтожает смех. Смех не возникает, если его создавать по готовым рецептам прошлого.

Я попытался разорвать эту преемственность со старой литературой. От классических образцов я попытался уйти к подлинной реальной жизни. За образчик я постарался взять народную речь, а не приподнятую речь класси-

[1] До второй половины 19 столетия у казахов не было письменной литературы. (Примеч. авт.)

ческих произведений прошлого. И тогда возникла улыбка возник смех.

В противном случае смеха не получилось бы.

5

Перед современной литературой стоят огромные и ответственные задачи.

Перед литератором стоят задачи наших боевых героических дней. Война создала много замечательных героев. Описание подвигов этих прославленных героев — достойнейшая тема и прозы и поэзии.

Героическая тема остается во главе литературы наших дней.

Мы одержали решающую морально-политическую победу над фашизмом. Фашизм выступил против всего прогрессивного — против сознания, против науки, против культуры и цивилизации.

Фашизм предложил миру циничнейшие формулы — рабство, варварство, звериные инстинкты и «расу господ» в лице немцев.

Задача литератора — показать истинное лицо фашизма, разъяснить народу, что скрывается за всей этой галиматьей. Задача литератора — вызвать патриотические чувства народа, вдохновить народ на подвиги и в тылу и на фронте.

По окончании войны перед литератором будут стоять не менее значительные задачи. Фашизм будет уничтожен. Будет уничтожена эта мрачная чугунная тень, которая лежит на земле,— тень варварства и дикости.

Перед литератором будет задача сблизить литературу с наукой, чтоб в свете науки погасить остатки тьмы. Перед литератором будет стоять самая высокая задача — еще более приблизить литературу к народу.

Это будет основная задача послевоенного дня.

Я не сомневаюсь, что будущее литературы у каждого народа — это литература в полной мере народная.

КОММЕНТАРИЙ

С л у ч а й в б о л ь н и ц е. Печ. по сб. «Рассказы» (На обл. «Избр. юмор. расск.»). М., «Огонек», 1925 (Библ. «Огонек» № 29).

К а р у с е л ь. Печ. по сб. «Матренища», М.—Л., «Зиф», 1926 (Библ. сатиры и юмора).

Р а з г о в о р ы. Там же.

Н и щ и й. Там же.

С п и ч к а. Там же.

З а с ы п а л и с ь. Печ. по кн. «Уважаемые граждане». М.—Л., «Зиф», 1928 (Библ. сат. и юм.).

П а р о х о д. Печ. по кн. «Над кем смеетесь?» М.—Л., «Зиф», 1928 (Библ. сат. и юм.).

И н ж е н е р. Там же.

С и л а к р а с н о р е ч и я. Там же.

А в а н т ю р н ы й р а с с к а з. Там же.

К а т о р г а. Там же.

С к в е р н ы й а н е к д о т. Печ. по кн. «Личная жизнь». Л., ОГИЗ—ГИХЛ, 1934.

Б е с с о н н и ц а. Там же.

К р о л и к и. Там же.

Б о л ь ш о й с ю р п р и з. Печ. по кн. «1935—1937». Л., Гослитиздат, 1937.

Ф и з и к а. Там же.

С к а з к а. Печ. по кн. «Рассказы. 1937—1938», Сов. пис., 1938 г.

К о р о л ь з о л о т а. Там же.

Б л а г и е п о р ы в ы. Там же.

Г а р у н а л ь-Р а ш и д. Печ. по кн. «1937—1939». Гослитиздат, 1940.

З а т м е н и е в Э н с к е. Печ. по кн. «Фельет. Расск. Повести». Лениздат, 1946.

К о м м е р ч е с к а я о п е р а ц и я. Там же.

С а п о г и. Там же.

С к а н д а л в б л а г о р о д н о м с е м е й с т в е. Там же.

Ф а ш и с т ы у ч а т с я. Там же.

О б о ю д н о е п о н и м а н и е. Там же.

У ц е л е л. Там же.

Нашел, что искал. Там же.

Трусишка Вася. Печ. по кн. «1937—1938». Сов. пис.. 1938.

Умная Тамара. Там же.

Приключения обезьяны. Печ. по кн. «Фельет. Расск. Повести». Лениниздат, 1946.

Интересный рассказ. Там же.

После разлуки. Печ. по кн. «Неизд. произв.». М.—Л., Сов. пис., 1962.

Страшная месть. Печ. по кн. «Избр. расск. и повести». Сов. пис., 1956.

Петр Иваныч и другие. Печ. по кн. «Неизд. произв.». М.-Л., Сов. пис., 1962.

Литературные анекдоты. Там же.

Из книги «Письма к писателю». Печ. по Собр. соч., т. 6, М.-Л., Госиздхудлит, 1931.

Сатирик-публицист. Печ. по кн. «1937—1939», Л., «Худ. лит.». 1940.

Война. Печ. по кн. «Над кем смеетесь?» М.-Л., «Зиф», 1928.

Возмездие. Печ. по кн. «1935—1937». Л., Гослитиздат, 1937. Публ. также в кн. «Избр. расск. и повести». Сов. пис., 1956.

Керенский (Бесславный конец). Печ. по кн. «1937—1938». Сов. пис., 1938. Публ. также в кн. «Избр. расск. и повести», Сов. пис., 1956.

О юморе в литературе. Печ. по журн. «Звезда», 1944, № 7-8

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

КУХНЯ СТОЛОВАЯ № 1
КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННАГО ПИТАНIЯ

55 к.

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО